

Александр Михайловский
Александр Харников

БРИТАНСКИЙ ВОЯЖ

ВОЕННАЯ ФАНТАСТИКА

Annotation

Машина времени, открывшая дорогу из будущего в прошлое, успешно работает. Теперь уже не кучка энтузиастов, а вполне серьезные правительственные структуры РФ вышли на прямую связь с императором Николаем I. Сотрудники спецслужб России помогают жандармам бороться с вражеской агентурой, а глава III отделения граф Бенкендорф отправляется в командировку в будущее, дабы там немного подлечиться и встретиться кое с кем из руководства РФ. А в Лондон с деликатной миссией отправилась группа силовиков для поимки Дэвида Уркварта – самого главного ненавистника России. Именно он направлял на Кавказ в помощь мятежным горцам оружие и деньги, добровольцев и военных советников. Нужно во что бы то ни стало отловить его и доставить в Петербург.

- [Александр Михайловский, Александр Харников](#)

-
- [Пролог](#)
- [«От каждого по способностям...»](#)
- [Новые знакомые](#)
- [И хочется, и колется...](#)
- [Первый шаг к цели](#)
- [Москва Златоглавая](#)
- [Это была славная охота!](#)
- [Разговор в узком кругу](#)
- [Ах, сердце...](#)
- [Вот мы и дома!](#)
- [Британия готовит реванш](#)
- [Ждем и верим](#)
- [Русские своих не бросают...](#)
- [Нашему полку прибыло!](#)
- [Курс на Балтийск](#)
- [Завтра будет завтра...](#)
- [«Здесь продается славянский шкаф?»](#)
- [Пиф-паф, и вы покойники...](#)
- [Возвращение «Одиссеев»](#)
- [Наука побеждать](#)
- [Легендарный Севастополь...](#)

- [«Самое синее в мире...»](#)
 - [В гостях хорошо, а дома лучше...](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
-

Александр Михайловский, Александр Харников Британский вояж

*Авторы благодарят за помощь и поддержку Макса
Д (он же Road Warrior) и Ильина Олега Васильевича*

© Александр Михайловский, Александр Харников, 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2018

Пролог

Сторожевой корабль «Изумруд» Крымского пограничного управления ФСБ России вошел в изумрудную арку межвременного портала. В XIX веке погода немного отличалась от той, которая была в веке девятнадцатом. Вместо черного бархатного южного неба, усыпанного звездами, поверхность моря окутал густой туман. Не было не видно ни зги. Стоящий на палубе «Изумруда» капитан-лейтенант Бобров замурлыкал себе под нос: «Там за туманами, вечными пьяными, там за туманами берег наш родной...» Лейтенанту Русского императорского флота Степану Попову нравилась эта песня, и он стал подпевать своему другу.

Бобров неожиданно рассмеялся.

– Степа, да ты совсем стал нашим. Даже наши песни поешь. Может быть, примешь присягу Российской Федерации и перейдешь к нам на службу?

– А может быть, ты, Андрей, присягнешь государю нашему, Николаю Павловичу, да будешь служить под командованием адмирала Лазарева? – подколот своего приятеля Попов. – Я замолвлю за тебя словечко императору.

– Вам бы только языками чесать, – ворчливым старушечьим голосом вмешался в их разговор вахтенный офицер лейтенант Коровин. – Между прочим, такая мерзкая погода – самое то для наших «друзей». Помните, как дней десять назад мы в таком же тумане перехватили турецкую фелюгу с английскими ружьями? Конечно, если бы не радиолокатор – ни за что бы их не заметили.

– Ну, так и сейчас, наверное, БЧ-7 своим делом занимается, – ответил капитан-лейтенант Бобров. – К тому же наши люди в Болгарии сообщили, что лаймиз готовятся к переброске на Кавказ очередной партии пороха и денег. Учитывая, что турки могут позариться на золотишко, экипаж шхуны, которая возьмет этот груз, будет исключительно британским. Хотя эти островитяне тоже при первой же возможности набили бы карманы полновесными гинеями.

– Так-то оно, конечно, так, – с сомнением произнес лейтенант Попов, – только в этот раз экипаж будет состоять из людей проверенных. А сие означает, что они будут стараться во что бы то ни стало прорваться к побережью. И сопротивляться будут отчаянно.

– Пусть только попробуют, – зловеще ухмыльнулся Бобров. – Мы их

враз научим хорошим манерам. – И он указал рукой на башенку корабельной артиллерийской установки АК-630.

Попов кивнул – он помнил, как из такой вот шестиствольной пушки в считанные минуты была уничтожена британская яхта «Свифт». Техника уничтожения потомков порой ужасала его. Лейтенант не раз задумывался над тем – как далеко шагнула человеческая мысль в деле истребления себе подобных.

– Товарищ капитан-лейтенант, – к Боброву подбежал вахтенный матрос, – командир велел передать – обнаружена одиночная цель, дистанция двадцать миль, скорость семь узлов. Двигается в сторону мыса Адлер.

– Похоже, что это те, кого мы ждем, – сказал Бобров. – Ну, все, ребята, шутки в сторону. Все по местам, начинаем работать...

* * *

...Двухмачтовая быстроходная шхуна «Си Фокс» вышла из Бургаса тихой туманной ночью. Ее шкипер, Фрэд Дженкинсон, был опытный моряк, давно уже плававший в этих водах. К тому же он был удачлив, а для экипажа это весьма важно – ведь, по мнению матросов, удача их капитана служит залогом безопасности.

Все знали – что за груз в трюме шхуны. Правда, про золото известно было немногим. Да и хранился бочонок с золотыми монетами в каюте капитана, под охраной самого мистера Дженкинсона и его слуги-телохранителя. А вот про бочки с порохом знали все. И прекрасно понимали, что в случае, если их перехватит русский корабль из числа блокировавших кавказское побережье, и начнется перестрелка, то шансов уцелеть для них почти не останется. Одно ядро в трюм – и все дружно вознесутся на небо. Точнее, загремят в ад, потому что с их грехами в рай экипаж «Си Фокс» вряд ли попадет.

Одна была надежда – на туман и везение капитана. Матросы знали – если все пройдет удачно, за этот рейс они получают хорошую премию от секретной службы Ее Величества королевы Виктории – да хранит ее Господь! Поэтому все команды капитана и боцмана экипаж выполнял беспрекословно, а наблюдатели, сжимая в потных ладонях подзорные трубы, пытались сквозь туман углядеть паруса русских патрульных корветов и бригов.

Но корабль, которого им следовало бояться, парусов не нес, и, что

самое главное – давно уже обнаружил шхуну. И не только обнаружил, но и взял ее на прицел.

Капитан-лейтенант Бобров знал о грузе «Си Фокс». Он понимал, что попытка высадить на шхуну досмотровую группу опасна. И не только потому, что ее капитан мистер Дженкинсон считался абсолютным «отморозком». Дело в том, что все матросы шхуны были вооружены, и стоило хотя бы одному из них выстрелить в бочку с порохом, которых было немало в трюме «Си Фокс»...

В общем, капитан-лейтенант, посоветовавшись с лейтенантом Поповым, принял решение – без особых затей просто утопить британцев.

Что и было выполнено. К тому же капитан Дженкинсон сам, что называется, нарывался. Увидев сторожевик, он попытался оторваться от него и первым открыл огонь. В ответ прозвучала очередь корабельной шестистволки. А потом бабахнуло, да так, что грохот взрыва, наверное, был слышен у мыса Адлер, к которому «Си Фокс» так и не дошла. Спасенных не было, да и вряд ли могли быть.

«Изумруд» продолжил свое патрулирование, а матрос палубной команды кисточкой стал рисовать на рубке очередную красную звездочку...

«От каждого по способностям...»

После прогулки на катере по Неве все, за исключением графа Бенкендорфа, которого подполковник Щукин лично отвез в закрытый санаторий ФСБ, направились на Черную речку, где в ангаре облачились в наряды XIX века и стали ждать открытия портала.

Путешествие из прошлого в будущее и наоборот стало уже привычным делом для всех, кроме Надежды Щукиной, которая, несмотря на свою отчаянную храбрость, сейчас немного волновалась. Платье, которое ей нашла в своих, казалось, неисчерпаемых закромах Ольга Румянцева, показалось «летающей амазонке» смешным и нелепым. Но, как ни странно, в нем она стала еще красивее, хотя, казалось, куда уж больше. Ротмистр Соколов не сводил с Надежды восхищенных глаз, а подполковник Щукин, внимательно за всем наблюдавший, лишь таинственно улыбался и хмыкал.

Антон настроил свой чудо-агрегат, изумрудная точка постепенно превратилась в огромный овал, и в открывшемся портале все увидели зелень кустарника и фигуры встречающих. В них Шумилин узнал Сергеева-старшего, Юрия Тихонова и Игоря Пирогова. Встретить свою любимую дочь явился и сам император. Александру показалось, что встречавшие были немного взволнованы. Три кареты дворцового ведомства ждали хронопутешественников за небольшой рощицей.

О причине волнения встречающих Виктор и Юрий рассказали Шумилину и Щукину в карете, после того, как портал закрылся и все отправились в путь. То, что произошло в лесу неподалеку от имения Сергеева, лишний раз подтвердило решение Александра – окончательно и радикально разобраться с неугомонным мистером Урквартом и его приятелями. Если британцы зашли так далеко и, что называется, края потеряли, то их следует поставить на место и отучить заниматься беспределом в России. Не навсегда, так хотя бы на какое-то время...

– А Юра молодцом себя показал, – Сергеев кивнул на сидевшего рядом с ним Тихонова. – Вроде сугубо штатский человек, а не запаниковал, когда надо было стрелять, вполне нормально себя вел. Наш человек...

– Ну, когда на тебя прут бешеные пшки с кинжалами, тут не до гамлетовских сантиментов «бить или не бить?», – с улыбкой ответил тот. – К тому же в молодости мне довелось побывать в нескольких научных экспедициях. На Камчатке приходилось спать в палатке с карабином в

обнимку. Бывали случаи, когда любопытные медведи заглядывали в наш лагерь на огонек. А тут ляхи какие-то...

– Все равно молодец, Николаевич, – Щукин одобрительно похлопал Тихонова по плечу. – Надо к твоему «парабеллуму» тебе еще кое-что подбросить. Кажется мне, что наши захватывающие приключения только-только начинаются.

– Кстати, Иваныч, – обратился он к Сергееву, – как в связи со всеми этими делами настроение у императора? Он уже решил, что нам необходимо навестить Туманный Альбион, чтобы кое-кого из его обитателей наставить на путь истинный?

– В общем, да, – ответил Виктор. – Николаю Павловичу очень не понравилось то, что британцы считают Россию чем-то вроде Цинского Китая. Шляются по стране почем зря, таскают с собой польских недобитков, пытаются похищать или убивать людей, к которым лично благоволит государь. В общем, Михайлыч, карт-бланш получен, и пора начинать охоту за скальпом мистера Дэвида Уркварта.

– Мы тут вчерне набросали план экспедиции на Британские острова, – Щукин заявил это будничным голосом, словно речь шла о поездке на дачу, – надо только определиться с ее участниками.

– Ну, Колька мой наверняка туда поедет, – почесав лысую голову, промолвил Сергеев, – если хорошую крупнокалиберную снайперку ему добыть, то он этого Уркварта издалека завалить может.

– Тут, Иваныч, не все так просто, – покачал головой Олег. – Снайперку достать для твоего орла для нас не проблема. Вот только этого сэра нам было бы желательно взять живьем. Он может много чего интересного рассказать. И еще. Парень твой уже засветился. Слишком часто он появлялся рядом с царем. Так что, если он и будет участвовать в охоте на этого британца, то лишь в группе поддержки. А в саму Британию ему соваться не след.

– Пожалуй, ты прав, – немного подумав, произнес Шумилин. – К тому же у Коли особая примета, – и он показал пальцем на свой глаз. – Так что не будем рисковать. Можно высвистать сюда моего Вадима. Их в «Громе» натаскивают качественно. Олег, ты сможешь через своих коллег организовать для Вадима длительную командировку? Пусть наркомафия немного отдохнет от него. Было бы неплохо, чтобы ему разрешили взять с собой его снаряжение и оружие.

– Сделаем, – кивнул Щукин. – С ФСКН мы сможем договориться. И насчет снаряжения тоже что-нибудь придумаем. А с языками у твоего сына как?

– Не очень, – развел руками Шумилин. – Немного шпрехает по-немецки, может читать и писать со словарем по-английски. Чуть-чуть говорит по-фински. Вот и все.

– Ладно, – вздохнул Щукин, – жаль, конечно. Но ему, как я уже сказал, на сам остров, скорее всего, отправиться и не придется. – Да, вот еще что. Тут моя дочурка ко мне прицепилась. Тоже хочет посетить Британию. Подготовлена она неплохо, знает английский и французский. Не лежит душа у меня к этому, но что поделаешь. В хорошей компании даже вооруженный зарубежный туризм в удовольствие.

– А какие еще кандидатуры у вас утверждены? – поинтересовался Сергеев. – Ведь надо отправить за мистером Урквартом как минимум человек пять. Полагаю, что он не живет у себя дома отшельником, а его слуги, как мне кажется, умеют не только овсянку варить и портвейн наливать.

– Можно взять с собой Дениса и казака Никифора Волкова, – немного подумав, сказал Виктор. – Казак много чего умеет. Уже нами проверено не раз. А Денис с его подготовкой тоже лишним не будет. 886-й ОРДБ Северного флота – кто знает, тот сразу поймет – что это за богоугодное заведение.

– 886-й Отдельный разведывательно-десантный батальон... – задумчиво произнес Щукин. – Да, с этими мальцами не пошуткуешь. Только как у него с языками? Хотя бы один знает?

– Племяш знает английский и норвежский языки, – с гордостью сказал Сергеев. – Ну, хотя бы в том в объеме, чтобы допросить пленного. Только я думаю, что допрашивать пленных есть кому и без него. А вот добыть «языка» – это как раз задача для Дениса. Он порассказал мне как-то под настроение – чему их в ОРДБ учили. Так Рэмбо такое, наверное, и не снилось. Думаю, он лишним не будет.

– Ну, вот и хорошо, – подвел итог «мозгового штурма» Щукин. – А еще будет группа поддержки. Если группе захвата туго придется, то они придут на помощь и надают по мозгам британским нехорошим людям, чтобы те не забижали маленьких. Старшим в группе поддержки буду я. Я же возглавлю и всю операцию. В группу поддержки войдут также Сергеев-младший и Игорь Пирогов. Он нам будет нужен как моряк. Скорее всего, покидать негостеприимную Англию нам придется по морю. Во всяком случае, это будет одним из вариантов нашей амбаркации.

– Кстати, – спросил Щукин, – император ничего не говорил о том, насколько мы можем рассчитывать на поддержку сотрудников его внешней разведки?

– Разговор на эту тему был, – уклончиво ответил Сергеев, – но тебе, Олег, лучше обо всем самому побеседовать на эту тему с Николаем Павловичем. Я в ваших делах шпионских, что называется, ни уха, ни рыла. Да и – чем меньше знаешь, тем крепче спишь. А у меня и без того от всего происходящего сплошная бессонница.

– Ладно, – примирительно сказал Щукин, – кесарю – кесарево, а слесарю – слесарево. Да, смотрите, мы уже подъезжаем к Аничкову дворцу. Бедный цесаревич Александр Николаевич – мы скоро его из собственного жилища выживем.

– Он пока холостякует, – улыбнулся Сергеев, – так что помещение временно пустует. К тому же здесь более-менее спокойно. Челядь дворцовую люди графа Бенкендорфа как следует прошерстили и всех неблагонадежных удалили. Это не Зимний, который давно уже стал проходным двором. Так что пусть будущий Дворец пионеров побудет на время нашей штаб-квартирой. Ну, все, приехали. Выгружаемся и идем во дворец. Царь-государь с нами беседовать желает.

* * *

По приезду в Аничков дворец император Николай, не откладывая дела в долгий ящик, сразу же приступил к работе. Пригласив всех в Желтую гостиную и дождавшись, когда они рассядутся в мягких креслах, он прокашлялся и открыл совещание.

– Господа, – обратился он к присутствующим, – вам, наверное, уже известно – что произошло у нас за время вашего отсутствия. Господа из Англии обнаглели настолько, что совершенно перестали считаться с общепринятыми правилами приличия. Я внял советам Виктора Ивановича и принял решение – все виновные должны быть примерно наказаны. Как это лучше совершить – решайте сами, не мне вас учить. Я знаю, что вы в вашем времени научились прекрасно управляться с подобными делами. Поэтому в способах наказания виновных в оскорблении России и меня, как ее монарха, я вас стеснять не стану. Единственное, что я требую от вас – ни в коем случае не должны пострадать невинные.

– Это само собой, ваше величество, – пообещал за всех Шумилин. – А список тех, кто должен отправиться в Англию, чтобы тайно доставить оттуда в Россию мистера Уркварта, у нас уже готов. Руководить этой заморской экспедицией будет подполковник Щукин. Из ваших подданных мы хотели бы пригласить для участия в путешествии в Англию казака

Никифора Волкова. Он уже проверен нами в деле, и мы знаем, что он не подведет.

– Пусть будет так, Александр Павлович, – ответил император. – К сожалению, я не могу разрешить отправиться вместе с вами ротмистру Соколову. Кстати, хочу поздравить его чином майора. Надеюсь, что господин майор со временем станет надежным помощником графа Бенкендорфа. А пока, в отсутствие Александра Христофоровича, он будет наблюдать за всеми текущими делами в подведомственных графу учреждениях.

Красный от смущения новоиспеченный майор вскочил и стал горячо благодарить императора за доверие. При этом от Николая не укрылся взгляд, который бросила на Соколова его новая знакомая – Надежда Щукина. Про себя царь подумал, что было бы совсем неплохо, если бы эти молодые люди со временем сблизились или даже поженились. Таким образом удалось бы покрепче привязать к себе подполковника Щукина, который, как понял император, был вхож к руководству России ХХI века.

– Господа, я знаю о том, что вы обладаете чудесным оружием и механизмами, с помощью которых вам удастся делать то, что не могут делать остальные, – сказал Николай. – Но и без нашей помощи вам никак не обойтись. Поэтому в экспедицию вы отправитесь вместе с флотскими лейтенантами Краббе и Невельским. Они уже знают о вашем происхождении, а потому вам будет легче с ними иметь дело. Официально лейтенанты Невельской и Краббе оправятся в Британию для того, чтобы на верфях королевства познакомиться с новинками парового судостроения. В Лондоне вы, Олег Михайлович, будете иметь дело с нашим дипломатом – генеральным консулом Егором Карловичем Бенкгаузенем, у которого есть немалые связи среди британских промышленников.

Услышав эту фамилию, Щукин усмехнулся. Он вспомнил, как Бенкгаузен, которого в Англии все называли просто Джорджем, получив задание из Военного министерства разузнать о новых ударных колпачках для британских ружей, сумел через своего агента – главного инспектора английского Арсенала – не только получить всю требуемую информацию, но добыть и сам станок для изготовления этих колпачков.

– Помимо него, – продолжил император, – вам в Лондоне будет помогать княгиня Дарья Христофоровна Ливен – вдова посланника России в Британии князя Христофора Андреевича Ливена. Фактически же Дарья Христофоровна и при жизни супруга ведала всеми делами в российском посольстве. В том числе и теми, которыми дипломатам заниматься было несподручно. Ну, вы понимаете – что я имею в виду...

Шумилин, которому хорошо была известна биография Дарьи Христофоровны, кивнул. Он знал, что княгиня Ливен фактически была резидентом русской разведки не только в Британии, но и во всей Европе. Куда там до нее легендарной Мата Хари! По всей видимости, о княгине кое-что слышал и подполковник Щукин. Он уважительно кивнул и что-то чиркнул в своем рабочем блокноте.

– Граф Бенкендорф написал для своей сестры рекомендательное письмо, – сказал Николай. – В свою очередь, и я напишу небольшую записочку милейшей Дарье Христофоровне. Помощь ее будет для вас просто неоценимой.

– Олег Михайлович, – продолжил император, – вы и ваша команда отправится в Англию на русском военном корабле «Богатырь», вместе с лейтенантами Краббе, Невельским, Игорем Сергеевичем Пироговым и нашим метким стрелком Николаем, – царь кивнул внимательно слушавшему его Сергееву-младшему. – Сопровождать вас будет также несколько проверенных в деле и храбрых нижних чинов. Как я слышал от Олега Михайловича, у вас есть возможность поддерживать постоянную связь из Лондона с Петербургом. Это так?

Щукин кивнул, и Николай продолжил:

– Я полагаю, что с помощью княгини Дарьи Христофоровны вам удастся обнаружить местонахождение этого зловредного Уркварта, и вы сумеете его похитить. У него сейчас весьма сложные взаимоотношения с нынешним премьер-министром Британии лордом Мельбурном и министром иностранных дел виконтом Палмерстоном. Но не из-за России – оба они нас тоже не любят. Просто британское правительство сейчас с головами влезло в китайские дела – вы ведь знаете, что там идет нешуточная война за право британских купцов торговать в империи Цин опиумом. К тому же дела Британии в Афганистане тоже обстоят далеко не блестяще. И на то, чтобы доставить крупные неприятности России, у английского правительства в данный момент просто нет сил и возможностей.

Но мистер Уркварт считается ярким ненавистником России, и за ним стоит немало влиятельных в Британии сил, которые дают ему деньги на ведение боевых действий против нас. Он продолжает вербовать мятежных поляков, вооружать их и высаживать на побережье Черного моря для того, чтобы они, вместе с немирными горцами, нападали на наши южные рубежи. Помните – мистера Уркварта поддерживают важные особы, и, если его похищение закончится неудачей, и власть предержащие в Британии каким-либо образом узнают, что к нему причастны мои подданные, может

разразиться большой дипломатический скандал. Поэтому я хочу, чтобы, если что-то подобное и произойдет, то Россия не имела бы к этому делу никакого отношения.

– Мы все понимаем, ваше величество, – ответил за всех Щукин, – и в наше время порой приходилось действовать подобным же образом. Работа у нас такая...

– Если у вас все получится, то выбираться из Британии вам придется по морю. Егор Карлович наймет вам какой-нибудь бот, на котором вы сумеете покинуть территорию Англии. А там, в открытом море, вас встретит пароходо-фрегат «Богатырь», на котором вы и вернетесь в Россию. Если, не дай бог, конечно, randevу не состоится, то тогда вам придется высадиться в континентальной Европе. А там мы уже постараемся сделать все, чтобы вы благополучно вернулись в Россию. Впрочем, господа, я надеюсь на ваш ум, способности и удачу...

* * *

Получив благословение от императора, Щукин стал готовиться к экспедиции в негостеприимный Туманный Альбион. Полдня он просидел за столом, голова к голове с Шумилиным и Сергеевым-старшим, составляя список того, что им может понадобится в походе. А майор Соколов напряг все возможности своего учреждения для того, чтобы как можно больше разузнать о местонахождении мистера Уркварта и его перемещениях.

Результаты своей работы он изложил в обширной справке, которую майор предоставил Олегу. В ней было много любопытного и даже мистического. Оказывается, родовое гнездо нашего героя – замок Уркварт – находилось на берегу озера Лох-Несс. Да-да, того самого, в котором, как рассказывают местные жители, водится зубастый монстр Несси. Правда, от самого замка давно уже остались одни лишь развалины, но факт остается фактом – таинственное водное чудовище и отъявленный шотландский русофоб – земляки.

Родился же Дэвид Уркварт в 1805 году в Кромарти – кто помнит – так звали одного из терминаторов из «Хроник Сары Коннор». Щукин задумчиво почесал голову, любопытно это все, черт возьми.

Оказавшись после дипломатического скандала на время не у дел, Уркварт не бездельничал. Он выпускал русофобский журнальчик «Портфолио» и активно плел интриги против России. Проживал он большей частью в Лондоне, время от времени выезжая в свои родные места

– на север Шотландии, где останавливался у родственников неподалеку от Кромарти.

А вот это было очень интересно.

Кромарти лежало на берегу морского залива Мори-Ферт. А потому было бы неплохо отловить в тех малолюдных местах мистера Уркварта, упаковать его и на лодке переправить на борт парохода-фрегата «Богатырь». Только надо было точно узнать – когда именно Уркварт соблаговолит выехать в Хайленд.

Подполковник собрал всех участников предстоящей акции и вместе с ними стал более детально прорабатывать план похищения Уркварта. В конечном итоге было решено разделить на две группы: основную и резервную.

Первая прибудет в Лондон и с помощью княгини Ливен установит негласное наблюдение за мистером Урквартом. Узнав, что он собирается (или не собирается) выехать в Шотландию, возглавляющий операцию Олег Шукин по радиостанции сообщит об этом на «Богатырь». Тот выйдет в море и, крейсируя вдоль побережья Британии, будет ожидать дальнейших распоряжений. В зависимости от обстоятельств, группа захвата отловит Уркварта и отправится к точке randevу с пароходом-фрегатом.

В случае невозможности похищения шотландец будет ликвидирован. Но он крайне нужен спецслужбам РФ и Российской империи живым и телесно не поврежденным. На пароходе-фрегате будет находиться Сергеев-младший, который станет ждать сигнала об успехе или провале экспедиции.

Майор Соколов обещал найти тех, кто мог бы помочь группе захвата. Но сделать это было довольно трудно – север Шотландии считался глухоманью, где на побережье находились лишь убогие рыбацкие деревушки с немногочисленными живущими в них горцами. Они были людьми замкнутыми и не любившими чужаков.

Вариант с похищением в Лондоне, по общему мнению, был хотя и рискованным, но более реальным. В ходе обсуждения в качестве промежуточного был принят вариант с захватом мистера Уркварта в пути. Все решится на месте, после проведенной рекогносцировки и получения полной информации о местонахождении фигуранта.

Подполковник Шукин составил список необходимого снаряжения для путешествия, выписал что-то на отдельный листок, после чего сказал Шумилину, что ему необходимо срочно сгонять на денек в будущее.

А пока «Совет старейшин» занимался планированием, Игорь Пирогов в сопровождении лейтенантов Невельского и Краббе отправился в

Кронштадт, чтобы познакомиться поближе с пароходо-фрегатом «Богатырь», на котором им предстояло отправиться в Англию.

Кораблем, который был спроектирован в России и построен на верфи Главного Адмиралтейства в Санкт-Петербурге, командовал опытный моряк капитан-лейтенант Владимир Александрович фон Глазенап. «Богатырь» стал первым русским паровым военным фрегатом с гребными колесами и полным парусным вооружением. По масштабам ХХІ века это был сравнительно небольшой корабль – водоизмещение примерно 1200 тонн, скорость 8 узлов при индикаторной мощности паровой машины в 240 лошадиных сил.

Вооружение парохода состояло из 31 пушки. В их числе были два пудовых единорога, которые располагались на поворотном деревянном станке на верхней палубе в носовой части. Дальность их стрельбы была около полутора километров. В кормовой части «Богатыря» на поворотной деревянной платформе стояло двухпудовое чугунное бомбическое орудие. Дальность его стрельбы – около пяти километров.

Остальные орудия – 24-фунтовые чугунные пушки на колесных деревянных лафетах – располагались побортно на верхней палубе и батарейной палубе. Дальность стрельбы – около двух с половиной километров.

«Богатырь» нес парусное вооружение фрегата. Подводная его часть до ватерлинии была обшита медными листами, для уменьшения обрастания и гниения корпуса. В общем, корабль, на котором охотники за скальпом мистера Уркварта отправились на британское «сафари», понравился Пирогову.

«Конечно, это не Рио-де-Жанейро, – подумал он, – но корабль сравнительно новый – всего четыре года назад вступивший в строй, и по здешним временам достаточно хорошо вооруженный». К тому же Владимир Александрович фон Глазенап, несмотря на свою молодость – ему было всего двадцать восемь лет – считался старым морским волком. На шлюпе «Моллер» он совершил кругосветное плаванье с заходом на Камчатку. Лейтенант Краббе по секрету шепнул Пирогову, что фон Глазенап пользуется доверием императора – в 1838 году он, командуя люгером «Ораниенбаум», с Николаем I на борту посетил Стокгольм.

– Не беспокойтесь, Игорь Сергеевич, – сказал ему лейтенант Невельской, – «Богатырь» – отличный корабль, а команда его хорошо обучена. Капитан-лейтенант фон Глазенап прекрасно знает воды, где нам придется действовать. Все будет в порядке.

– Эх, Геннадий Иванович, – вздохнул Пирогов, – вы ведь сами моряк, и

прекрасно знаете, что пока вы находитесь на суше, вы будете переживать и думать – все ли сделано, и не забыли ли вы что-то. А когда выйдете в море – тут уже у вас не должно быть никаких сомнений. Идемте, господа, доложим обо всем подполковнику Щукину...

Новые знакомые

Все были заняты текущими делами, и лишь один Александр Христофорович откровенно бездельничал. Точнее, он лечился, хотя для некоторых беспокойных личностей, к которым принадлежал граф, это работа порой кажется потяжелей разгрузки вагона с углем.

Бенкендорфу очень понравилось место, куда его привез подполковник Щукин. Это был небольшой поселок с одноэтажными кирпичными постройками, расположенный в сосновом лесу. Воздух здесь был чист и напоен ароматом хвои. По поселку бегали рыжие белки. Они были ручными и безбоязненно подходили к людям, маленькими лапками осторожно забирая из их рук орешки.

Сразу по прибытии местный эскулап пригласил Александра Христофоровича в свой кабинет и попросил раздеться. Он внимательно осмотрел графа, отметил его шрамы, оставшиеся после боевых ранений, и, узнав, что Бенкендорф, помимо всего прочего, был дважды контужен, укоризненно покачал головой.

– Надо беречь себя, голубчик, возраст, понимаете – это такая штука... Но ничего, мы вас тут немного подлечим. Будете жить в отдельной палате, ну, а к процедурам приступим прямо сейчас. И еще вам мой совет – побольше гуляйте и спите. Постарайтесь на время забыть о работе и просто отдыхайте. А то я знаю вас, – доктор улыбнулся, – вы и во сне все о службе думаете.

И вот Александр Христофорович стал лечиться. Второй день подряд он послушно выполнял все требования медиков. Лечение в XXI веке было совсем не похоже на лечение века девятнадцатого. Ему не наклеивали противно пахнущие пластыри, не ставили пиявок, не пускали кровь, не давали дурно пахнущие снадобья. Вместо пластырей ему делали ароматные теплые ванны, после которых он засыпал, как младенец. Вместо пиявок ему ставили капельницы – немного неприятно, но все же, в отличие от кровопускания, это не такая уж болезненная процедура. А еще ему делали массаж.

Уже на второй день граф почувствовал, что боли в груди стали потихоньку затихать. Он начал дышать более глубоко и свободно, и теперь, по утрам гуляя по парку, он, с наслаждением вдыхая душистый смолистый воздух, и с улыбкой наблюдал за смешными прыжками рыжих хвостатых шалуний. Ему нравилось кормить белочек из рук. Те, схватив с его ладони

орешек, быстро мчались вверх по стволу сосны, ища место, куда можно было спрятать полученный подарок.

А вот не думать о своей работе и о государе у Бенкендорфа как-то не получалось. Он все время переживал – как там справляется со всеми его делами III отделения новый заместитель майор Соколов. Да-да, уже не ротмистр, а майор. Накануне отправки в будущее император сказал графу в приватной беседе, что со дня на день он поздравит ротмистра чином майора. Конечно, Соколов умный молодой человек, да и пришельцы из будущего ему помогут в случае чего. Но все же на душе у графа было как-то беспокойно.

Впрочем, уважаемый Антон Михайлович обещал, что если что-то случится, то он непременно сообщит графу по прибору, который передает на расстояние человеческий голос. Здесь этот прибор называют телефоном.

На третий день пребывания Александра Христофоровича в этом поселке, к нему неожиданно пришли гости. Одного из них граф хорошо знал – это был подполковник Щукин. А вот второго он раньше никогда не видел. Это был высокий мужчина лет пятидесяти–шестидесяти, худощавый и улыбчивый. По тому, как обращался к нему Олег Михайлович, Бенкендорф понял, что он в здешнем мире является большим начальником. Но это не президент Путин – портрет правителя России XXI века Бенкендорф видел в кабинете у доктора. Тогда кто же он?

Увидев беспокойство на лице графа, Щукин успокаивающе поднял руку.

– Нет, Александр Христофорович, – сказал он, – в Петербурге все в порядке, все живы и здоровы. Государь передает вам привет и пожелание побыстрее поправиться. Просто мне срочно понадобилось по нашим общим делам вернуться в будущее. Пользуясь оказией, я решил заглянуть к вам и передать вам поклон от всех ваших друзей.

– Большое спасибо вам, Олег Михайлович, за заботу, – ответил Бенкендорф. – Сказать по чести, ваши доктора – просто чародеи. Я словно помолодел на несколько лет. Думаю, что лечение пойдет мне на пользу, и скоро я буду готов снова трудиться на благо императора и нашей матушки-России.

– Вот и отлично! – воскликнул Щукин. Потом он покосился на своего спутника и, дождавшись его едва заметного кивка, добавил: – Александр Христофорович, позвольте вам представить – Сергей Борисович. Он, как и вы, в свое время занимался разведкой и тоже, как вы, генерал.

– Очень рад встрече с коллегой, – произнес Бенкендорф, пожимая руку новому знакомому. – Я думаю, что Олег Михайлович уже представил вам

меня?

Сергей Борисович кивнул и жестом пригласил всех присесть на садовую скамейку, стоявшую на лесной полянке.

«Я прав, – подумал про себя граф, – этот человек – большой начальник. Уж очень он уверенно держится. Послушаем, что он мне сейчас скажет».

– Александр Христофорович, – Сергей Борисович внимательно посмотрел на Бенкендорфа, – если вы чувствуете себя хорошо, то не могли бы вы рассказать мне о том, каковы ближайшие планы секретных служб Российской империи по ликвидации того, что в нашем времени называют «горячими точками»? Как вы предполагаете нейтрализовать деятельность британских спецслужб и польских мятежников?

– Как вам известно, Сергей Борисович, – сказал Бенкендорф, – мы запланировали ответный визит в Британию отряда, состоящего как из ваших, так и наших охотников. С моей точки зрения – это весьма рискованное мероприятие. Но в случае успеха британские агенты будут, как вы говорите, «нейтрализованы», причем на длительное время. Я молю Господа, чтобы все задуманное ими свершилось. В то же время я считаю, что риск все же очень велик, и в случае неудачи мы можем лишиться замечательных людей.

– Вы правы и неправы, Александр Христофорович, – немного подумав, произнес Сергей Борисович. – Людей будет, конечно, очень жаль. Но я всегда говорил и буду это повторять раз за разом: если мы знаем, что в том или ином регионе мира готовится террористический акт, направленный против России или ее граждан, то мы оставляем за собой право нанести удар, чтобы предотвратить эту угрозу. И для этого можно использовать все что угодно, лишь бы это было эффективно. Нам уже приходилось в нашей истории прибегать к таким методам. Мы рисковали, в некоторых случаях наши люди попадали в руки полиции и чужих спецслужб. Но мы делали все, чтобы выручить их. Я ведь, Александр Христофорович, как уже говорилось, тоже бывший разведчик. Хотя говорят, что «бывших» разведчиков не бывает. О таких, как мы с вами, хорошо сказано в одном замечательном фильме про разведчиков. Олег Михайлович, этот фильм надо обязательно показать Александру Христофоровичу. Так вот, о разведчиках там говорится следующее:

Нас почитают обманщиками, но мы верны;
Нас почитают умершими, но вот мы, живы;
Нас казнят, но мы не умираем;

Мы гонимы, но не оставлены;
Мы неизвестны, но нас узнают.

- Как хорошо сказано! – воскликнул Бенкендорф. – Чьи эти слова?
- Это из Евангелия, Александр Христофорович, – с улыбкой ответил Сергей Борисович, – из Второго Послания к Коринфянам.
- Грешен, – развел руками граф, – мне в жизни приходилось чаще держать в руках саблю и пистолет, чем Новый и Ветхий Заветы.
- Александр Христофорович, – продолжил Сергей Борисович, – акция в Британии, если она удастся, сыграет большую роль в борьбе против врагов России. Но надо идти дальше. Негоже, что вот уже десятилетия на Кавказе гремят выстрелы и льется кровь. Мы внимательно проанализировали все, что было написано о Кавказской войне, и хотим поделиться с вами нашими предложениями. Но давайте сделаем это после обеда. Видите, эскулапы уже машут нам, приглашая за стол. Перекусим и продолжим беседу...

* * *

Граф Бенкендорф и его гости пообедали в отдельном помещении, где стол для них накрыли молчаливые, но хорошо воспитанные и предупредительные работники санатория. За столом подполковник Щукин все больше налегал на борщ и жаркое с гречневой кашей – видимо, он изрядно проголодался. А Александр Христофорович и его новый знакомый ели не спеша, тщательно пережевывая пищу, при этом обмениваясь короткими фразами, в основном касающимися погоды и красоты места, в котором довелось поправлять свое здоровье старому вояке.

После обеда все трое вернулись на уже знакомую им скамеечку под соснами и продолжили прерванный разговор.

– Сергей Борисович, – сказал Бенкендорф, – нам пришлось прекратить беседу в тот момент, когда мы заговорили о Кавказе. Знаете, мне тут же вспомнилась моя боевая молодость, когда я, тогда еще совсем юный поручик, сражался с немирными горцами в составе отряда князя Цицианова. С той поры прошло почти сорок лет, а война на Кавказе все продолжается. Гибнут люди, страна вынуждена тратить огромные деньги на содержание армии. Как нам остановить эту кровавую вакханалию?

– Видите ли, Александр Христофорович, – ответил Сергей

Борисович, – лично мне повоевать на Кавказе не пришлось. Но вот сидящий рядом с вами Олег Михайлович имел возможность скрестить шпаги с потомками тех, с кем сражались вы в начале XIX века. Как видите, военные действия ведутся там, с некоторыми перерывами, вот уже больше двухсот лет. Даже сейчас на Кавказе неспокойно. Отдельные шайки бандитов убивают людей, причем чаще всего простых обывателей. Но широкомасштабных боевых действий там, слава богу, нет уже более десяти лет. Вернемся, однако, в ваше время. В нашей истории с войной на Кавказе было покончено в 1859 году, когда имам Шамиль со своими воинами сдался в плен в ауле Гуниб войскам князя Барятинского. Отдельные разрозненные искорки вооруженных выступлений вспыхивали на Кавказе еще некоторое время, но и они были вскоре потушены.

– Князь Барятинский? – усмехнулся Бенкендорф. – Это не тот ли самый молодой повеса, вздумавший приударить за великой княжной Марией Николаевной и за это отправленный государем на Кавказ?

– Он самый, – кивнул подполковник Щукин. – За взятие аула Гуниб и пленение Шамиля император Александр Второй дал ему чин генерал-фельдмаршала.

– Скажите, а почему война с горцами шла так долго? – спросил Бенкендорф. – Ведь силы огромной Российской империи и горсточки небольших горских племен просто несопоставимы.

– Видите ли, Александр Христофорович, – сказал Сергей Борисович, – на сей счет есть множество причин, одна из которых – поддержка сражающихся с Россией горцев иностранными державами. И в первую очередь – Британией. Среди самых активных недругов России был Дэвид Уркварт, который, можно сказать, всю свою жизнь посвятил тому, чтобы как можно больше вредить нашей державе. Именно к нему в гости на Британские острова скоро отправятся ваши и наши люди. Почему он так страстно, можно сказать, фанатично ненавидел Россию? – это даже для наших историков осталось загадкой. Но факт остается фактом – сэр Дэвид – наш самый опасный враг, и если нам удастся его обезвредить, то это будет большой удачей для России.

– Вы полагаете, что после этого на Кавказе наступит мир? – с сомнением покачал головой граф.

– Ну, на это мы вряд ли рассчитываем, – усмехнувшись, ответил Сергей Борисович, – но то, что на первое время после исчезновения или нейтрализации мистера Уркварта британская поддержка немирных горцев ослабнет – в этом я ни капельки не сомневаюсь. Ведь, как говорят в народе – свято место пусто не будет. Через какое-то время в Британии найдется

новый «Уркварт», который продолжит его грязные делишки. Тут надо решать проблему, как у нас принято говорить, комплексно.

– Комплексно – это как? – поинтересовался Бенкендорф. – Мне весьма любопытно было бы услышать ваши рассуждения на сей счет.

– Это значит, – ответил Сергей Борисович, – что надо перехватить пути снабжения немирных горцев. Ведь новейшее оружие поступает к ним извне. А также деньги, которые идут на содержание мюридов, на закупку продовольствия, на подкуп старейшин родов, на выплату жалованья наемникам. Вы же знаете, что вместе с горцами против русских войск сражаются и беглые поляки – участники мятежа 1831 года. Они, конечно, и без денег готовы резать глотки русским, но за деньги им это делать все же гораздо приятней.

Снабжение горцам поступает в основном из Турции. Десятки кораблей с оружием, деньгами и наемниками тайком причаливают к Кавказскому побережью Черного моря и выгружают там содержимое своих трюмов. И чаще всего эти корабли принадлежат Британии. Экипажи на них – тоже британские. Надо организовать вдоль восточного побережья Черного моря патрулирование российских военных кораблей, которые перехватывали бы британские и турецкие суда с грузами для горцев, воюющих с Россией. Грузы и корабли, их перевозившие, следует конфисковывать, а захваченных наемников и экипажи этих кораблей отправлять в Сибирь или куда подальше.

– Вы все правильно говорите. Мы пробовали организовать подобное патрулирование, – кивнул головой Бенкендорф, – но, к сожалению, попытка лишить немирных горцев снабжения из Турции закончилась неудачей. Еще при императоре Александре Первом были высочайше утверждены «Правила для торговых сношений с черкесами и абазинцами». Для торговли с горцами выделялся Керченский порт. Вся торговля должна была вестись под контролем русских чиновников путем обмена товара на товар. Категорически запрещался ввоз на Кавказ медной, серебряной, золотой монеты, ассигнаций (как русских, так иностранных), огнестрельного и холодного оружия, пороха и свинца.

Но англичане, которые числились тогда нашими союзниками, самостоятельно или через турецких контрабандистов поставляли немирным горцам оружие и боеприпасы, соль и хлеб. Из турецкого порта Батум выходило множество небольших парусных судов, которые везли оружие и военное снаряжение. Побережье Черного моря в тех краях изрезано многочисленными мелкими бухточками, в которые могли войти небольшие суда и там разгрузиться. А кораблей Черноморского флота

просто не хватало для того, чтобы уследить за всеми этими бухтами.

В 1832 году император утвердил инструкцию для черноморских военных крейсеров, в которой говорилось: «Для сохранения российских владений от внесения заразы и воспрепятствования подвоза военных припасов горским народам, военные крейсера будут допускать к черноморскому восточному берегу иностранные коммерческие суда только к двум пунктам – Анапе и Редут-Кале, в коих есть карантин и таможни, к прочим же местам сего берега приближение оным запрещается».

– И чем же все это закончилось? – поинтересовался Сергей Борисович.

– А закончилось все международным скандалом из-за захвата российскими кораблями британской шхуны «Виксен» у Суджук-Кале, – ответил Бенкендорф, – которую послал к нашему побережью тот самый Дэвид Уркварт. Он был тогда первым секретарем британского посольства в Константинополе. Суть же провокации заключалась в следующем. В случае удачи плавания «Виксена» этот британец стал бы кричать на каждом углу, что, дескать, Россия де-факто не владеет берегами Черноморского побережья Кавказа, а потому не имеет права владеть побережьем и иметь в качестве подданных народы, которые там живут. Ну, а в случае неудачи между Россией и Британией могла бы начаться война. Правда, не случилось ни того, ни другого. Шуму было много, но когда страсти немного улеглись, шхуну конфисковали, а ее экипаж выслали в Константинополь.

И еще. Министр иностранных дел Нессельроде в случае с «Виксеном» вел себя не самым лучшим образом. И если бы не желание государя во что бы то ни стало отстоять честь Империи, невзирая даже на опасность начать войну с Британией, все могло бы закончиться гораздо унижительней для России.

– И все же без патрулирования побережья обойтись нельзя, – сказал Сергей Борисович, – только подобным способом можно настолько стеснить горцев, что они не выдержат и прекратят сопротивление. После чего им ничего не останется делать, как пойти на переговоры с русским военным командованием. Для того чтобы все это успешней сделать, мы можем выделить для тех частей, которые будут пресекать высадку наемников и контрабандистов на побережье Кавказа, наши технические средства, позволяющие видеть корабли, приближающиеся к берегу, в тумане и ночью. Причем видеть их на большом расстоянии. Кроме того, мы дадим средства связи, с помощью которых с этих постов можно будет передавать координаты обнаруженных судов на патрульные корабли Черноморского флота. Мы обучим ваших людей пользоваться этими приборами.

– Сергей Борисович, – сказал граф, – мы были бы очень благодарны вам за такую помощь. Я обязательно сообщу государю о вашем предложении. Думаю, что оно будет с благодарностью принято. Конечно, стеснить горцев с помощью морской блокады было бы неплохо. Но ведь этого мало. Надо как-то успокоить самих горцев. Не могли бы вы поделиться вашим опытом умиротворения Кавказа?

– Поделиться, конечно, можно, – кивнул Сергей Борисович. – Но лишь после того, как вы подлечитесь. Не беспокойтесь, как я понял из рассказа Олега Михайловича, ваш заместитель майор Соколов прекрасно справляется со своими обязанностями. Сегодня вечером подполковник Щукин снова отправится в ваше время. С собой он возьмет все необходимое для того, чтобы миссия в Британии прошла успешно. А вы отдыхайте и лечитесь. В свое время вы достаточно потрудились на благо России. Ваши раны и тяжелая контузия, полученная в «Битве народов» под Лейпцигом, серьезно сказались на вашем здоровье. Александр Христофорович, может быть, у вас есть какие-либо просьбы и пожелания? Мы будем рады выполнить их.

– Сергей Борисович, – немного подумав, ответил Бенкендорф, – я бы хотел побывать в Москве. Я помню ее еще до пожара 1812 года, помню ее, забитую ранеными французами, помню, как на ее улицах я рубился с польскими уланами – арьергардом отступающей армии Бонапарта. Еще дымились взорванные башни Кремля, а храмы были загажены и ограблены «цивилизированными» варварами.

– Хорошо, Александр Христофорович, – сказал Сергей Борисович, поднимаясь со скамейки, – как только врачи посчитают, что ваше самочувствие значительно улучшилось, я пришлю за вами машину, и вас отвезут в Москву. Вы своими глазами сможете увидеть – как теперь выглядит Первопрестольная, комендантом которой вы стали сразу же после изгнания французов.

* * *

Попрощавшись с Бенкендорфом, Щукин и его спутник отправились к ожидавшей их машине. Они молчали, обдумывая то, что им довелось сегодня услышать. Первым заговорил Сергей Борисович.

– Олег Михайлович, – сказал он, – с графом мы более-менее все обговорили. Думаю, что сейчас Александру Христофоровичу надо как следует подлечиться. Ведь, насколько я помню, в нашей истории граф

Бенкендорф скоропостижно скончался в 1844 году от инфаркта. Я не ошибся?

– Это официальная версия, – ответил Щукин, садясь за руль черной иномарки, на которой он с Сергеем Борисовичем приехал в санаторий. – Но поговаривали, что смерть его была не случайной. Впрочем, кто теперь может сказать об этом точно? Важно, чтобы в новой версии истории России этого не произошло. Хотя в любом случае надо осторожно выводить графа из игры, а вместо него пусть спецслужбы империи возглавит ротмистр, пардон, уже майор Соколов. Кстати, каково ваше мнение об этом молодом человеке?

– Мое мнение?.. – Машина тронулась с места, и подполковник на несколько секунд задумался. Потом он ответил: – Мне кажется, что Дмитрий далеко пойдет. Он умен, хорошо образован, инициативен, порядочен и храбр. В последнем я убедился лично, когда нам пришлось обезвреживать британцев, захвативших заложников. Думаю, что со временем он станет так же близок к императору, как и Бенкендорф.

– К тому же, как я слышал, – улыбнулся Сергей Борисович, – ваша дочка с большой симпатией поглядывает на этого молодого человека...

– Гм, – немного сконфуженно ответил Щукин, – пока еще рано об этом говорить. Моя Надежда – девица взбалмошная и непостоянная, как все женщины. Но если между ними возникнет что-то серьезное, то я этому буду только рад. Пора ей подумать о семейной жизни, а мне, наконец, заняться воспитанием внуков.

– Дай-то Бог, – покачал головой Сергей Борисович. – Но это все лирика. Нам же следует подумать о материальном обеспечении всей операции. А потому, как я полагаю, наш следующий визит – к Антону Воронину. Ведь если бы не его изобретение, то вряд ли мы сейчас ломали голову над проблемами XIX века.

– С ним будет труднее, – вздохнул Щукин. – Антон – человек, который не любит работать под контролем. Он по натуре индивидуалист и анархист. Впрочем, он достаточно разумен, чтобы понять пользу от нашего сотрудничества. Надо только разговаривать с ним на равных. И не пытаться диктовать свои условия, воздействуя на его здравый смысл.

В конце концов, он, как изобретатель, желает совершенствовать свое изобретение, а без нашей помощи и поддержки это просто невозможно. Как я выяснил, после строительства машины времени он все внимание уделяет только ей. Свои же коммерческие дела он изрядно запустил, что сказалось на его финансовом положении. И самостоятельно ему просто невозможно продолжить свою работу. И тут появляемся мы – с нашим предложением

финансировать его опыты и возможностью достать любые, даже самые дорогие и редкие комплектующие для новых, более совершенных образцов его детища. Как вы полагаете, он поймет всю пользу нашей совместной работы?

– Думаю, что да, – согласился Щукин. – Тем более что он не хочет подвести своих друзей, для которых прекращение контактов с прошлым станет самой настоящей трагедией. Как я понял из вашего доклада, между Николаем Сергеевым и великой княжной Александрой Николаевной возник роман?

– Да, Сергей Борисович, – сказал подполковник. – И, похоже, что чувства у них достаточно серьезные. Жаль будет разлучить этих молодых людей. Для Адини это станет настоящей катастрофой. Она может не пережить расставания с Сергеевым-младшим. Эта замечательная девушка, умница и красавица, умрет, как это произошло в нашей истории.

– Да, нам будет очень жаль, если это произойдет, – кивнул Сергей Борисович. – А посему нам надо наладить более тесные и взаимовыгодные отношения с императором Николаем Павловичем. И без Антона Воронина никак не обойтись.

Так, за разговорами, они незаметно доехали до дома изобретателя. Накануне Щукин договорился с ним о встрече. Но подполковник не предупредил о том, что будет не один. Потому Антон был сильно удивлен, увидев человека, с которым Олег вошел в его скромную квартиру. Лицо спутника Щукина он сразу узнал – его часто показывали по телевидению в новостных программах. И Воронин никак не ожидал, что человек такого высокого ранга заявится в его скромную холостяцкую квартиру.

Но Антон быстро пришел в себя и пригласил гостей за стол, предложив им выпить чашечку чая. Хозяин отправился на кухню, а гости с любопытством стали рассматривать жилище и стоявшую в гостиной машину времени.

– Так вот, как выглядит это чудо, с помощью которого можно попасть в прошлое! – восхищенно воскликнул Сергей Борисович. – Нет, господа хорошие, куда вам до нас, русских! Что только ни придумают современные Левши!

– Если бы вы знали – скольких трудов и бессонных ночей стоило мне это изобретение, – сказал Антон, появляясь в дверях с подносом, на котором стояли три чашки с крепким ароматным чаем и блюдцем с печеньем. – Но вы правы – только мы, русские, способны додуматься до создания машины, с помощью которой можно открыть портал в прошлое.

– Антон Михайлович, – поинтересовался Сергей Борисович, – а

портал в будущее с помощью вашей машины нельзя открыть?

– Я не могу утверждать категорически, – ответил Антон, – но пока в будущее моя машина открыть портал не может. Мы установили связь только с прошлым. Возможно, что существуют еще некие временные тоннели, которые связывают настоящее с будущим. Я пытаюсь их обнаружить здесь, в XXI веке. А в веке девятнадцатом тем же занимается мой друг и коллега Юра Тихонов. Работа идет, и мы надеемся, что со временем нам удастся побывать не только во временах императора Николая Первого.

– Сергей Борисович, – вступил в разговор подполковник Щукин, – пока, дай бог, нам бы разобраться с делами XIX века. Я побывал там и увидел, что кашу, которая там заварилась из-за прибытия в прошлое Шумилина со товарищи, придется расхлебывать не один год. Легко сдвинуть камень, лежащий на склоне горы. А потом вниз сорвется камнепад, сметающий все на своем пути.

– А что нам оставалось делать? – развел руками Воронин. – Устраивать межвременной туризм с элементами экстрима? Ведь мы же русские люди, и наблюдать за тем, что происходит в прошлом, хотя и не нашем, мы спокойно не могли!

– Ну, что сделано – то сделано, – примирительно произнес Сергей Борисович. – Как говорили во времена моей студенческой молодости: «Если боишься – не делай, а если начал делать – не бойся». Антон Михайлович, я хочу спросить у вас – можно ли доработать вашу машину до возможности открывать портал не только из нашего времени в прошлое, но и из прошлого – в наше время? То есть сделать портал с двусторонним движением...

– Мы сейчас работаем над этим вопросом, – ответил Антон, – и, похоже, что мы уже близки к решению этой проблемы. Вот только нам надо будет раздобыть кое-какие дополнительные материалы и комплектующие. Гм... – Воронин покосился на Сергея Борисовича, – а с деньгами у меня сейчас негусто. Придется немного подождать.

– Антон Михайлович, – сказал его визави, – вам следует просто составить ведомость, передать ее Олегу Михайловичу, указав в ней – сколько и чего вам необходимо. И все требуемое будет вам доставлено в самое ближайшее время... – заметив, что Антон хочет что-то сказать, Сергей Борисович добавил: – Ни о каких деньгах не может быть и речи...

– Это что же, – нахмурился Воронин, – вы нас на казенный кошт берете? А потом будете диктовать – что и как нам делать?!

– Ну, зачем вы так сразу? – укоризненно сказал Сергей Борисович. –

Никто вам ничего навязывать не будет. Наоборот, вам будет оказана максимальная поддержка при минимальной зависимости от кого-либо.

– Не понимаю, – растерянно пробормотал Антон, – в чем же тогда вы видите государственный интерес? Простите, но меня мой жизненный опыт научил народной мудрости – той самой, в которой говорится про халявный сыр, лежащий в элегантной мышеловке...

– Я понимаю ваше недоверие, – спокойно ответил Сергей Борисович. – Тяжелые времена, которые пришлось пережить вам лично в не столь далекие годы, приучили вас не доверять никому, кроме вас самих и ваших друзей. Потому скажу вам сразу – государственный интерес в том, что вы сейчас делаете, присутствует. Какой именно – я вам сообщу, но чуть позже. Не обижайтесь, но пока сие тайна.

Ну, а помимо всего прочего, замечу, что нам так же, как и вам, хочется помочь русским людям, хотя и живущим в другой реальности. Чтобы не было ни проданных за бесценок Форт Росса и Аляски, чтобы никогда французские флаги не были подняты над Малаховым курганом, а адмиралы Нахимов, Корнилов и Истомин не сложили головы в осажденном Севастополе, а прожили столько, сколько им Господь отмерил.

– Знаете, Сергей Борисович, – тихо произнес Антон, – я вам почему-то верю. Я не буду допытываться насчет ваших государственных тайн, полагаю, что они связаны с благими намерениями. А России надо помочь. Мы с Шумилиным прекрасно понимаем, что в одиночку нам ничего не сделать – тут нужна поддержка государства.

– Антон, – вступил в разговор подполковник Щукин, – ты же умный мужик. Сам подумай – решит та же Британия наказать строптивую Россию. Двинет она на нас весь свой огромный флот. Чем мы одни сможем помочь императору Николаю? Советы – вещь хорошая, но ими одними вражеский флот не разгромить. Тут нужна реальная сила. И ее может предоставить только государство.

– Это что же, – криво усмехнулся Антон, – «Тополем» шандарахнуть по Лондону? Или с помощью атомной подводной лодки помножить на ноль британский флот?

– Ну, из пушки по воробьям стрелять ни к чему, – улыбнулся Сергей Борисович, – а вот поделиться тем, что уже морально устарело, но что для века девятнадцатого будет, как принято говорить сейчас, «вундервафлей» – вполне реально.

Взять, к примеру, устаревший танк Т-62. Что может противопоставить ему любая, пусть даже самая мощная сухопутная армия того времени? А САУ «Акация»? Да она любой вражеский флот просто расстреляет в море,

даже не дав ему приблизиться к нашему берегу. Я не говорю уже об авиации, которая вообще играючи разнесет в пух и прах сухопутные войска и эскадры врага. Но все это отдельная тема, которую можно будет обсуждать лишь тогда, когда удастся наладить стабильный переход из прошлого в будущее и наоборот. А это можно сделать лишь с вашей помощью, Антон Михайлович.

Воронин немного подумал, улыбнулся и протянул руку своему гостю. Тот пожал ее.

– Антон, – сказал Щукин, – а для начала мы тут собрали кое-что для Иваныча. Ну, и для нас тоже. Набрался целый грузовик. Ты сможешь пропихнуть его сегодня вечером?

– Надо – сделаем, – кивнул Антон. – Ты подъезжай вечером ко мне. Мы прикинем – как и где это все провернуть.

– Антон Михайлович, – спросил Сергей Борисович, – а мне можно будет посмотреть на то, как это все происходит? Ну, это, перемещение во времени. Очень уж это любопытно.

– Да ради бога, – пожал плечами Антон, – почему бы и нет...

И хочется, и колется...

Когда подполковник Шукин и его спутник ушли, Антон немного посидел на диване, внимательно обдумывая все услышанное сегодня, а потом отправился на кухню. Он открыл шкафчик, достал из него початую бутылку коньяка и налил на два пальца себе в стакан.

«За успех нашего дела!» – подумал он про себя и сделал небольшой глоток божественного напитка.

Честно говоря, узнав от своего друга о том, что все они, оказывается, уже давно находятся «под колпаком конторы», он поначалу запаниковал. Ему подумалось, что «кровавая гэбня» загасит их всех, а самого изобретателя бросит в подвалы Лубянки, где с помощью жутких пыток выведает у него тайну машины времени. Но, с другой стороны, без поддержки богатого, а главное – влиятельного, спонсора тоже никак было не обойтись. Все упиралось в деньги и возможность приобретать многие вещи, которые в магазине не купишь. А теперь, получив карт-бланш от руководства страны, появилась возможность развернуться во всю ширь своей щедрой души.

В бескорыстие Антон не верил – он был человеком достаточно циничным и битым жизнью. И, несмотря на то, что Сергей Борисович не стал отвечать на его прямой вопрос о государственном интересе, который присутствовал в его изобретении, он догадался, что именно заинтересовало руководство страны. Дело даже не в деньгах и возможности получать раритеты напрямую из XIX века. Тут было не все так просто.

Допустим, напишет наш общий друг Карл Брюллов новый шедевр. Конечно, можно залегендировать его появление в XXI веке, заявив, что сия находка обнаружена в запасниках захудалого провинциального музея. Подлинность ее не вызовет ни у кого сомнения. Но продать ее за деньги, которые она, несомненно, стоит, невозможно. Экспертиза установит, что картина эта написана не сто семьдесят лет назад, а на днях. Примерно так же обстоят дела и с прочими предметами антиквариата. Они будут подлинными, но в то же время – новоделами.

Антон был человеком умным. Он понял, что интерес государства в его изобретении кроется в другом. А именно – в возможности открывать портал не только из будущего в прошлое, но и из прошлого в будущее. Если это удастся, то возможно полное изменение всего военно-стратегического расклада в мире. Допустим, через портал, открытый в XXI веке, в прошлое

отправляется с десятков «Тополей» и «Искандеров». Там их перегоняют на Аляску, которая все еще российская, или в другие места, находящиеся под контролем России. И они стоят там до поры до времени в законсервированном состоянии. В точки их базирования устанавливают машину времени. В случае «дня X» с помощью машины времени в непросматриваемой из космоса точке на земном шаре из прошлого в будущее уходят ракеты со спецбоеприпасами, которые становятся своего рода «козырем в рукаве».

Возможно, что все будет не совсем так, как думал Антон. Главное – общий замысел он понял. Возможно, что в прошлое можно было, в случае необходимости, эвакуировать и часть руководства страны. В таком надежном «бомбоубежище» им будет не страшна никакая ядерная угроза.

«Но если это так, – подумал Антон, – то мне и друзьям безопаснее будет находиться в XIX веке с его патриархальными понятиями о чести, доброте и дружбе. Да и люди там были интересные, не похожие на моих современников. В общем, будем работать над изобретением, а там посмотрим...»

Вечером к нему заехал подполковник Щукин. Он был в хорошем настроении. Как оказалось, после предъявления грозной бумаги из Москвы питерские снабженцы открыли перед ним свои закрома и выложили все, что он запросил. А запросы у Олега были немалые. В общем, понадобился тентованный «Садко» – ГАЗ-3308. Именно на нем Щукин и собрался отправиться в прошлое.

– А где наш сегодняшний гость? – поинтересовался Антон. – Он вроде бы желал посмотреть на работу портала. Или передумал в последний момент?

– Нет, дружище, – улыбнулся подполковник. – Он на улице, ждет нас в своем автомобиле. Так что давай, собирайся, пора в путь-дорогу.

Открыть портал в этот раз решили в боксе автомастерской Виктора Сергеева. Не хотелось лишний раз светиться в Кировске. Да и договаривались они с Иванычем в прошлый раз о портале на Черной речке. Просто Олег даже не предполагал, что в этот раз у него будет такое «приданое».

Выйдя на улицу, Антон заметил в припаркованном рядом с «Садко» неприметном «форде» сидящего за рулем Сергея Борисовича. Тот улыбнулся Антону и помахал рукой, приглашая в автомобиль.

– Иди, иди, – кивнул головой Щукин, открывая дверцу в кабине «Садко». – Дорогу к автомастерской я знаю, а ты, если что, покажешь Сергею Борисовичу, как доехать. Ну, и посекретничаете с ним без меня, –

подполковник хитро подмигнул Антону.

Все расселись по машинам и тронулись в путь. Первым ехал грузовичок, а за ним не спеша «форд». Посмотрев в зеркало, Антон заметил синий «мерин» с обычными городскими номерами, в котором сидели четверо мужчин. Он словно привязанный следовал за ними. Антон понимающе усмехнулся и первым прервал немного затянувшееся молчание.

– Сергей Борисович, – спросил он, – а вы не собираетесь побывать в прошлом и лично познакомиться с императором Николаем Павловичем?

– Вполне возможно, но пока для этого путешествия не пришло еще время, – спокойно ответил его собеседник, – со всеми текущими делами пока неплохо справляется и Олег Михайлович. Ну, а если понадобится мое присутствие, то такая встреча состоится.

– Скажите, Антон Михайлович, – в свою очередь поинтересовался Сергей Борисович, – легко ли вам было найти общий язык с людьми из XIX века? Я имею в виду, не в ходе деловых разговоров, а, так сказать, на бытовом уровне. Ведь мы и мыслим по-другому, и поступки наши могут для человека времен Пушкина и Лермонтова показаться странными.

– Эх! – неожиданно вырвалось у Сергея Борисовича. – Если бы вы только знали – как мне хочется побывать в Питере того времени! Но дела, дела... Хотя все же постараюсь вырваться, хотя бы на денек.

– Я понимаю вас, – ответил Антон. – Для нас тоже поначалу все показалось необычным и странным. Словно какая-то историческая театральная постановка. Только люди в ней неожиданно оказались живыми. Непохожими на нас, но живыми. И император Николай – тоже совсем не похож на оживший памятник с Исаакиевской площади. Он оказался человеком довольно своеобразным, конечно, но все же весьма симпатичным и приятным в общении. Думаю, что вы с ним тоже нашли бы общий язык.

Сергей Борисович кивнул головой и о чем-то задумался. Потом он опять спросил у Антона:

– А как вы считаете, не опасна ли будет для вас фронда, которая, как я понял, складывается в высших слоях петербургского общества после отставки Нессельроде? Ведь многие сановники и богатые люди были тесно связаны с ним. И наверняка они теперь готовят реванш. Я бы на вашем месте не забывал об этом. Сколько раз в русской истории бывало так, что некто, почувствовав, что находится в фаворе, терял осторожность, оказывался свергнутым и сосланным к черту на кулички. Вспомните того же князя Меншикова...

– Ну, Сергей Борисович, – задумчиво произнес Антон, – как мне кажется, сейчас наблюдается несколько иная расстановка сил. Во-первых, мы пришли из будущего и знаниями этого будущего поделились с императором. Во-вторых, он сам побывал в будущем и убедился, что мы не какие-нибудь шарлатаны, а люди, которые искренне желают помочь России и императору. Ну и в-третьих, он убедился, что мы делаем все абсолютно бескорыстно, не требуя награды за свои полезные для империи и лично для самого царя дела. Главное в отношениях с ним – это честность. Николай – человек, который внутренне чувствует искренность или неискренность собеседника. Он ценит первое и не прощает людям второе. Это вам, Сергей Борисович, на заметку. За предостережения же – спасибо. Только об этом лучше рассказать Александру Шумилину – он взял на себя все дела, связанные с политесом. А я – простой технарь, который в первую очередь отвечает за безотказную работу агрегата.

Так, за разговорами, они незаметно доехали до автосервиса Сергеева, в одном из ангаров которого и находилась машина времени. Следовавший за ними «мерседес» отстал, и «Садко» с «фордом» подрулили прямо ко входу в ангар. Антон вылез из иномарки, открыл ворота и врубил электричество. Сергей Борисович и Олег вошли в ангар, с любопытством огляделись. Машина времени, которую Сергей Борисович уже видел в квартире Антона, особого любопытства у него не вызвала. А вот склад одежды XIX века за ширмой, в которую путешественники во времени переодевались перед тем, как пересечь портал, его заинтересовал. Он покрутил в руках трость, с любопытством осмотрел висящий на плечиках сюртук и примерил перед зеркалом цилиндр.

Щукин тем временем завел двигатель «Садко», сел за руль и аккуратно вкатил грузовичок в ангар. Антон рукой указал ему место, где должен был стоять автомобиль. Потом двигатель заглушили, Антон уселся за пульт управления и начал священнодействовать. Вскоре в центре ангара появилась маленькая изумрудная точка, начавшая увеличиваться и превратившаяся через несколько минут в огромный овал. Портал открылся.

Антон увидел, что встречать прибывших из будущего пришли не только его приятели – Виктор Сергеев и Александр Шумилин. За их спинами возвышалась могучая фигура императора Николая Павловича. Он с интересом смотрел на автомобиль, который снова завел Олег и который был готов тронуться с места.

Но еще большее любопытство вызвал у него незнакомец – Сергей Борисович, – который с нескрываемым изумлением наблюдал за всем происходящим. Хотя тот и ничем не выделялся из доселе известных

Николаю людей из будущего ни одеждой, ни поведением, император каким-то образом почувствовал, что перед ним стоит человек из тех, кого называют «власть предержащими», то есть имеющими отношение к правителям России XXI века. Хотя они и не были представлены друг другу, но Николай неожиданно улыбнулся и, подняв руку к своей треуголке, поприветствовал незнакомца. Сергей Борисович, в свою очередь, полупоклоном головы приветствовал царя.

«Садко» медленно проехал через портал и, повернув налево, остановился у края полянки. Олег вылез из кабины, подошел к своим товарищам и поздоровался с ними. Потом, заметив обмен приветствиями между императором и Сергеем Борисовичем, улыбнулся и махнул рукой Антону, давая ему понять, что сеанс межвременной связи окончен и можно закрывать портал.

Изумрудный овал стал уменьшаться и скоро превратился в яркую точку. Потом потухла и она.

* * *

Вернувшегося из будущего подполковника Щукина встречали как именинника. Все были удивлены количеством разных «вкусняшек», которые он притащил с собой. И это только при первом, поверхностном ознакомлении. Окончательно оценить «гостинцы», с общего согласия, было решено позднее, когда «Садко» разгрузят и его груз перевезут на конных фурах в Аничков дворец. А сам грузовичок до поры до времени решили загнать в построенный для подобных случаев большой бревенчатый сарай, в двухстах метрах от точки открытия портала.

Здесь же плотники под руководством хозяйственного Виктора Сергеева срубили теплую избу с печкой, в которой жил караул солдат Преображенского полка. Все служивые были тщательно отобраны командиром полка бароном Иваном Ивановичем Мунком. Это был боевой офицер и педант, как и все финны. Он тщательно собрал информацию о всех кандидатах, которые должны были поступить на «особую государеву службу». Потом майор Соколов лично побеседовал со служивыми и прогнал их всех через полиграф. По результатам тестирования троих из пятнадцати кандидатов отправили обратно в полк, а полковой священник заставил всех прошедших отбор и получивших шутовское прозвище «апостолы», целовать крест и поклясться, что обо всем увиденном и услышанном на новом месте службы они до самой смерти не расскажут

никому. На всякий случай Соколов вместе с Шумилиным воткнули в избу-казарму для преображенцев несколько скрытых микрофонов и видеокамер, и теперь все их разговоры будут время от времени прослушиваться, а все происходящее – просматриваться.

Николай с любопытством разглядывал «Садко», который стоял на полянке, расставив свои толстые, рифленные в «елочку» колеса. Во время своего путешествия в будущее император заметил на улицах Петербурга грузовые машины, но вот так, вблизи, ему их видеть еще не доводилось. А когда Щукин, стоящий рядом с «Садко» с видом цыгана, продающего на ярмарке лошадь, сказал Николаю, что сия «шайтан-арба» может везти в своем кузове сто двадцать пудов груза со скоростью шестьдесят верст в час по хорошей дороге, то император с уважением посмотрел на грузовичок и бережно провел ладонью по его запылившемуся капоту.

– Олег Михайлович, – поинтересовался царь, – а нельзя купить сотни две-три таких самодвижущихся повозок для нужд российской армии? Ведь, как я слышал, для таких повозок и плохие дороги – не помеха.

Щукин прикинул, что каждый «Садко» стоит около миллиона рублей, и количество, названное Николаем, вполне по силам российскому бюджету, но обнадеживать царя не стал, отделавшись обещанием доложить вышестоящему начальству о поступившем предложении.

Вскоре прибыли три полковые фуры. Преображенцы, увидев императора, спрыгнули на землю и вытянулись перед своими «транспортными средствами» по стойке «смирно». Николай, изображая заботливого, но строгого «отца-командира», поздоровался с солдатами, поблагодарил их за бравый вид, а потом, еще раз напомнив о сохранении тайны, велел начать разгружать грузовик.

Виктор Сергеев стал распоряжаться процессом, по-хозяйски покрикивая на служивых. В нем снова проснулся тот, еще молодой зампотех, который в далеком Афгане крутился как белка в колесе, дабы вся его техника, побитая и раздолбаная до полного «ай-яй-яй», могла сдвинуться с места и начать выполнять боевую задачу. Солдаты, сразу поняв, что этот пожилой человек в статской одежде был когда-то офицером, беспрекословно исполняли все его указания.

– Как я понял, – сказал Николай, – отойдя с подполковником Щукиным в сторонку, – ваше руководство не возражает против того, чтобы вы возглавили и провели операцию в Британии. Ведь большинство снаряжения и амуниции, которое вы привезли с собой, предназначено для того, чтобы ваш вояж оказался удачным.

– Ваше величество, – ответил Олег, – я подробно сообщил своему

руководству о нашем плане. Его признали рискованным, но вполне выполнимым. По расчетам аналитического отдела нашей службы, после того, как мистер Уркварт будет захвачен и тайно доставлен в Россию, активность британской агентуры на Кавказе значительно снизится.

– А что такое аналитический отдел? – полюбопытствовал император. – Как я полагаю, это отдел, который занимается анализом и оценкой политических и разведывательных сведений, полученных от агентов.

– Именно так, ваше величество, – Щукин оценил «продвинутость» царя. – Агенты могут добыть важную информацию, но оценить и понять всю ее важность могут люди, которые хорошо разбираются в политических и военных вопросах. Наши аналитики собрали все, что было известно в нашей истории о мистере Уркварте, и пришли к выводу, что с его устранением от антироссийских дел британцам будет очень сложно нам делать разные гадости. Ведь им снова придется налаживать связи с мятежными горцами, а ведь многие из них завязаны на личных взаимоотношениях. Горцы бывают порой весьма недоверчивы к новым людям.

– Все так, Олег Михайлович, все так, – покачал головой Николай. – Но меня беспокоит то, что риск все же присутствует, и – «*A la guerre comme a la guerre*» – возможны разные неприятности. А мне бы очень не хотелось, чтобы кто-нибудь из вас был ранен, или не дай бог... – император выразительно посмотрел в глаза Щукину.

– Ваше величество, – ответил Олег, – среди участников этой операции будет моя дочь, а также сыновья моих друзей, которые мне тоже очень дороги. Но, по моему соображению, только они смогут совершить то, что нами задумано. Их этому учили. А ваших солдат и офицеров – нет. Я обещаю, что, вернувшись из Англии, начну обучать специально отобранных для этого людей всему тому, что должны знать бойцы спецподразделений. Я чувствую, что поход в Британию не последний, и что надо серьезно готовиться к подобным спецоперациям. Ведь, кроме Англии, есть Кавказ, Туркестан и прочие места, где должны быть надежно защищены интересы Российской империи. И там, где с поставленной задачей не справится пехотный полк, ее сможет выполнить спецгруппа, которая, подобно иголке, проникнет туда, куда надо.

– Я подумаю над тем, что вы мне сейчас сказали, – сказал Николай, – и хочу предложить вам возглавить их. Обещаю вам генеральское звание и графское достоинство. Впрочем, как я понимаю, свое согласие на переход на службу ко мне вы сможете дать лишь с разрешения вашего руководства.

– Вы правы, ваше величество, – ответил Щукин. – Мы люди военные и

не всегда вольны в своих желаниях. Но давайте не будем забегать вперед. Да, кстати, вот вам, ваше величество, письмо, которое написал для вас граф Бенкендорф. Он сейчас проходит курс лечения в одном из наших санаториев и чувствует себя гораздо лучше.

Щукин достал из кармана большой пластиковый конверт и передал императору. Николай вскрыл его и бегло прочитал послание графа. Лицо царя стало умиротворенным – видимо, Александр Христофорович писал приятные для него вещи. Потом он снова стал серьезным и внимательно посмотрел на Олега.

– Скажите, – спросил Николай, – вас провожал сюда тот же человек, с которым беседовал граф?

Щукин утвердительно кивнул головой. Император задумался. Он посмотрел на солдат, которые уже заканчивали разгрузку «Садко» и укладывали ящики и тюки на полковые фуры, на суетившегося вокруг них Виктора Сергеева, на Шумилина, который стоял невдалеке от них и делал какие-то пометки в своем блокноте.

Потом Николай снова взглянул в глаза Олегу.

– Олег Михайлович, – сказал царь, – если до сих пор у меня и были какие-то сомнения на ваш счет, то теперь они окончательно исчезли. Я буду рад, если между вашим руководством и мною будет заключен союз. Ведь мы две России – одна из XIX века, вторая – из девятнадцатого. Но в любом случае мы дети России. Мы родственники, и мы можем и должны помогать друг другу. Если моя держава сумеет в чем-либо помочь вашей державе – я буду счастлив. А вы уже оказываете мне помощь. Быть же должником я не люблю.

– Ваше величество, – доложил Николаю Виктор Сергеев. – Погрузка закончена. Служивые проинструктированы, что везти груз надо не спеша и аккуратно. Осталось только отогнать в сарай грузовик и можно трогаться в путь. А там начнем сборы в другое путешествие. Пора – старая добрая Англия заждалась нас...

Первый шаг к цели

Третий день пароходо-фрегат «Богатырь» рассекал своим форштевнем серые волны Балтийского моря. Погода благоприятствовала походу, дул ровный попутный ветер, и практически все время корабль шел под парусами...

После того как из будущего было получено снаряжение, необходимое для опасного вояжа, сборы пошли в ударном темпе. Уже на следующий день после прибытия подполковника Щукина все грузы и участников британской экспедиции на быстроходном паровом катере перебросили в Кронштадт. Игорь Пирогов, который уже успел стать у тамошних моряков своим человеком, помог разгрузиться и с помощью присланных на помощь матросов разместил прибывших на пароходе-фрегате. Конечно, при этом корабельным господам-офицерам пришлось немного потесниться – ведь на «Богатырь» подселили сразу восемь человек, которых, по вполне понятным причинам, нельзя было поместить в жилую палубу для нижних чинов.

На пароходо-фрегат уже погрузили провизию, привезли бочки с вином и ладожской водой – она считалась идеально чистой и могла храниться дольше, чем обычная, – загрузили в угольную яму отборный кардиф. Экипаж под командованием капитан-лейтенанта фон Глазенапа в последний – четвертый – раз обтянул такелаж. Со всеми предосторожностями на корабль погрузили порох и боеприпасы.

Перед выходом в открытое море на «Богатыре» трудились все – даже участники экспедиции лейтенанты фон Краббе и Невельской. Они как могли помогали офицерам «Богатыря» побыстрее подготовить корабль к походу. Надо было бегать по канцеляриям, складам и провиантским магазинам, чтобы в поход пароходо-фрегат вышел, полностью обеспеченный всем необходимым. А вот все остальные чувствовали себя на корабле лишними и старались свободное время проводить на берегу.

Все, кроме Надежды Щукиной. Она с большим любопытством наблюдала за тем, что происходило на борту пароходо-фрегата. Матросы и офицеры поначалу подозрительно косились на странную «девку», которая, как известно всем морякам, приносит в плаванье одни лишь несчастья.

Но когда «черная пантера», переодевшись в джинсы и тельняшку, – кстати, эта «морская душа» появится в русском флоте лишь через двадцать лет – лихо вскарабкалась по выбленкам на грот-марс и на руках потом по вантам съехала вниз, матросики открыли рот от удивления и сразу же

зауважали Надежду. Больше всего их удивило, что она абсолютно не боялась высоты. Она прошлась по рее, находящейся на огромной высоте, спокойно, даже чуть пританцовывая, словно это была не корабельная рея, а широкая городская мостовая. Если бы они знали, как она лихо летала на таких штуках, как дельтаплан и парашутан!

А когда все увидели, как Надежда, привязав к фок-мачте круглую деревянную мишень, тренируется в метании ножей и сюрикенов, то ее зауважали и господа офицеры.

Надежда везде совала свой любопытный нос: и на батарейную палубу, где были установлены 24-фунтовые пушки, и на жилую палубу, где отдыхала свободная от вахты команда, и в машинное отделение. Скоро к ней все привыкли и даже стали считать чем-то вроде корабельного талисмана.

Накануне прибытия на «Богатырь» пассажиров умер судовой кот, что было плохой приметой. Экипаж погрузился в уныние. И надо же такому случиться, что на следующий день Надежда стояла у борта корабля и смотрела, как с грузового лихтера грузят бочки с солониной на стоящую рядом с пароходо-фрегатом трехмачтовую шхуну.

И тут она неожиданно услышала тихое «мяу». У трапа «Богатыря» стоял, поглядывая с любопытством на нее, симпатичный рыжий кот. Надежда позвала его: «Кис-кис», и кот, мяукнув еще раз, гордо поднялся по трапу на палубу корабля и, мурлыкая, стал тереться о ноги девушки.

– Пойдешь с нами в поход? – спросила его Надежда.

– Мяу, – ответил кот, вопросительно посмотрел на свою новую хозяйку, продолжая тереться о ее ноги.

Матросы, вытаращив глаза от изумления, смотрели на удивительную «барышню». Ведь по старому морскому поверью – если кот сам приходил на корабль, то сие означало, что плаванье будет удачным, и все вышедшие в море непременно вернутся назад...

А потом наступил день, накануне которого все участники экспедиции съездили в Петербург и были приняты императором. Николай был взволнован и даже не пытался скрывать этого.

– Олег Михайлович, – сказал он Щукину, – я знаю, что вы человек храбрый, не раз смотревший в глаза смерти. Да и ваши спутники тоже не из робкого десятка. Но я прошу вас – если риск будет слишком велик и вам будет угрожать смертельная опасность – плюньте вы на этого Уркварта и возвращайтесь домой. Поверьте, я очень привязался к вам, и если с вами, не дай бог, что-либо случится, то я себе никогда этого не прощу.

– Ваше величество, – улыбнувшись, ответил Олег, – я уверен, что все

будет в порядке. Пожелайте нам удачи. И да поможет нам Господь!

На следующее утро в Кронштадте местный батюшка отслужил молебен на «Богатыре», окропив пароходо-фрегат и всю его команду святой водой. Потом был поднят якорь, и корабль вышел в море.

Пройдя траверз южного Гогландского маяка, все вышли на палубу и по старой морской традиции бросили в воду по мелкой медной монете – «в дар Нептуну», – чтобы их плавание было благополучным. Олег, пошарив в кармане, достал рублевую монету, отчеканенную в 2014 году на Петербургском монетном дворе, и, размахнувшись, швырнул ее за борт.

«Вот будет потеха, – вдруг подумал он, – если кто-то, лет так через десять-пятнадцать, найдет ее. То-то Петербургская Академия наук поломает голову, пытаясь объяснить – откуда взялась эта монета. Надеюсь, впрочем, что все же этого не произойдет».

Ветер был попутный, волнение на море практически отсутствовало. Отстояв вахту, люди занимались своими повседневными делами и отдыхали. Много работы было только у штурмана. Балтийское море, за столетия исхоженное русскими кораблями вдоль и поперек, было усеяно мелями и камнями. А потому надо было держать ухо востро и тщательно наблюдать за маяками и навигационными знаками. Самым большим позором для штурмана и командира будет, если корабль сядет на мель.

Но, слава богу, ветер дул в нужном направлении, погода не менялась, и «Богатырь» споро бежал в сторону Балтийских проливов. Вот их-то придется форсировать с помощью паровой машины. На подходе к ним, да и в самих проливах полным-полно коварных мелей и подводных камней. Здесь так же часты туманы, ветра внезапно меняют направления, и парусные корабли порой тратят неделю, а то и больше, чтобы, лавируя, пройти проливы. Потому корабли, оснащенные паровыми двигателями, в теснинах проливов имеют огромное преимущество перед парусниками.

Когда «Богатырь» прошел мимо острова Борнхольм, командир корабля капитан-лейтенант фон Глазенап отдал приказ ввести в действие паровую машину. Из трубы «Богатыря» повалил густой черный дым, зашлепали по воде плиты вращающихся колес, и пароходо-фрегат, послушный рулю, направился к входу в пролив Эресунн. Слева по борту осталась столица Дании – Копенгаген, справа – шведский город Мальмё. Миновав пролив Каттегат, «Богатырь» обогнул мыс Скаген и вскоре, оставив за кормой коварные проливы, вошел в Северное море.

Капитан-лейтенант фон Глазенап, увидев прямо по курсу бескрайнюю водяную гладь, вздохнул, перекрестился и скомандовал штурману сменить карты. Скоро на горизонте должны были показаться берега Туманного

Альбиона.

Войдя в Дуврский пролив, или, как его называют французы, Па-де-Кале, «Богатырь» взял курс на Портсмут. Там он и постоит некоторое время в ожидании сигнала, который сообщит дежурившему у рации Игорю Пирогову, что подполковник Щукин и его команда успешно закончили свои дела и требуют принять их на борт «Богатыря». Все будет зависеть от той информации, которую они получают в Лондоне от княгини Ливен.

Портсмут показался на горизонте неожиданно. Он был едва виден сквозь сетку традиционного английского дождя. Раздались свистки боцманских дудок и команды вахтенных офицеров. «Богатырь», чтобы показать лихость русских моряков, под одними парусами вошел в гавань и направился к причальной стенке.

Олег и Надежда с любопытством смотрели на город и порт. Перед ними словно ожили страницы романов Роберта Стивенсона. Кстати, здесь в 1812 году родился Чарльз Диккенс. В позапрошлом году вышел в свет его знаменитый роман «Приключения Оливера Твиста», рассказывающий о мальчишке-сироте из работного дома и его приключениях в трущобах Лондона. Все то, о чем писал Диккенс, им теперь предстояло увидеть своими глазами...

* * *

Через полчаса после того, как «Богатырь» был пришвартован к причалу, а по спущенному трапу на его борт поднялся представитель портового начальства, чтобы уладить с капитан-лейтенантом фон Глазенапом все формальности, со стороны города показалась пролетка-двуколка. На ней в порт прибыл посланник княгини Ливен. Дарья Христофоровна в последнее время проживала в Париже. Но, получив письмо из Петербурга, написанное лично государем, который сообщал о скором прибытии в Англию его доверенных лиц и личных друзей ее любимого брата графа Бенкендорфа, она отправилась в Лондон, чтобы, используя свои огромные связи в высшем свете британской столицы, оказать им максимальное содействие.

Посланец княгини представился как Джейкоб Уайт, но внешность его говорила о том, что он вряд ли является уроженцем Туманного Альбиона. Скорее всего, в детстве его звали Жаком или Джакопо. Впрочем, в сопроводительной записке княгиня Ливен отрекомендовала его как честного и верного слугу. Глядя на лицо «верного слуги», больше

смахивающего на физиономию отпетого мошенника, Щукин поначалу засомневался в словах Дарьи Христофоровны. Впрочем, выбора у него не было. К тому же вряд ли такая опытная в секретных делах дама прислала бы к людям, которых государь и ее брат назвали своими друзьями, ненадежного человека.

Джейкоб сообщил, что он уже заказал места в карете Почтового ведомства, которая сегодня вечером отправится из Портсмута в Лондон. На ней уедут четверо: Щукин, его дочь Надежда, Вадим Шумилин и Никифор Волков. Николай Сергеев и Игорь Пирогов останутся в Портсмуте и развернут на «Богатыре» небольшую, но мощную радиостанцию, с помощью которой они будут поддерживать связь с Лондоном. В британской столице их встретит княгиня и генеральный консул Егор Карлович Бенкгаузен. Впрочем, часто с ними встречаться не рекомендуется, а потому гостям лучше поддерживать с ними связь через Джейкоба Уайта.

Выслушав посланца княгини Ливен, Олег кивнул и сказал, что он и его спутники будут готовы отправиться в путь через пару часов. Джейкоб пообещал, что он заедет за ними в указанный срок.

Щукин из справки, подготовленной для него историками, знал, что кареты Почтового ведомства в те годы считались в Англии самым безопасным и самым скоростным видом пассажирского транспорта. Они перевозили не только почту, но и всех, у кого были деньги для оплаты места в почтовой карете. На дорогах Британии эти экипажи пользовались особым вниманием.

При приближении к заставе один из вооруженных охранников трубил в горн, и привратник, услышав этот сигнал, бегом кидался открывать шлагбаум, чтобы, не дай бог, не задержать карету. В случае задержки с привратников строго спрашивали. Встречные же кареты спешили уступить ей дорогу, едва услышав звук сигнального горна.

Сами охранники, одетые в алые ливреи, обшитые золотыми галунами с синими лацканами, были вооружены двумя пистолетами и мушкетом. В охранники брали людей бывалых, умеющих обращаться с оружием, не из робкого десятка и ответственных. В случае поломки кареты они обязаны самостоятельно добираться к месту назначения с почтой, хоть на попутных дилижансах, хоть пешком.

Вот на такой карете Щукин, его дочь и Денис с Никифором отправились в путь. С собой они взяли три больших дорожных сундука и столько же саквояжей. В одном из сундуков находилась бережно завернутая в тряпье радиостанция, в остальных – снаряжение, необходимое для выполнения их основной задачи.

В назначенное время охранники и пассажиры заняли свои места в почтовой карете, кучер щелкнул кнутом, и путешествие началось. Продолжалось оно, впрочем, недолго. Переночевав на постоялом дворе и несколько раз сменив лошадей на почтовых станциях, к вечеру следующего дня они уже добрались до Лондона.

Столица Англии встретила их ужасающей вонью. Выгребные ямы, скотобойни – в городе работало более тысячи частных скотобоен – старые кладбища, где, едва присыпанные землей, разлагались трупы умерших лондонцев – все это создавало такой зловонный «букет», от которого с непривычки хотелось зажать нос.

Темза, протекающая через весь город, представляла собой самую настоящую клоаку. До 1815 года домовладельцам категорически запрещалось сбрасывать содержимое выгребных ям в реку. Но потом запрет сняли, и через пять лет, когда во время своей коронации королю Георгу IV вдруг захотелось отведать лосося, пойманного в Темзе, ему не смогли его поймать даже за обещанную щедрую королевскую награду – 30 шиллингов. Вся рыба в реке погибла.

Впрочем, несмотря на ужасную вонь, на берегу Темзы Щукин заметил несколько подростков, которые, закатав штаны по колено, ковырялись в холодной и вонючей грязи. Увидев его удивленное лицо, Джейкоб пояснил, что это «mud-larks» – «жаворонки из грязи», которые собирают на берегу Темзы угольки, кости, обрывки веревок и ржавые гвозди. Все найденное можно будет потом продать старьевщикам, которые из костей сварят клей, ржавые гвозди, отчистив, сбегут на «блошином рынке». А угольки «жаворонки» унесут домой, где нищие матери сварят на них жидкую похлебку для всей семьи.

Джейкоб сообщил, что он уже нанял для Щукина и его спутников небольшой домик в Ламбете – пригороде Лондона, а также служанку, лакея и кучера. В их распоряжении будет карета и три верховые лошади. Олег поморщился – на лошади он сидел, как собака на заборе. Зато Никифор Волков, услышав об этом, повеселел. Казаку изрядно надоели пешеходно-морские путешествия, и он скучал по седлу и запаху лошадиного пота.

Джейкоб особо подчеркнул, что вся прислуга нанята лично им, и ее честность и порядочность ему гарантировали весьма уважаемые люди. Правда, кто именно – он не сообщил.

На наемной карете они добрались до съемного жилища, расположенного неподалеку от Ламбетского дворца – резиденции архиепископа Кентерберийского. На другом берегу Темзы был виден Вестминстерский дворец. Дышалось здесь немного легче, хотя запах

нечистот чувствовался и тут.

– Вот, господа, – Джейкоб указал им на симпатичный двухэтажный домик с черепичной крышей, – это ваше жилище. Располагайтесь и приведите себя в порядок. А вечером я вместе с вами отправлюсь с визитом к княгине Ливен.

Прибежавшие встречать своих новых хозяев слуги – лакей Гарри, служанка Сьюзен и конюх Мэтт, помогли внести в дом дорожные сундуки и саквояжи. Сьюзен сразу же увела Надежду в ее комнату, а Гарри – представительного вида рослый мужчина средних лет – предложил мужчинам снять дорожную одежду, чтобы почистить ее.

– Если вы хотите принять ванну, то велю Сьюзен нагреть воду, – сказал Гарри, – но вам придется немного подождать. Или джентльменам достаточно будет сполоснуться в тазике?

Олег махнул рукой, дескать, и без ванны как-нибудь обойдемся. Он знал здешние обычаи, согласно которым в одной и той же воде в ванной мылись все члены семьи.

Вадим шепнул на ухо Щукину, что Гарри чем-то похож на дворецкого Берримора, из сериала о Шерлоке Холмсе. А вот конюх Мэтт держался с ними попросту. Он сразу понял, что из всех присутствующих с ним будет иметь дело в основном Никифор. Казак, с разрешения подполковника, отправился с Мэттом в конюшню. Там он, абсолютно ничего не понимая по-английски, быстро нашел общий язык с Гарри. Недаром русская пословица гласит: «Свояк свояка видит издалека».

Олег с Вадимом, сполоснув лица в медном тазе, расположились за большим дубовым столом и стали думать – что им делать дальше. Желательно было не откладывать дела в дальний ящик, а с ходу начать охоту на мистера Уркварта. Но только где окопался этот зловерный шотландец? Без помощи княгини Ливен и ее друзей трудно будет найти его в огромном городе.

– Олег Михайлович, – заметил Вадим, – мне кажется, что такая продувная бестия, как мистер Джейкоб, сможет иголку найти в стогу сена, а не довольно известного и уважаемого в своих кругах человека в Лондоне. Лицо у него такое, что хочется кошелек засунуть поглубже, застегнуть его на молнию, да еще и заколоть булавкой.

– Вадим, – улыбнулся Щукин, – как говорил один известный германский разведчик, «в нашем деле нет отбросов – есть кадры». По нашим с тобой карманам он шмонать не будет, а какими способами он найдет местожительства этого земляка Несси – нас не касается. Вон, кстати, и наша мадемуазель спускается. Видел бы кто-нибудь из ее

знакомых в таком костюме – ей-богу, умер бы со смеху.

Но Олег Щукин был явно несправедлив к своей дочери. В хорошо сшитом вечернем костюме Надежда выглядела настоящей красавицей. Жаль, что сейчас с ними не было майора Соколова – он бы по достоинству оценил красоту своей избранницы.

– Ну что, папа, скоро прибудет мистер Джейкоб, и мы отправимся на аудиенцию к княгине? – поинтересовалась Надежда. – Кстати, мы возьмем с собой что-нибудь из оружия?

– Все бы тебе пострелять, – проворчал Олег, – мы ведь сюда не для этого приехали. Захватим пару пистолетов и что-нибудь из колюще-режущего. А то встретится нам предшественник Джека-Потрошителя, а нам его нечем будет и порадовать.

– Олег Михайлович, – с улыбкой сказал Вадим, – если он осмелится и нападет на вашу дочку, то мне будет его жалко. Наденька этого Потрошителя на раз-два сама выпотрошит. А если серьезно, то надо держать ухо востро. Уличных бандитов можно особо и не бояться, а вот если известие о нашем прибытии каким-то способом дошло до наших оппонентов... Вот тогда придется палить с двух рук в стиле Джеймса Бонда.

– Будем надеяться на лучшее, – махнул рукой Щукин. – К княгине же мы отправимся втроем. Никифор останется здесь и будет охранять дом и наше имущество. Думаю, если что, он сумеет дать отпор незванным гостям. ...А вот, кажется, и наш друг Джейкоб приехал. Надо собираться. Нельзя заставлять ждать такую приятную во всех отношениях даму, как Дарья Христофоровна Ливен...

* * *

Адини не присутствовала на проводах тех, кто отправился в опасную экспедицию в Англию. И совсем не потому, что император намекнул дочери, что, дескать, для нее будет лучше, если она побудет в это время в своих покоях. Адини испугалась того, что не сможет сдержать своих чувств и на глазах у всех бросится на шею Николя. А это могло закончиться большим скандалом. Можно, конечно, что угодно думать о чувствах, которые царская дочь питает в отношении простолюдина, пусть он даже и гость из будущего, но публичная демонстрация этих чувств...

В общем, Адини закрылась в своей комнате, отказалась от обеда и ужина, и весь день проплакала. Вечером к ней зашел папа, присел рядом с

ней на диван, тяжело вздохнул, погладил по голове. Он хотел было что-то сказать дочери, но промолчал, и минут десять молча сидел рядом ней.

Первой не выдержала Адини.

– Папа, а если с ними что-то случится? – прошептала она и всхлипнула. – Ведь эти англичане такие злые. Как мне рассказывали, именно они виноваты в том, что злодеи убили моего дедушку...

– Все в руке Божьей, доченька, – тихо сказал император, ласково погладив ее по голове, – они отправились в опасное путешествие, а нам остается лишь молить Господа, прося его сберечь их жизнь. Молись и ты... Господь милостив, он поможет тем, кто сражается за правое дело. К тому же и господин Щукин, и Николай уже понюхали пороха, и они знают – как надо себя вести в опасных ситуациях.

– Надежда рассказывала мне, – Адини вытерла предательскую слезу, стараясь, чтобы отец не заметил этого, – что ее батюшка был дважды ранен на войне, причем последний раз тяжело. А Николая лишился глаза. А ведь они могли тогда и погибнуть...

Слезы снова потекли из глаз Адини, и она их уже больше не скрывала.

Николай снова вздохнул, и ему на память пришли слова из поэмы господина Грибоедова «Горе от ума»: «Что за комиссия, Создатель, быть взрослой дочери отцом!» Как-то незаметно его любимая дочь выросла, и теперь она уже не забавная девочка-подросток, а настоящая барышня, которую года через два можно выдать замуж. К тому же, похоже, что она уже сделала свой выбор.

Николай давно замечал, что Адини весьма равнодушна к Сергееву-младшему, равно, как и он к ней. Поначалу император не придавал всему этому большого значения, считая чувства дочери обычной девичьей влюбленностью. Но, как оказалось, он ошибался – все оказалось гораздо серьезней. Адини не на шутку влюбилась в пришельца из XXI века. И теперь Николай ломал голову – как ему следует поступить.

Ничего толком не придумав, он опять вздохнул и прямо спросил у дочери:

– Адини, скажи мне – ты любишь Николая?

– Да, папа, – ни на мгновение не задумавшись, ответила Адини. – Люблю и не могу жить без него. Если с ним что-нибудь случится... – она замолчала и снова залилась слезами.

Император покачал головой. Если сказать откровенно, то будь Николай Сергеев представителем какой-нибудь, пусть даже самой захудалой правящей династии, то он бы не задумываясь согласился на его брак с Адини. Но Николай был, несмотря на свои несомненные достоинства,

всего-навсего младшим офицером, сыном отставного майора. А ведь он, император, уже как-то заявил: «Романовы никогда не будут жениться и выходить замуж за своих подданных». «За своих подданных...» Гм... А ведь Николай Сергеев не был его подданным! Стоит подумать над этим...

– Успокойся, Адини, – сказал он дочери, – все будет хорошо. Я верю, что те, кто отправился в Англию, выполнив свой долг перед Россией, вернутся целыми и невредимыми. И Николя – тоже вернется... А я пока подумаю, как поступить...

– Папа! – воскликнула великая княжна. – Если с Николя что-нибудь случится... Знай, я люблю только его одного и ни за кого другого не выйду замуж. Я умру не от болезни, как это было с той Адини, из их истории, а от тоски и горя... Я не хочу жить без него...

Император молчал. Ему нечего было сказать. Сердце у него защемило от жалости к своей любимой дочери. Он на мгновение представил, что она и вправду – а он в этом не сомневался – умрет. И ему стало нехорошо. Нет, он никогда не убьет ее своим запретом, как и не сможет вот так вот, с ходу, дать разрешение на ее брак. К тому же Адини еще слишком молода для того, чтобы выдавать ее замуж. Пусть все остается так, как есть.

Приняв такое соломоново решение, император немного успокоился. Он снова обнял Адини, погладил ее по мягким волосам и ласково сказал:

– Милая моя, все будет хорошо, я обещаю тебе это. Николя и его спутники скоро вернутся с победой. А что будет потом – о сем лишь Господь ведает. Помни, Адини, что в Его руках судьбы всех живущих на земле, в том числе и власть предрежащих. Молись, и Господь тебе поможет. А мы, рабы Его, исполним волю Всевышнего.

Адини в последний раз всхлипнула и по-детски, как когда-то, лет десять назад, прижалась к отцу...

Утром, позавтракав, великая княжна, с разрешения императора, отправилась к Александру Павловичу Шумилину. Она решила поговорить с человеком, которого пришельцы из будущего уважали и считали своим лидером.

Александр Павлович терпеливо выслушал сбивчивый рассказ девушки и тяжело вздохнул.

«Совсем как мой папа», – мелькнуло в голове Адини.

– Видишь ли, милая, – задумчиво сказал он, – все не так просто, как тебе кажется. Любовь – это светлое чувство, но если бы ты знала – сколько трагедий в мире происходит из-за того, что два любящих друг друга сердца вынуждены расстаться. Ты ведь читала трагедию Шекспира «Ромео и Джульетта»?

Адини кивнула, вспомнив, сколько слез она пролила, оплакивая несчастных влюбленных. Кстати, Джульетта была моложе, чем она. Они погибли из-за того, что по прихоти самых близких людей им пришлось расстаться.

– Так вот, – продолжил Шумилин, – мне очень не хочется, чтобы нечто подобное произошло и у тебя с Николаем. Я ведь помню его еще совсем маленьким. Он рос на моих глазах. Сейчас Николай – взрослый мужчина, опытный воин и просто замечательный человек. Он любит тебя, и это прекрасно. С ним ты будешь счастлива. Но, с другой стороны, существуют принципы, через которые твой отец переступить не может. Правильные они или нет – судить не нам. Главное то, что они существуют, и мы вынуждены с ними считаться. Это в наше время царственные особы вольны выходить замуж или жениться по любви, независимо от того, кто их избранник или избранница по происхождению. А пока сословные границы тверды, и переступить их невозможно.

– Так что же, Александр Павлович, – печально спросила Адини, – ничего нельзя сделать?

– Можно, – неожиданно для девушки улыбнулся Шумилин. – Есть путь выхода из тупика. Все зависит лишь от того – захочет ли им воспользоваться твой отец. Я только попрошу тебя не торопить события и терпеливо ждать. То, что невозможно сегодня, вполне возможно завтра. Ну, или послезавтра.

– Александр Павлович, – вздохнула Адини, – если бы вы знали – как трудно ждать. Николя уплыл в эту злую и страшную Англию вроде бы совсем недавно, а мне кажется, что прошло уже много-много дней. Я все время думаю о нем, вспоминаю его лицо, голос...

Тут девушка вспыхнула, как маков цветок. Ей стало вдруг стыдно за то, что она так откровенно рассказывает все это совершенно постороннему человеку. Хотя Александр Павлович и его друзья уже стали ей как бы родными.

– Милая девочка, – неожиданно, совсем по-домашнему, обратился к ней Шумилин, – я тебя прекрасно понимаю. Ждать, действительно, тяжело. Но, именно женщины, своим ожиданием часто спасают своих любимых. Знаешь, во время нашей, самой страшной войны, один замечательный поэт написал вот такое стихотворение:

Жди меня, и я вернусь.
Только очень жди,
Жди, когда наводят грусть

Желтые дожди.
Жди, когда снега метут,
Жди, когда жара,
Жди, когда других не ждут,
Позабыв вчера.
Жди, когда из дальних мест
Писем не придет,
Жди, когда уж надоест
Всем, кто вместе ждет.

Жди меня, и я вернусь,
Не желай добра
Всем, кто знает наизусть,
Что забыть пора.
Пусть поверят сын и мать
В то, что нет меня,
Пусть друзья устанут ждать,
Сядут у огня,
Выпьют горькое вино
На помин души...
Жди. И с ними заодно
Выпить не спеши.

Жди меня, и я вернусь,
Всем смертям назло.
Кто не ждал меня, тот пусть
Скажет: – Повезло.
Не понять, не ждавшим им,
Как среди огня
Ожиданием своим
Ты спасла меня.
Как я выжил, будем знать
Только мы с тобой, —
Просто ты умела ждать,
Как никто другой.

– Спасибо, Александр Павлович, – глотая слезы, произнесла Адини. –
Я выучу это стихотворение и буду читать его, как молитву. Я верю, что

Николя скоро вернется домой, и я снова увижу его. Я буду его ждать долго-долго, столько, сколько нужно. Хоть всю жизнь...

Москва Златоглавая

Лечение Александра Христофоровича Бенкендорфа шло успешно. Хотя граф сильно переживал из-за того, что он на время передал бразды правления III отделением молодому и еще неопытному, но толковому и умному майору Соколову. Хотя Бенкендорф и считал себя русским человеком, но в душе он оставался немцем – старательным и аккуратным служакой.

Утешало его лишь то, что здоровье пошло на поправку. Головокружения и внезапная темнота в глазах случались все реже и реже. Почти прекратились и боли в сердце. Граф словно помолодел лет так на десять-пятнадцать. Он даже стал задумчиво поглядывать на молоденьких медсестер, сновавших по коридорам лечебного корпуса, со вздохом вспоминая о своих былых амурных приключениях и подкручивая при этом поседевшие усы.

Похоже, что информацию об улучшении самочувствия пациента врачи санатория сообщили тем, кто курировал лечение Александра Христофоровича. И должные выводы были сделаны.

В один прекрасный день в санаторий явился мужчина средних лет в статском платье, который назвался подполковником Владимиром Николаевичем Гавриловым. Он сообщил графу о том, что Сергей Борисович не забыл о своем обещании, и завтра они отправятся в Первопрестольную.

– Думаю, Александр Христофорович, – сказал его новый знакомый, – что одного-двух дней вам вполне хватит для того, чтобы осмотреть Москву XXI века, после чего мы с вами снова вернемся в Петербург, и вас переправят в ваше время.

– Отлично! – обрадованно воскликнул Бенкендорф. – Только не слишком ли много времени займет все это? Ведь до Москвы из Петербурга – несколько дней пути.

– Ах да! – граф всплеснул руками. – Я совсем забыл, что у вас передвигаются не на тройках, а на самодвижущихся повозках. Только и им тоже понадобится немало времени, чтобы доехать до Москвы. Или вы хотите, чтобы мы полетели на ваших аппаратах, которые, подобно ангелам небесным, парят в воздухе?

– Александр Христофорович, – улыбнулся подполковник, – мы не поедем по дороге и не полетим по небу. Но завтра, выехав около полудня из

Петербурга, к обеду будем в Москве.

– Не может такого быть! – воскликнул изумленный Бенкендорф. – Разве можно всего за несколько часов попасть из одной российской столицы в другую?

– Можно, – таинственно улыбнулся подполковник.

На следующий день Александр Христофорович убедился, что потомки действительно умеют творить чудеса.

Подполковник Гаврилов заехал за ним утром, едва граф успел позавтракать. После недолгих сборов они покинули гостеприимный санаторий и на автомобиле отправились на вокзал, откуда отправлялись в путь поезда, влекомые парходами по чугунке. Правда, как объяснил графу подполковник, чугунку сейчас называют железной дорогой, а парход – паровозом. К тому же по железным дорогам паровозы уже практически не ходят, а вагоны тянут локомотивы, оснащенные не паровой машиной, а двигателями, работающими на основе других принципов.

Вокзал удивил Бенкендорфа. Он находился в самом центре города, на пересечении Невского проспекта и улицы, появившейся там, где в его времени протекал Лиговский канал – напротив Знаменской церкви. Правда, от церкви не осталось и следа, а на ее месте возвышалось непонятного назначения здание с ротондой, увенчанной шпилем. Подполковник Гаврилов объяснил, что это станция метрополитена, а на вопрос графа – куда делась церковь, почему-то не ответил.

Достав из внутреннего кармана маленькую книжечку с двуглавым орлом на обложке. Владимир Николаевич сказал, что это паспорт – документ, изготовленный специально для графа. Бенкендорф с любопытством открыл его. Внутри была вклеена его фотография – моментальный рисунок, сделанный по методу Луи Дагера, а также было написано: «Александр Христофорович Белкин». В ответ на недоуменный взгляд графа подполковник сказал, что имя начальника III отделения слишком хорошо известно даже в их времени, поэтому не стоит привлекать к его особе лишнее внимание. Александр Христофорович пожал плечами, но возражать не стал. В конце концов, он здесь гость, а не хозяин, и вряд ли стоит возражать против принятых здесь порядков. К тому же ему стало приятно, что и в далеком прошлом сохранилась память о нем.

Пройдя через толпу людей с сумками и баулами, граф и его спутник подверглись контролю здешних полицейских. Потом они оказались на огромном перроне, где стоял изящный серебристый поезд с надписью «Сапсан» на борту.

– Нам сюда, – сказал Гаврилов, останавливаясь у одного из вагонов.

Он протянул паспорта и билеты служительнице, которая, посмотрев в документы, пригласила их войти в вагон.

Граф вслед за подполковником прошел в отдельное помещение, где стояли четыре кожаных кресла, диван и столик. Обстановка была более чем скромной, но, как уже успел заметить Бенкендорф, у потомков не было принято выставлять напоказ роскошь.

– Александр Христофорович, мы поедем в этом купе вдвоем, – предложив графу присесть, произнес Гаврилов. – Нам никто не будет мешать, и мы сможем поговорить здесь свободно. Да и путешествие наше не слишком затянется. Через четыре часа мы уже будем в Москве.

Бенкендорф опять удивился, но вида не показал – он подумал, что если подполковник сказал, что вся дорога займет четыре часа, то так оно и будет. И оказался прав...

Ровно через четыре часа они вышли из чудо-поезда на перрон вокзала в Москве. Там их уже встречали. Подполковник отвел графа к машине, стоявшей на площади у вокзала, и попрощался с ним, пообещав, что они увидятся вечером. А в машине Бенкендорфа поджидал его старый знакомый – Сергей Борисович.

– Рад вас видеть, Александр Христофорович, – сказал он, пожимая руку графу, – я сдержал свое обещание, и, с вашего позволения, побуду какое-то время вашим гидом.

– Весьма вам признателен, – ответил граф, – и с удовольствием проведу время в вашем обществе. Если не секрет, куда мы сейчас направимся?

– В Кремль, – улыбнулся Сергей Борисович, – как вы знаете – это сердце России...

Машина быстро двигалась по широким московским улицам. Бенкендорф с любопытством смотрел по сторонам, не узнавая так хорошо ему знакомый город. Он помнил Москву до Пожара и после, когда, ворвавшись через Тверскую заставу в город, схватился на заваленных трупами улицах с польской уланской бригадой, прикрывавшей отступление арьергарда Великой армии Бонапарта. Поляки отчаянно рубились с его донцами, зная, что русские не простят им того, что они натворили в захваченной Москве. Дело было жаркое, но казаки в конце концов опрокинули поляков и погнали их прочь, взяв четыре сотни пленных.

Все московские улицы были забиты брошенными французами фурами и телегами, нагруженными добром, найденным в брошенных москвичами домах. Повсюду валялись вздувшиеся трупы павших лошадей.

Александр Христофорович потер лоб. Заметив этот жест, Сергей

Борисович участливо поинтересовался – не болен ли граф, и не лучше ли будет отложить посещение Кремля и отправиться в отведенные ему апартаменты. Но Бенкендорф покачал головой и сказал, что он хотел бы продолжить знакомство с Москвой.

Вскоре машина подъехала к Кремлю. Увидев его башни, увенчанные вместо двуглавых орлов большими красными звездами, Александр Христофорович опять погрузился в воспоминания. Ему вспомнился Кремль 1812 года, частично взорванный отступавшими французами. Стены его обрушились в пяти местах. По счастливой случайности часть заложенных мин так и не взорвались. Бочки с порохом и зарядные ящики потом были обнаружены под Спасской башней, на которую он сейчас смотрел, под кремлевскими соборами, Оружейной палатой и колокольней Ивана Великого.

Граф вспомнил то, что он увидел, ворвавшись в полуразрушенный Кремль, где еще бегали не успевшие завершить свое черное дело французские саперы. Казаки с шашками в руках верхами гонялись за ними и рубили безо всякой пощады.

А вот и кремлевские соборы. Сердце у графа сжалось – он вспомнил их, покрытых копотью, с покосившимися крестами на куполах. На площадях перед храмами стояли горны, в которых французы переплавляли сорванные с икон серебряные и золотые оклады, а также церковную утварь. В Архангельском соборе захватчики устроили винный склад. Войдя в него, Бенкендорф чуть не оставил на полу подошвы своих сапог – весь пол был залит липкой мадерой. В Успенском соборе под его сводами вместо паникадила висели огромные весы. Там же, на Царских вратах французы вели учет награбленного. Как оказалось, через эти весы прошло 18 пудов золота и 325 пудов серебра.

Но не это было самое страшное. Войдя в собор, Бенкендорф почувствовал невыносимый смрад. Захватчики превратили храм в отхожее место. Они гадили прямо в открытые саркофаги, где были погребены русские цари и русские святые. Мощи же были выброшены из гробниц и изрублены на части.

Поняв – чем все это может закончиться для пленных французов, если казаки и вошедшие в город вооруженные мужики-партизаны увидят такое надругательство над православными храмами и святынями, Александр Христофорович приказал запереть двери соборов и опечатал их своей личной печатью.

– Я понимаю, о чем вы сейчас думаете, – тихо сказал ему Сергей Борисович. – Вы сражались с нашествием всей Европы на Россию в 1812

году. Нашим отцам тоже пришлось сражаться с объединенной Европой под Москвой в 1941 году. Вы знаете, Александр Христофорович, что в величайшем сражении под Москвой довелось снова встретиться в бою французам и русским. Германцы привезли с собой легион добровольцев, набранный из французов – жителей Эльзаса и Лотарингии...

– И как все это было? – с волнением спросил Бенкендорф. – Не посрамили ли русские солдаты славу тех, кто сражался с врагом под Москвой в 1812 году?

– Не посрамили, – ответил Сергей Борисович, – французский легион понес большие потери, и его поспешили отвести в тыл на переформирование. Давайте, Александр Христофорович, пройдемте туда, где покоится погибший в 1941 году один из безымянных защитников Москвы. Он просто солдат, но ему отдадут почести маршалы и генералы.

Они прошли к Могиле Неизвестного солдата. Постояв немного рядом с ней, генерал Бенкендорф, неожиданно для своего спутника, подошел к Вечному огню, встал на колени и низко поклонился. Но никто из тех, кто пришел отдать честь одному из спасителей России, не обратил особого внимания на поступок Александра Христофоровича – здесь так часто поступали люди, которые хорошо знали, что такое война...

* * *

Княгиня Ливен встретила гостей радушно. Хотя она и прожила большую часть жизни за границей, но в душе всегда считала себя русской. Дарья Христофоровна была одной из лучших разведчиц всех времен и народов. В молодости она окончила Смольный институт, в котором учились дочери российской элиты. Там она получила прекрасное образование, научилась музицировать и свободно разговаривать на четырех европейских языках. Впоследствии все это ей очень пригодилось.

Еще будучи смолянкой, она стала фрейлиной императрицы Марии Федоровны, супруги императора Павла Первого. В 1800 году ее выдали замуж за начальника Военно-походной канцелярии императора, генерал-адъютанта графа Христофора Андреевича Ливена. Вскоре после убийства Павла I граф Ливен был направлен молодым императором Александром I послом в Берлин. Время, в которое граф начал свою дипломатическую карьеру, было бурным. Император Наполеон Бонапарт легко завоевывал одно европейское государство за другим и, словно бравый портной, лихо перекраивал политическую карту Старого Света.

Граф Ливен находился в свите Александра I во время переговоров царя с Наполеоном в Тильзите. Но так уж получилось, что его очаровательная супруга знала о тайнах этих переговоров больше, чем он сам. Дело в том, что Дарья Христофоровна, несмотря на то что ей пришлось сдать после замужества свой фрейлинский шифр, все же осталась любимицей вдовствующей императрицы Марии Федоровны, с которой ее царствующий сын был полностью откровенен. От нее-то графиня Ливен и получала конфиденциальную информацию. Таким образом, она была, в отличие от своего мужа, в курсе практически всех деталей российско-французских переговоров.

Но Дарья Христофоровна показала, что умеет не только проникать в тайны высшей политики, но и держать язык за зубами. Молодая графиня скоро почувствовала вкус к политическим интригам. Со временем о ней стали говорить, что она «при муже исполняла роль посла и советника и сама сочиняла депеши». Она была умнее, энергичнее и способнее своего супруга. К тому же Дарья Христофоровна с успехом использовала то, чем ее с избытком наградила природа – свою красоту и обаяние. Никому не приходило в голову, что кокетливая и внешне легкомысленная дама, весело щебечущая о каких-то пустяках, на самом деле является опытной разведчицей, внимательно слушающей серьезные разговоры мужчин о политике. После каждого светского раута графиня садилась писать отчет в Петербург о том, что ей стало известно из неосторожных разговоров в ее присутствии дипломатов и военных.

Именно она продиктовала своему супругу в феврале 1812 года донесение о том, что Пруссия подписала тайный договор с Наполеоном, направленный против России, и обещала выделить воинский контингент, который будет действовать совместно с Великой армией Бонапарта. Незадолго до начала боевых действий супруги покинули Берлин и вернулись в Петербург. Графа Ливена назначили послом в Лондон. В Англии он пробудет двадцать два года, ставшие вершиной в разведывательной деятельности Дарьи Христофоровны.

В Лондоне она открыла светский салон, в котором часто бывали самые известные британские политики и дипломаты. Беседы посетителей салона княгини Ливен (этот титул ее супруг получил при коронации нового императора Николая I в 1826 году) стали для Дарьи Христофоровны источником ценных разведывательных сведений. К тому времени княгиня уже имела немалый опыт сбора секретной информации, легко заводила новые связи и умела создавать вокруг себя атмосферу всеобщей приятности и взаимного доверия.

Среди поклонников княгини Ливен был и король Англии Георг IV. Он даже стал крестным отцом ее сына Георгия. Злые языки поговаривали о том, что новорожденный был слишком уж похож на британского монарха. Возможно, что это были не досужие сплетни. Не случайно в опочивальне короля висел портрет княгини Ливен кисти придворного живописца Томаса Лоуренса.

Два года назад княгиня овдовела. Перед этим она потеряла двух сыновей, умерших от скарлатины. После смерти мужа скончался еще один ее сын. Все эти несчастья сказались на здоровье Дарьи Христофоровны. Она перебралась из туманной и сырой Англии во Францию, где в Париже она открыла светский салон. Среди его посетителей она продолжала собирать ценную разведывательную информацию. Но, получив письмо от императора с просьбой помочь его посланцам выполнить одно деликатное поручение, княгиня незамедлительно отправилась в Лондон, чтобы задействовать свои немалые связи среди английского истеблишмента.

...Перед гостями из будущего сидела пожилая 55-летняя женщина со следами былой красоты. Но она и сейчас была полна обаяния и того, что мужчины называют шармом. После смерти сыновей и мужа княгиня предпочитала носить строгую одежду темных тонов. Дарья Христофоровна окинула своих посетителей проницательным взглядом. Она сразу поняла, что перед ней стоят не совсем обычные люди. Долгая жизнь сделала княгиню хорошим психологом. Она умела неплохо разбираться в том, на что способен тот или иной человек. Но сейчас Дарья Христофоровна находилась в растерянности – прибывшие из Петербурга люди были совсем не похожи на обычных посланцев из министерства иностранных дел.

До княгини Ливен уже доходили слухи о странных делах, происходящих в России. Непонятно откуда появившиеся люди вдруг, неожиданно для всех, стали ближайшими советниками императора Николая I. Последовала удивившая всех отставка вице-канцлера графа Нессельроде, резкое ухудшение дипломатических отношений между Англией и Россией, таинственное исчезновение нескольких, довольно влиятельных сотрудников британской разведки, работавших в Петербурге под дипломатическим прикрытием... Не с этими ли господами, стоявшими сейчас перед ней, связаны все эти события?

Старший из гостей – княгиня определила это по его возрасту и по тому, как он уверенно держался – протянул ей конверт. В нем находилось послание, подписанное императором. Ничего нового для себя Дарья Христофоровна из него не узнала – в письме была все та же просьба оказать посланникам императора максимальное содействие. А вот во

втором конверте, запечатанном их фамильной печатью, лежала записка от ее любимого брата, графа Бенкендорфа. Эту записку княгиня прочитала внимательно.

Глава III отделения без долгих предисловий сообщал сестре о том, что люди, передавшие ей эту записку – его лучшие друзья. «Дороти, – писал он, – ты должна сделать для них все, что они у тебя попросят. Это очень важно для России и для меня. Считай, что помогая им, ты помогаешь мне».

Княгиня еще раз перечитала послание брата и снова внимательно посмотрела на стоящего перед нею моложавого мужчину, который, однако, по прикидкам Дарьи Христофоровны, был как минимум ее ровесником, молодого человека и прелестную девушку.

– Господа, – наконец произнесла княгиня, обращаясь к своим гостям, – я вся во внимании. Скажите, чем я могу вам помочь? У меня в Англии осталось немало хороших знакомых, занимающих и сейчас довольно высокие посты в правительстве. Они будут рады оказать мне содействие...

– Видите ли, ваше сиятельство, – сказал старший из посетителей, – суть нашего задания довольно деликатна, и нам меньше всего хотелось бы, чтоб о нем стало известно кому-нибудь из британских официальных лиц. В общем, нам необходимо получить всю возможную информацию о местонахождении некоего Дэвида Уркварта. Нас интересует все: где он живет, сколько у него слуг, каков его распорядок дня и каковы его планы на ближайшее будущее...

– Значит, Уркварт... – задумчиво произнесла княгиня. – Господа, я должна сразу предупредить вас, что, несмотря на его конфликт с министром иностранных дел лордом Палмерстоном, у мистера Уркварта в британском высшем свете имеются могущественные покровители. Но у него есть и не менее могущественные недоброжелатели. Об этом тоже не следует забывать. Что же касается Уркварта, то это весьма опасный человек, к тому же он люто ненавидит Россию. Я уже догадалась, господа, зачем вы приехали в Лондон. Знайте, что вы очень сильно рискуете. Впрочем, не меньше, чем наши солдаты, воюющие на Кавказе против немирных горцев, подстрекаемых эмиссарами Уркварта. И я постараюсь вам помочь.

– Скажите, господа, – после недолгого молчания спросила княгиня Ливен, – вы случайно не из тех людей, которые недавно появились в Петербурге и которые успели стать очень близкими к императору? Я вижу в ваших глазах нечто незнакомое мне, что вызывает и страх, и любопытство. Поверьте мне, господа, я уже ничего в этой жизни не боюсь. После того, как я потеряла мужа и трех сыновей, – тут голос княгини

дрогнул, – я спокойно отношусь к мысли о смерти. Но вы меня пугаете. Вы – словно выходцы из другого мира. Кто вы, господа, скажите мне ради всего святого?

Подполковник Щукин с сожалением посмотрел на взволнованное лицо Дарьи Христофоровны. Ему очень хотелось рассказать ей обо всем. Но в то же время не стоило княгине знать правду об их иновременном происхождении. Во всяком случае, пока. Ведь в Святом Писании говорится, что во многом знании многие печали...

– Ваше сиятельство, – в голосе Олега прозвучало участие, – я очень огорчен тем, что не могу ответить на некоторые ваши вопросы. Поверьте, государь полностью доверяет вам, но пока – я подчеркиваю – пока, ничего я вам сказать не могу. Мы сделаем то, что нам поручено, и покинем Британию. После этого, Дарья Христофоровна, – Щукин впервые обратился к княгине Ливен по имени и отчеству, – я бы посоветовал вам отправиться в Петербург и откровенно побеседовать с вашим братом. Думаю, что к тому времени вам уже можно будет рассказать все, касаемое нас.

– Почему вам следует услышать все именно от вашего брата? – спросил Щукин, увидев разочарование и даже обиду в глазах княгини. – Да потому, что если мы вам сейчас все расскажем о себе, то вы нам просто не поверите. Но вы ведь доверяете Александру Христофоровичу? Если да, то он ответит на все ваши вопросы. Он знает о нас всё...

– Хорошо, – кивнула княгиня, – тогда позвольте спросить вас, таинственный незнакомец, как мне обращаться к вам и вашим спутникам? Надеюсь, что это не является строго охраняемой государственной тайной?

– Конечно нет, ваше сиятельство, – улыбнулся Щукин. – Мое имя – Олег Михайлович Щукин. Эта девушка – моя дочь, Надежда. А этот молодой человек – Вадим Александрович Шумилин.

– Очень приятно, господа, – улыбнулась княгиня. – Обо мне, как я поняла, вам известно многое. Похоже, даже то, о чем я уже успела забыть. Возможно, что и мое будущее не является для вас секретом. Впрочем, это, наверное, уже находится за пределами того, что мне можно узнать... А теперь, Олег Михайлович, поговорим о том деле, ради которого вы приехали в Британию. Я постараюсь вам помочь. Завтра с утра я нанесу несколько визитов своим старым лондонским друзьям. Кому именно – неважно. И я попрошу вас завтра вечером снова приехать ко мне. Надеюсь, что мне уже будет что вам рассказать. А пока, господа, хочу с вами попрощаться. Мне надо о многом подумать...

Дэвид Уркварт с самого утра был не в духе. Вроде бы особых причин для плохого настроения и не было, но на душе у него отчего-то скребли кошки. Беспокойная и полная приключений жизнь сэра Дэвида приучила его внимательно относиться к предчувствиям – только благодаря этому он сумел уцелеть в молодости, когда ему было чуть больше двадцати.

Тогда, в 1827 году, сэр Дэвид в поисках приключений решил отправиться в Грецию, чтобы сразиться с войсками Ибрагима-паши – приемного сына правителя Египта Мухаммеда Али. Головорезы Ибрагима-паши залили кровью всю Элладу. Они не щадили никого – ни мужчин, ни женщин, ни старых, ни малых. В одной из жарких схваток с египтянами он был тяжело ранен, но сумел выжить.

Сэр Дэвид стал вспоминать все произошедшее с ним вчера, стараясь понять, что именно его насторожило. Ему почему-то сразу же вспомнился вчерашний визит в его дом немного странной девицы, которая явилась из агентства по занятости. Дело в том, что сэру Дэвиду нужна была горничная – старая начала якшаться с разными подозрительными личностями, что было чревато большими неприятностями для сэра Дэвида. Деликатные дела, которыми ему приходилось заниматься, накладывали определенные требования на слуг, живущих в его доме. Хозяин должен быть уверен в том, что все, что его слугам удастся услышать или увидеть, не выйдет за пределы дома.

Но без горничной, на которой держался порядок в доме, существовать было просто невозможно. Сэр Дэвид отправил в весьма уважаемое в Лондоне агентство, занимавшееся подбором домашней прислуги, просьбу найти ему горничную – молодую, здоровую и, самое главное, без дурных привычек и подозрительных связей. И вчера из этого агентства пришла девица, желавшая наняться к сэру Дэвиду в качестве прислуги.

Несмотря на то что девица, назвавшаяся Мэри, была молода и весьма красива, что-то в ней насторожило Уркварта. Она, как и полагалось в подобных случаях, предъявила хозяину рекомендательное письмо от своего предыдущего нанимателя, виконта Нэсби, в котором тот весьма положительно отзывался о своей горничной. Сэр Дэвид лично не был знаком с виконтом Нэсби, но, по слухам, человеком он был уважаемым и честным.

Мэри говорила по-английски достаточно свободно, но то, что она – не англичанка, он понял сразу. Девица была больше похожа на итальянку или

испанку. Сэр Дэвид поинтересовался, откуда Мэри родом. Та ответила, что ее настоящее имя Марика, и родилась она в Австрии. Ее родители, венгры по национальности, в поисках лучшей жизни покинули родной Пешт, когда Мэри была еще девочкой. Они отправились в Британию, а оттуда – в Новый Свет. Мэри с теткой осталась в Лондоне. Родители обещали им, что как только они найдут работу в САСШ, то сразу же вызовут Мэри с теткой к себе. Но за те десять лет, которые прошли с момента их отплытия в Нью-Йорк, от родителей так и не поступило никаких известий. Тетка Мэри умерла два года назад, и теперь она живет совсем одна.

На первый взгляд рассказ девицы был вполне правдоподобным. Действительно, многие жители европейских стран отправлялись в Америку в поисках счастья и удачи. И многие девушки из вполне приличных семей нанимались в услужение к состоятельным людям. Шесть-восемь фунтов в год, которые платили хозяева служанкам, сумма немалая. Плюс деньги, которые хозяева давали прислуге на чай и сахар. Плюс доход от продажи костей, тряпок, шкурок кроликов и даже свечных огарков. Гости, покидая дом хозяина, по обычаю одаривали прислугу мелкими монетами. В общем, жить вполне можно. Аккуратная и бережливая горничная могла со временем скопить немалую сумму денег, на которую можно было открыть свое дело.

Но, еще раз посмотрев на стоявшую перед ним девицу, сэр Дэвид задумчиво почесал переносицу. Она была красива, очень красива. Такая девица, при желании, могла найти себе богатого покровителя и не ползать на коленях, вытирая тряпкой грязные ступеньки. Странно все это...

Тогда Уркварт сказал Мэри, что он пока не принял относительно нее какого-либо решения и попросил зайти дня через два. Когда же девица ушла, сэр Дэвид велел одному из своих помощников, Джону Мак-Грегору, чтобы он незаметно проследил за Мэри и узнал, где она живет, а заодно и расспросил про нее соседей.

Но Джон в тот день так и не вернулся домой. Куда он делся – непонятно. Сэр Дэвид знал Джона не один год и не мог поверить, что тот на обратном пути завалился в кабачок и загулял. Что-то с ним стряслось. Подождав до обеда, Уркварт велел другому своему помощнику, Эндрю Кэмпбеллу, сходить в полицейский участок и расспросить служителей порядка – не слышали ли они что-либо о пропавшем Мак-Грегоре. «Бобби» лишь разводили руками – ночью в этом районе Лондона было найдено несколько трупов, но ни один из них не был похож по описанию на пропавшего Джона...

Сэр Дэвид так и не узнал, что первая фаза операции по его похищению

прошла успешно. Княгиня фон Ливен сдержала свое слово. Во время следующей встречи она сообщила подполковнику Щукину адрес, по которому проживал в Лондоне Дэвид Уркварт. Хитро улыбаясь, Дарья Христофоровна сказала Олегу, что на днях Уркварт рассчитал свою горничную и сейчас подыскивает новую.

– Господин Щукин, – в глазах княгини Ливен заплясали чертики, – я могу попросить одного из своих знакомых написать рекомендательное письмо, на имя... – тут она снова улыбнулась и внимательно посмотрела на Надежду. – В общем, с этим письмом можно будет проникнуть в дом сэра Дэвида. Думаю, что вам очень хочется это сделать.

– Дарья Христофоровна, голубушка, – воскликнул обрадованный подполковник, – да вы просто волшебница! Теперь я понимаю, почему ваш брат так настоятельно советовал мне обращаться к вам с любой просьбой и говорил, что для вас нет ничего невозможного.

От этих слов Щукина княгиня фон Ливен даже зарумянилась. Она словно помолодела на два десятка лет. Похоже, что Дарья Христофоровна уже догадалась, что посланец из Петербурга – ее коллега по ремеслу. Потому похвалы подполковника были ей вдвойне приятны.

Получив рекомендательное письмо и подробнейший инструктаж о том, как следует себя вести, Надежда отправилась в дом Уркварта и имела счастье лично увидеть знаменитого русофоба. Сэр Дэвид, по ее словам, был «серьезным дядечкой».

– Знаешь, папа, – рассказывала она, – он говорил со мной и все время глазами на меня зыркал, словно хотел мне прямо в душу заглянуть. Я не уверена, что он мне поверил. Но мне к нему ведь больше не надо идти? Правда, папа?

Щукин кивнул головой и улыбнулся.

– Не надо, Наденька. Ты свою работу сделала, причем вполне качественно. Куда ты, говоришь, «жука» у него спрятала?

– Как ты мне, папа, велел, – сказала Надежда. – Дождалась, когда он отойдет к окну, чтобы прочитать рекомендательное письмо, и незаметно прилепила «жучок» к его письменному столу снизу. Ты ведь уже проверил – он работает?

– Проверил, Наденька, проверил. Все нормально. Теперь мы в курсе того, о чем Уркварт беседует в кабинете со своими посетителями. Сейчас, к примеру, он очень озабочен розыском своего пропавшего помощника. Ты молодец – вывела его прямо туда, где его поджидали Вадим и Никифор.

– Да, папа, – рассмеялась Надежда. – Этот мордоворот даже «мяу» сказать не успел, как оказался связанным по рукам и ногам и с кляпом во

рту.

– Крепкий оказался мужичок, – сказал Щукин. – Видимо, он сильно предан своему боссу. Если бы не «сыворотка правды», ни за что бы мы его не «раскололи». Сейчас он сидит в чуланчике под замком и льет слезы горючие.

– Папа, – заглянув в глаза отцу, немного волнуясь, спросила Надежда, – а что вы потом сделаете с этим Джоном? Ведь его же нельзя взять и отпустить...

– Знаешь, дочка, – подполковнику явно не нравилось продолжение этого разговора, – наша работа иногда бывает жестока. Мне самому порой бывает неприятно делать некоторые вещи, но их приходится делать, чтобы выполнить задачу, которую нам поставили.

– Значит, папа... – голос Надежды дрогнул.

– Да, дочка, – подполковник Щукин обнял ее за плечи. – Но давай больше не будем об этом. Нам надо подумать – как выманить сэра Дэвида, и постараться захватить его в полной целостности и сохранности. А для этого я еще раз прослушаю запись допроса его помощника. Как я понял, Уркварт собирался в самое ближайшее время отправиться на материк. Надо узнать – куда и когда он двинется в путь...

* * *

После посещения Кремля Сергей Борисович пообедал с Бенкендорфом в весьма приятном заведении, где, по мнению графа, неплохо готовили, и откланялся, сославшись на занятость.

– Александр Христофорович, – сказал он, – с вами остается Владимир Николаевич. Если вы пожелаете, завтра он может свозить вас в танковую дивизию, где вы посмотрите своими глазами на то, что могут наши военные машины. Думаю, что вам, как боевому генералу, это будет очень интересно.

– Конечно, конечно! – воскликнул Бенкендорф, – я буду рад увидеть войска России XXI века. А куда мы поедem? Это далеко от Москвы?

– Нет, не очень, – улыбнувшись так, что на его щеках появились ямочки, ответил Сергей Борисович, – вы, наверное, знаете такой городок под Москвой – Наро-Фоминск. Через него к Малоярославцу шло войско Наполеона Бонапарта.

– Я, Сергей Борисович, воевал севернее, на Тверской дороге, – вздохнул Бенкендорф, – в отряде генерала Винцингероде. Его предательски

захватили в плен французы, а Бонапарт хотел даже расстрелять, узнав, что он является уроженцем Вестфальского королевства, союзного Наполеону.

– Да, наши западные коллеги всегда требовали, чтобы мы строго выполняли все законы войны, тогда как сами их не очень-то чтили, – кивнул Сергей Борисович. – Я буду рад еще раз увидеть вас, Александр Христофорович. А пока всего вам доброго.

На следующее утро Владимир Николаевич заехал за графом в уютный пансионат, куда его накануне вечером привезли после длительной прогулки на автомобиле по Москве.

Бенкендорф был почти готов к поездке. Он умылся, оделся в несколько странную одежду потомков и сидел за столом в буфете, заканчивая завтрак. Подполковник терпеливо дождался, когда граф допьет кофе и доест бисквит.

Машина ехала по широким дорогам, забитым транспортом. Александр Христофорович с интересом смотрел по сторонам, время от времени задавая вопросы своему сопровождающему.

– Да, – наконец, задумчиво сказал он, – все у вас происходит бегом, словно вы за кем-то гонитесь или от кого-то убегаете. Потому-то и жизнь ваша какая-то суетливая. Во всяком случае, для меня, человека XIX века, она выглядит именно таковой. У нас же все происходит неспешно, размеренно.

– В каждом времени есть своя прелесть, – философски заметил Владимир Николаевич. – Иногда и мы устаем от всех этих гонок. Нам порой хочется сесть на камушек на обочине дороги и подумать-помечтать о вечном, о смысле жизни.

А за окнами автомобиля мелькали деревья, дорожные знаки и встречные автомобили. Серая лента шоссе стелилась под колеса их машины.

– Коля, поставь что-нибудь наше, чтобы не было скучно, – сказал подполковник водителю.

Тот кивнул и нажал на кнопку DVD-плеера. Граф Бенкендорф вздрогнул, когда в салоне автомобиля неизвестно откуда раздался хрипловатый мужской голос:

На войне, как на войне:
Патроны, водка, махорка в цене,
А на войне нелегкий труд,
А сам стреляй, а то убьют...

Песня эта не была похожа ни на одну из солдатских песен, которые доводилось слышать генералу за годы его службы в армии. Но это была, несомненно, солдатская песня, в которой рассказывалось о войне, о том, что смерть и жизнь, радость и горе там ходят рядышком. А неизвестный певец рублеными и грубыми фразами пел о неведомом графу комбате, который «сердце не прятал за спины солдат».

Когда же закончилась эта песня, то почти сразу зазвучала следующая, которую, как понял Александр Христофорович, пел все тот же певец:

Давай за жизнь, давай, брат, до конца,
Давай за тех, кто с нами был тогда.
Давай за жизнь, будь проклята война,
Помянем тех, кто с нами был тогда.

– Скажите, Владимир Николаевич, – а вам лично много довелось повоевать? – спросил Бенкендорф, когда закончилась эта песня и отзвучал последний аккорд. Подполковник Гаврилов задумался. Лицо его неожиданно стало жестким и серьезным. Только сейчас граф заметил в его русых волосах седые пряди.

– Знаете, Александр Христофорович, – сказал он, – воевать довелось не так уж много, но даже за это время крови и смерти повидал столько, что хватило на всю жизнь. Скажу вам честно, было страшно, и врет тот, кто рассказывает о том, что в бою он ничего и никого не боялся. Но нужно было заставлять себя побеждать страх и делать то, что следовало делать. И мы делали это.

– Я полностью с вами согласен, – кивнул Бенкендорф, – мне пришлось побывать во многих сражениях, но свой первый бой, в 1803 году, когда мне было всего двадцать лет, и я сражался в Грузии с лезгинами под знаменами князя Цицианова, я запомнил на всю жизнь. И скажу честно, мне было страшно, очень страшно. Но я больше боялся показать свой страх, чем кинжалов лезгин.

Так, с песнями и разговорами они незаметно добрались до деревни Головеньки, где располагался учебный полигон танковой дивизии. Местное начальство, предупрежденное об их визите из Москвы, встретило гостей на КПП и без особых формальностей допустило на полигон, где проводили учение мотострелки и танкисты.

Бенкендорф увидел там рычащих и плюющих сизым дымом разъяренных железных монстров, которые у потомков назывались

«танками» и «боевыми машинами пехоты». Несмотря на свои размеры, они ловко и грациозно двигались по полигону, поднимая тучи пыли. При этом они на ходу стреляли из пушек и пулеметов, разнося в щепки мишени.

– Владимир Николаевич, даже одна такая машина стоит батальона нашей пехоты, а то и целого полка, – в восхищении шепнул он на ухо Гаврилову, – имея несколько танков и БМП, наша армия была бы непобедима!

– Александр Христофорович, – так же шепотом ответил ему подполковник, – у русской армии императора Николая Павловича будут подобные машины. Но прежде всего надо будет подготовить людей, которые могли бы ими управлять. Без них они не более чем груда железа. Но об этом разговор будет чуть позже. А пока пройдемте на стрельбище. В тире вы познакомитесь с нашим оружием, которым вооружена пехота, или, как у вас говорят, инфантерия.

Зрелище учебных стрельб пулеметчиков и гранатометчиков привели Бенкендорфа в изумление, ну а стрельба снайперов вызвала у него восторг.

Тем временем, с разрешения руководителя учебных стрельб, подполковнику Гаврилову позволили пострелять из СВД. По тому, как он по-хозяйски взял в свои руки винтовку и умело занял позицию, стало ясно, что этот человек имеет отношение к славному сословию снайперов. Ну, а после того, как подполковник быстро и точно поразил все мишени, в этом уже никто не сомневался.

– Где довелось пострелять? – спросил у него руководитель стрельб, средних лет майор с «Кавказским крестом» на кителе, принимая у него СВД.

– Двухтысячный, январь, Чечня, Грозный, – лаконично ответил Гаврилов, – потом февраль, Шатой.

– Могли встретиться, – так же лаконично сказал майор, – а может, и встречались.

– Все может быть, – усмехнулся подполковник. – Земля – шарик маленький.

Смеркалось. Учения на полигоне заканчивались. Попрощавшись с командованием, Гаврилов и Бенкендорф сели в автомашину и отправились в обратный путь. Граф был полон впечатлений. Всю дорогу он расспрашивал у подполковника о боевой технике XXI века, о способах ведения боевых действий в их времени и о войнах, которые пронесли над Россией.

Когда же автомобиль въехал в черту города, Александр Христофорович, уставший от непривычного для него путешествия,

замолчал, а потом попросил у Гаврилова:

– Не могли бы вы мне дать снова послушать того певца, который пел о войне?

* * *

Вот уже почти две недели прошло с того момента, как пароходо-фрегат «Богатырь» вместе с экспедицией «охотников на Уркварта» отправился из Кронштадта в Англию. Оставшиеся в Петербурге Шумилин и Сергеев-старший внешне никак не выказывали свое волнение и озабоченность. Но в душе они сильно переживали за своих сыновей и друзей, зная, какому риску они подвергаются. А тут еще эта история с Адини. Бедная девушка не смогла сдержать свои чувства к Коле Сергееву и призналась во всем отцу.

Но, к удивлению пришельцев из будущего, никакого скандала из-за этого не случилось. Похоже, что суровое сердце императора было тронато мольбами и слезами любимой дочери. Однако это совсем не означало, что по возвращению возлюбленного Адини из Британии, императору и пришельцам снова не придется ломать голову над тем – что будет с Ромео из будущего и Джульеттой из прошлого.

Шумилин старался поменьше попадаться на глаза императору и занимался обычными хозяйственными делами – обустроивал свое новое жилище на Кирочной улице. Надо было подобрать для дома мебель, перевезти туда часть имущества и организовать систему охраны, дабы никто из излишне любопытных личностей не совал свой нос туда, куда не следует. Пока же Александр жил в Аничковом дворце, в покоях, отведенных ему императором. А Виктор Сергеев большую часть времени проводил в своем имении, налаживая в нем хозяйство.

В один из августовских дней, когда с низкого свинцового неба на землю капал нудный питерский дождь, Шумилин валялся на диване в халате и домашних туфлях с книжкой в руках. Делать ему ничего не хотелось, к тому же голова ужасно болела, просто раскалывалась. Сие предсказывало скорую перемену погоды.

И вот, когда он находился в раздумьях – проглотить таблетку от головной боли или чуток подождать, в дверь его комнаты кто-то вежливо постучал. Это пришел лакей князя Одоевского с запиской, адресованной Александру. Прочитав ее, он встал с дивана, принял таблетку пентальгина и стал переодеваться.

В своей записке князь сообщал ему, что у него в гостях находится очень интересный человек, и если Александру Павловичу будет угодно, то он познакомит его с этим гостем.

Заинтригованный Шумилин вместе с терпеливо ожидавшим его лакеем отправился на Фонтанку, не обращая внимания на дождь, благо от Аничкова дворца до дома Одоевского было рукой подать. В прихожей он отдал мокрый зонтик и цилиндр горничной, и с ходу попал в могучие объятия князя.

– Дорогой Александр Павлович, – воскликнул Одоевский, – я так рад вас видеть! Если бы вы знали, как возликовало мое сердце, услышав ваш голос! Прошу вас, проходите быстрее в гостиную! Княгиня и мой гость ждут вас с огромным нетерпением.

Шагнув в гостиную, Шумилин замер от изумления. Рядом с улыбающейся княгиней Ольгой Степановной на стуле сидел худощавый военный в чине поручика, который мило беседовал по-французски с хозяйкой дома. Александр сразу же узнал того, кто был гостем князя – это же Михаил Юрьевич Лермонтов, собственной персоной, на тот момент – поручик Тенгинского пехотного полка!

Одоевский представил его Лермонтову как друга их семьи. Князь присовокупил, что Александр Павлович долгое время жил вне пределов России, поэтому он еще не до конца освоился в Петербурге и плохо знает здешние нравы и обычаи. Из этих слов Шумилин понял, что они еще не успели рассказать поэту о том, что он человек из XXI века.

Насколько было известно Шумилину, поручик Лермонтов находился на Кавказе в отряде, действовавшим против немирных горцев до января 1841 года. Потом его бабушка, Елизавета Алексеевна Арсентьева, урожденная Столыпина, имевшая в столице влиятельных родственников и знакомых, выхлопотала для внука разрешение приехать в Петербург.

И тут Шумилин вспомнил, что где-то недели три назад, в разговоре с императором он посетовал на то, что после трагической смерти Пушкина в России остался один-единственный поэт, равный ему по своему таланту. Правда, он сейчас сражается с чеченцами в отряде генерала Галафеева. Николай нахмурился, хотел было что-то ответить Александру, но промолчал. Больше ни Шумилин, ни Николай этого вопроса не касались.

Похоже, что слова, сказанные императору его гостем из будущего, запали в душу монарха, и он отправил с фельдъегерем приказ вызвать поручика Лермонтова в Петербург. Шумилин знал о том, что Лермонтов был дружен с четой Одоевских, и его появление в квартире дома на Фонтанке было вполне закономерно.

– Господин Шумилин, – с любопытством спросил Лермонтов, – скажите, не мог ли я вас раньше видеть? Ваше лицо кажется мне знакомым... Вы не воевали на Кавказе? ...Нет? – Лермонтов огорченно покачал головой. – Вы знаете, у меня часто так бывает – вижу человека впервые, а мне кажется, что я с ним уже где-то встречался.

– Нет, Михаил Юрьевич, – улыбнулся Шумилин, – мы с вами вряд ли встречались. И на Кавказе я не воевал, хотя бывать там и доводилось. А вот мой друг, отставной майор Виктор Иванович Сергеев, приехавший в Петербург вместе со мной, так он повоевал в Чечне, и был даже там ранен. Думаю, что вам было бы интересно с ним поговорить.

– Пожалуй, – согласился Лермонтов. – А вы, князь, – обратился он к хозяину дома, – знакомы с майором Сергеевым?

– Знаком, – коротко ответил Одоевский. – Виктор Иванович тоже наш большой друг, и мы с княгиней многим ему обязаны. Думаю, что и вы подружитесь с ним. Я хочу просить вас, мой друг, почитать нам ваши новые стихи.

– Если я не ошибаюсь, – вступил в разговор Шумилин, – вы, Михаил Юрьевич, принимали участие 11 июля сего года в сражении с чеченцами на реке Валерик – это неподалеку от крепости Грозная. Сразу после этого сражения вы написали замечательные стихотворение. Постойте, я вспомню, как оно начинается...

И Шумилин, закрыв глаза, начал читать вслух:

Я к вам пишу случайно; право
Не знаю, как и для чего.
Я потерял уж это право.
И что скажу вам? – Ничего!

Услышав первые строки своего еще не опубликованного нигде стихотворения, Лермонтов вздрогнул. Он с изумлением смотрел то на Шумилина, то на Одоевского, то на Ольгу Степановну. Потом поэт пришел в себя и, резко вскочив с места, неприятным скрипучим голосом спросил у своего нового знакомого:

– Господин Шумилин, соблаговолите объяснить мне – что сие значит! Откуда вам известно мое стихотворение, которое я написал совсем недавно и никому еще не читал?!

– Успокойтесь, Михаил Юрьевич, – примирительно сказал Одоевский. – Поверьте мне – я сам был не менее вас удивлен, когда первый

раз встретился с Александром Павловичем. И на то есть причины...

– Я не понимаю вас, князь, – раздраженно произнес поэт, – я знаю вас, как человека порядочного, и полагаю, что вы не намерены шутить надо мной, словно над каким-то безусым юнкером.

– Михаил Юрьевич, – снова вступил в разговор Шумилин, – вы помните легенду о вашем знаменитом шотландском предке, Томасе Рифмаче? По преданию, он семь лет прожил в волшебной стране эльфов и, вернувшись оттуда, стал пророчествовать, предсказывая людям их будущее. И все его предсказания удивительным образом исполнялись.

Слушая Шумилина, Лермонтов машинально кивал головой, а после последних сказанных им слов побледнел, словно лист бумаги.

– Так вы из страны эльфов, – изумленно воскликнул он. – И вы, князь, – укоризненно обратился он к Одоевскому, – тоже побывали в той волшебной стране? Почему же вы мне об этом ничего не сказали?

– Видите ли, Михаил Юрьевич, – сказал Шумилин, решив выручить Одоевского, – князь был связан честным словом, которое он нам дал. Без нашего согласия он не имел права кому-либо рассказывать об увиденном там. А насчет страны эльфов? Нет, мы пришли в ваш мир не из этой мифической страны, а из будущего. Потому-то я знаю стихи, которые вы только что написали, а так же и те, которые вы еще напишете.

– И из какого года вы прибыли к нам, господин Шумилин? – Лермонтов верил и не верил в то, что говорил ему этот удивительный человек.

– Мы из третьего тысячелетия, из 2015 года, – ответил Александр. – Я с моими друзьями отправился в ваш девятнадцатый век, чтобы предостеречь вас, наших предков, от совершения тех роковых ошибок, которые стоили многим из вас жизни.

И Шумилин выразительно посмотрел на Лермонтова. Тот, видимо поняв, о чем идет речь, снова побледнел и промолвил хриплым от волнения голосом:

– Вы даже знаете – как и когда я умру?

– Знаю, – коротко ответил Александр, – и хочу, чтобы вы так рано не ушли из жизни...

* * *

Малобабытный «жучок» в кабинете мистера Уркварта, установленный Надеждой во время ее визита к «лохнесскому чудовищу» –

такое прозвище дал неугомонному шотландцу Шукин, – работал превосходно.

Подполковник и Вадим Шумилин по очереди прослушивали разговоры Уркварта с посетителями кабинета и были в курсе всех его текущих дел. А их у него было немало. К нему приходили как коренные жители Британии, так и иностранцы, волею судеб оказавшиеся на берегах Туманного Альбиона.

Посетил мистера Уркварта и бывший министр иностранных дел Российской империи в годы царствования царя Александра Благословенного князь Адам Ежи Чарторыйский. Этот матерый русофоб после польского мятежа 1831 года, во время которого он был председателем Национального правительства Польши, при приближении русских войск к Варшаве бежал в Париж. Всю свою нерастраченную ненависть к России и русским князь использовал для подстрекательства европейских держав и Турции против страны, в которой он был когда-то обласкан и допущен до руководства ее внешней политикой.

Шотландец и поляк давно уже сотрудничали в темных делишках, направленных против России. Они формировали отряды польских наемников, отправляемых через Турцию на Кавказ для того, чтобы сражаться там с русскими. Британия давала деньги, причем деньги немалые, а польская эмиграция – рядовых участников мятежа, которые воевали вместе с немирными горцами и клали свои головы за чужие Польше интересы. При этом часть английских гиней прилипала к рукам польских магнатов.

Вот и сейчас князь Чарторыйский прибыл из Парижа в Лондон для того, чтобы получить из рук мистера Уркварта очередную субсидию. Шукину было противно слушать, как высокородный вельможа из рода Гедиминовичей, словно барыга на базаре, торговался с британцем за сумму, которую он хотел получить за головы тех простаков, считавших, что в горах Кавказа они сражаются за возрождение Речи Посполитой «от можа до можа». В конце концов, сэр Дэвид и князь Чарторыйский сторговались, и вскоре еще десяток-другой горячих польских парней должны будут отправиться на Кавказ, где их вскоре убьют, причем не только русские солдаты и казаки, но и, как это часто бывало, сами горцы, которые в душе презирали предателей.

В разговорах мистера Уркварта с его визитерами была озвучена одна важная информация. Оказывается, весьма обеспокоенный появлением в своем доме подозрительной «венгерки» – кандидатки на должность служанки, – а также странным исчезновением своего помощника Джона

Мак-Грегора, следы которого, несмотря на все старания лондонских полицейских, так и не были обнаружены, Дэвид Уркварт решил на какое-то время отправиться на континент, чтобы сбить с толку своих недоброжелателей и противников. Ну и заодно побеседовать кое с кем из международных авантюристов, кормившихся из рук британцев.

И еще – через своих осведомителей мистер Уркварт узнал о том, что в окружении княгини фон Ливен появились таинственные русские, после чего та стала активно объезжать своих знакомых из числа лондонского истеблишмента и вести с ними какие-то долгие разговоры. Узнав об этом, Уркварт приказал своим людям начать слежку за домом княгини фон Ливен и установить личность подозрительных незнакомцев, чье появление, скорее всего, и послужило причиной всех дальнейших пренеприятных для него событий. Опытный разведчик чувствовал, что визит странной дамы, исчезновение своего верного слуги и неожиданная активность внезапно объявившейся в Лондоне русской княгини – это звенья одной цепи.

«А вот это уже опасно, – подумал Щукин, услышав во время прослушки о мерах, принятых Урквартом. – Необходимо немедленно связаться с Джейкобом Уайтом и переслать записочку княгине – предупредить об установленной за ее домом слежке, а также о том, что ни он, ни его спутники больше не смогут с ней видаться лично. Сам же мистер Уайт должен приложить все усилия, чтобы выяснить – начал ли Уркварт готовиться к поездке на континент, и если да, то когда и через какой именно порт на побережье Британии он туда отправится.

Мистер Уайт блестяще справился с заданием. Ему удалось выяснить все подробности предстоящего европейского вояжа шотландского искателя приключений. Уркварт собирался покинуть Лондон через три дня, поздним вечером, тайно, с минимальным количеством слуг. Он намеревался на карете отправиться в Дувр, где его будет ждать заранее зафрахтованный быстроходный двухмачтовый люггер. На нем Уркварт намеревался переправиться в бельгийский порт Остенде, который и станет отправной точкой его предстоящего турне по Европе.

Щукин понял, что в море шотландца ловить было бесполезно – легкий люггер под всеми парусами при попутном ветре легко мог уйти от парохода-фрегата. К тому же захватывать в Па-де-Кале гражданское судно с пальбой и последующим абордажем было несколько экстравагантно. Все же на дворе просвещенный XIX век, а не времена лихих пиратов, вроде Дрейка и Моргана.

Оставался вариант с захватом мистера Уркварта во время его следования из Лондона в Дувр. В общем, что-то вроде «нападения на

почтовую карету» в стиле Дикого Запада. Конечно, без мустангов, конвоев, погони и пальбы из кольтов от бедра.

Из полученной информации Олег знал, что вместе с Урквартом в карете будут находиться еще четверо – кучер, камердинер и двое слуг. Все они, включая и самого Уркварта, хорошо вооружены, храбры и полны решимости. В случае чего они смогут постоять за себя. Положение осложняется еще и тем, что самого мистера Уркварта желательно было взять живым и невредимым.

Но сам захват – это еще полдела. Надо это сделать так, чтобы британские приятели сэра Дэвида как можно дольше не узнали о его похищении.

Мозговой штурм, проведенный этим же вечером, дал положительный результат. Общими усилиями был разработан план, который имел шанс на успех. Но, чтобы его осуществить, придется снова обратиться к вездесущему мистеру Уайту. Щукину, который хорошо разбирался в людях, все больше и больше нравился этот никогда не унывающий пройдоха. Лучшего помощника для дела, которое они задумали, трудно было найти. К тому же он старался не совать свой нос туда, куда не следовало, что для тайного агента было большим достоинством.

Так что Олег отправил мистеру Уайту записку с просьбой срочно зайти к нему.

* * *

Вот и настало время отправляться домой. Граф Бенкендорф, вернувшись из Москвы в санаторий, еще несколько дней находился под наблюдением врачей, принимал лекарства, испытывая расслабленность и легкость после массажа, а ночью, избавившись от постоянно мучившей его бессонницы и головной боли, спал так же крепко, как когда-то в далекой молодости.

На консилиуме врачи признали, что пациент пошел на поправку, и если он будет придерживаться здорового образа жизни и принимать выписанные ему лекарства, то он проживет еще много лет. Услышав это, Александр Христофорович усмехнулся – не волноваться, не перетруждать себя и больше отдыхать – это, конечно, хорошо, только как это все осуществить на практике? Нет, граф знал, что он может в любой момент подать в отставку и уехать в свое уютное имение Фаль в Эстляндской губернии. Но только как долго он проживет в неге и в бездельи? От такого

«щадающего» режима он протянет ноги еще быстрее. Нет, ежедневная работа – вот лучший способ прожить подольше.

К тому же граф переживал – как там без него идут дела в Петербурге. Он не сомневался в том, что майор Соколов прекрасно справится со всеми порученными ему обязанностями. Но все же на душе у него было немного неспокойно. Как все старые служаки, он считал, что кроме него никто лучше не сделает именно то, что пожелает государь.

Ну, и самое главное – сегодня ему передали послание от первого лица государства к императору Николаю I. Что было написано в этом послании, граф, естественно, не знал. Но исходя из того, как его принимали здесь и с кем ему удалось побеседовать, Бенкендорф уже мог сделать определенные выводы об отношении здешних властей предержащих из будущего к современникам. И оно было достаточно благожелательным.

Вместе с посланием Александру Христофоровичу передали прибор, именуемый здесь ноутбуком. Подполковник Гаврилов, который привез письмо и ноутбук, показал графу, как пользоваться этим прибором, и снабдил Бенкендорфа инструкцией, в которой подробно и вполне доступно разъяснялось – что делать и как поступать в том или ином случае.

– Александр Христофорович, – сказал подполковник, – в этом приборе содержится огромная информация об истории России, развитии науки и техники, а также об истории военного дела. Если что будет непонятно – не стесняйтесь обращаться с вопросами к Александру Павловичу Шумилину и Виктору Ивановичу Сергееву. Они помогут вам разобраться с ноутбуком и ответят вам на все возникающие вопросы.

– Большое спасибо, Владимир Николаевич, – искренне поблагодарил подполковника граф, – сведения, которые хранятся в этом приборе, будут нам весьма полезными. А что касается господина Шумилина и господина Сергеева, то я и государь относимся к ним с большим уважением и ценим их советы.

...Александр Христофорович от нетерпения переминался с ноги на ногу, ожидая, когда в ангаре откроется портал. Изумрудная точка вскоре превратилась в кольцо, и на так хорошо знакомой полянке граф увидел императора, майора Соколова и Александра Шумилина.

Бенкендорф шагнул им навстречу, помахав на прощание рукой Антону, сидевшему за пультом управления машиной времени, и подполковнику Гаврилову, который пришел проводить гостя из прошлого. Потом кольцо снова сжалось в яркую точку. Через минуту она исчезла.

– Мой дорогой друг, – воскликнул император, горячо обняв Бенкендорфа, – если бы ты знал, как я рад тебя видеть! По твоему лицу я

вижу, что пребывание у наших друзей в будущем пошло тебе на пользу.

– Ваше величество, – растроганно произнес граф, – я благодарен вам за все, что вы сделали для меня. Я действительно чувствую себя гораздо лучше и готов хоть сию минуту приступить к исполнению своих обязанностей. Надеюсь, что за мое отсутствие не произошло ничего страшного?

– Успокойся, друг мой, – сказал император, – майор Соколов прекрасно управился со всеми твоими делами. Только давай поговорим об этом позднее, а сейчас все вместе поедem в Аничков дворец и там поговорим о обо всем за обедом. Я полагаю, что ты успел соскучиться по нашей еде?

– Ваше величество, – улыбнулся Бенкендорф, – кормили меня в санатории многими яствами, о которых я раньше и не слышал. Но я скучал по вашему обществу, к которому привык за годы, проведенные рядом с вами.

Встречающие и граф уселись в кареты и отправились в Аничков дворец. По дороге Бенкендорф кратко рассказал императору о своем пребывании в будущем и показал фотографии, которые были сделаны в Москве, в санатории и в танковой части. На Николая произвел большое впечатление снимок, на котором граф был снят рядом с огромным танком.

– Александр Павлович, – обратился он к Шумилину, – что вы скажете об этом? Сия боевая машина, как я понял, сделана из металла, который не пробивается ни пулями, ни ядрами. Она неуязвима и может двигаться по самой скверной дороге. Я ничего не перепутал?

– Нет, ваше величество, – ответил Шумилин, – броня этого танка выдержит попадание пушечного ядра. А вот пушка танка может стрелять на расстояния, недоступные ни одному из ныне существующих орудий. А пулеметы его выкосят вражескую пехоту, словно траву косой. Двигаться он может не только по любой дороге, но и вообще там, где дорог нет и в помине. Мало того, он может переправляться через водные преграды по дну рек.

– Какое страшное оружие, – покачал головой император, – неужели вы используете его в ваших войнах? Ведь после них на поле боя не останется ничего живого.

– Абсолютное оружие, ваше величество, не существует, – сказал Шумилин, – например, эту страшную машину смерти может подбить обычный пехотинец, если он, конечно, располагает соответствующим оружием. А насчет наших войн... Да, они порой у нас случаются. Люди воюют в небе, на земле и на море. Только опасность полного взаимного

истребления не позволяет противникам применять так называемое «оружие массового поражения». С его помощью можно стирать с лица целые города, превращая их в выжженные адским пламенем пустыни.

– Но зачем же тогда вообще нужно воевать?! – удивленно воскликнул император. – Только ради того, чтобы захватить безлюдную обугленную пустыню? Кому она нужна такая – ведь на ней ни хлеб не вырастишь, ни скотину пасти не сможешь.

– Помимо всего прочего, – сказал Шумилин, – земля вокруг разрушенных городов будет заражена. Все живое еще долгие годы не сможет жить в тех местах. А вообще, если все страны, имеющие это оружие, применят его одновременно, то на Земле вообще не останется ничего живого. Это будет Апокалипсис, такой, каким его описывал апостол Иоанн.

Император и Бенкендорф, услышав слова Шумилина, непроизвольно перекрестились.

– И как вы живете в своем мире! – воскликнул Николай. – Ведь это так страшно – знать, что в любой момент мир может провалиться в тартарары. Неужели правители ваших стран не пробовали договориться и уничтожить это страшное оружие. Если не будет жизни на Земле, то, следовательно, не будет ни победителей, ни побежденных.

– Эх, ваше величество, – Шумилин криво усмехнулся, – попытки договориться были. Но всегда у кого-то может возникнуть желание нанести первый удар, рассчитывая, что противник будет разгромлен и не успеет применить свое оружие.

– Надеюсь, что Россия и в вашем времени не даст себя в обиду, – сказал император. – Наполеон, вон, тоже подмял под себя всю Европу и даже захватил Москву. А потом наша армия вошла в Париж, а Наполеон умер в ссылке на острове Святой Елены.

– Мы тоже на это надеемся, ваше величество, – ответил Шумилин. – Но, как говорится, на Бога надейся, а сам не плошай. Наша армия готовится ко всему. Полагаю, что и армии вашего величества тоже следует готовиться к грядущей войне. Ибо делать это после начала боевых действий – слишком дорогое удовольствие.

Николай на мгновение задумался. Потом он внимательно посмотрел на Шумилина:

– Надеюсь, что вы и ваши правители нам в этом помогут? То, что в вашей истории называлось Крымской войной, не должно быть в нашей истории. Россия не должна пройти через страдания и унижения...

В тот вечер Шумилин допоздна засиделся у Одоевского, беседуя с Лермонтовым. Михаил Юрьевич жадно расспрашивал его о будущем. Известие о своей ранней смерти на дуэли он встретил достаточно спокойно. Больше всего его удивило то, что застрелить его должен был Николай Мартынов, однокашник и друг по юнкерской школе.

– Помилуй Бог, – воскликнул он, – меня убьет Николя?! Быть того не может! Ведь мы с ним были всегда дружны и не далее как месяц назад вместе участвовали в экспедиции в Чечню, предпринятой отрядом генерала Галафеева. Ротмистр всегда был храбрым воином. Непонятно, что же такое могло случиться?

– Михаил Юрьевич, – вздохнул Шумилин, – ссора между вами произошла из-за пустяка, но она, к большому сожалению, закончилась в нашей истории вашей смертью. Надеюсь, что в этой реальности все будет по-другому.

Лермонтов все никак не мог привыкнуть к тому, что перед ним сидит человек из будущего. Шумилин заметил, что поэт тайком даже потрогал его за рукав, словно желая убедиться, что перед ним сидит живой человек, а не бестелесный фантом.

Желая немного снять напряжение, Одоевский принес бутылку «Советского шампанского», которую он купил в Петербурге XXI века. Как ни странно, но именно эта бутылка, а также ее содержимое, окончательно убедили Лермонтова в том, что все происходящее – не розыгрыш, а чистая правда. Поэт внимательно прочитал, что было написано на этикетке, спотыкаясь на не вполне привычной орфографии, обнаружил на ней год выпуска и покачал головой. Удивила его и пластиковая пробка. Попробовав же игристое полусладкое, он заметил, что по вкусу вино не похоже на «Вдову Клико», но тоже весьма приятное на вкус.

Универсальный «антистрессовый» алкогольный напиток сделал свое дело – Лермонтов оживился, стал расспрашивать Шумилина о житие-бытие в России и о том, помнят ли потомки его произведения. Узнав, что поэзию и прозу Лермонтова в России будущего изучают в школах, Михаил Юрьевич лишь развел руками.

– Уважаемый Александр Павлович, я польщен тем, что сумел оставить свой след в русской литературе. А что у вас сейчас читают и пишут?

– Михаил Юрьевич, – сказал Шумилин, – у нас написано немало замечательных стихов, поэм и прозы. Я чуть позже дам вам почитать кое-

что. Например, как вам нравится вот это.

И он начал читать:

Не жалею, не зову, не плачу,
Все пройдет, как с белых яблонь дым.
Увяданья золотом охваченный,
Я не буду больше молодым.

Ты теперь не так уж будешь биться,
Сердце, тронутое холодком.
И страна березового ситца
Не заманит шляться босиком.

Дух бродяжий, ты все реже, реже
Расшевеливаешь пламень уст.
О, моя утраченная свежесть,
Буйство глаз и половодье чувств.

Я теперь скупее стал в желаньях,
Жизнь моя? иль ты приснилась мне?
Словно я весенней гулкой ранью
Проскакал на розовом коне.

Все мы, все мы в этом мире тленны,
Тихо льется с кленов листьев медь...
Будь же ты вовек благословенно,
Что пришло процвести и умереть...

– Это замечательно, нет, это просто восхитительно! – в волнении Лермонтов вскочил с кресла и стал бегать по комнате. – Скажите, ради всего святого, Александр Павлович – кто написал это стихотворение?! Оно непривычно, звучит как-то по-народному, но это гениально!

– Михаил Юрьевич, – ответил Шумилин, – это написал поэт, живший в XIX веке, вышедший из глубины народа. Крестьянин Рязанской губернии, наделенный природой великим даром поэтического слога, он сочинил множество стихов, прожил короткую, но бурную жизнь и трагически ушел из жизни. Я дам вам томик его стихотворений.

– Очень буду вам признателен, – Лермонтов сердечно поблагодарил

Шумилина. – Скажите, а я смогу побывать в вашем времени?

– Думаю, что да, но хотелось бы поговорить с вами, Михаил Юрьевич, о более прозаических вещах, – сказал Александр. – И это касается не вашей поэзии, а вашей нынешней службы. Как я слышал, вы подумываете о выходе в отставку. Но в то же время вам нравится служба на Кавказе – во всяком случае, о вас положительно отзываются ваши командиры, характеризуя как храброго и дерзкого воина.

– Не знаю, что вам и сказать, Александр Павлович, – задумчиво проговорил Лермонтов. – Не скрою, что военная служба мне в тягость, тем более что несправедливое ко мне отношение высшего командования оскорбляет меня, как человека и офицера. Но я готов служить Родине и почту за честь умереть за нее...

– Умирать должны наши враги, а мы – оставаться живы, – назидательно ответил Шумилин. – А теперь я хочу задать вам один вопрос – вы знакомы с Руфином Дороховым?

– Кто же не знает на Кавказе этого сорвиголову, – усмехнулся Лермонтов. – Забияка, бретер, картежник, но в то же время храбрейший из храбрых, в бою всегда находится впереди всех. А к чему вы меня спросили о нем, Александр Павлович?

– Если вы знакомы с ним, Михаил Юрьевич, то, наверное, вы слышали и о команде охотников Руфина Дорохова? Это конная сотня отборных головорезов, состоящая из казаков и черкесов. Все они волонтеры, то есть рискуют жизнь добровольно. Они сражаются не как регулярные части, а скорее, как партизаны, действуя в тылу противника.

– Да, мне приходилось слышать о молодцах Дорохова, – кивнул Лермонтов. – Только при чем тут я?

– Дело в том, Михаил Юрьевич, – Шумилин, хитро прищурившись, посмотрел на поэта, – в нашей истории Дорохов вскоре будет ранен, и командиром его охотников назначат вас. Да-да, именно вас. Вы сумеете найти общий язык с его «партизанами» и неплохо повоюете, совершая с ними дерзкие рейды в тылу неприятеля.

– Вот как?! – Лермонтов был весьма удивлен этим известием. – Вы полагаете, что и в этот раз все будет именно так.

– Думаю, что да, – ответил Шумилин. – Только у меня к вам одно интересное предложение. Дело в том, что и в наших войсках существуют части, подобные охотникам Дорохова. Называются они спецназом – подразделениями специального назначения. Я хочу, чтобы вы познакомились с этими бойцами и кое-что из их опыта применили в войне против немирных горцев. Войну на Кавказе нужно заканчивать, причем как

можно быстрее – она слишком дорого обходится России.

– Заманчивое предложение, – задумчиво произнес Лермонтов. – Мне очень хотелось бы поближе познакомиться с вашим, как вы говорите, спецназом. Но я полагаю, что для этого мне необходимо попасть в ваш мир. А вы, Александр Павлович, самый настоящий змей-искуситель. Чувствую, что в душе я уже согласился с вашим предложением. Когда я смогу отправиться в XXI век?

Это была славная охота!

– Hell and damnation! (Ад и проклятия!) – Мистер Уркварт, похоже, снова разошелся не на шутку. Действительно, обидно, когда тебя, такого умного, опытного и всемогущего, хватают и вяжут, как последнего пацана. И где это все происходит? – в Соединенном Королевстве, там, где истинный джентльмен должен чувствовать себя в полной безопасности...

Мистера Уркварта отловили довольно просто и без особых затей. На военном совете подполковник Щукин, Вадим Шумилин, Надежда Щукина и Никифор Волков долго судили и рядили – как им поймать зловредного шотландца, не повредив его телесно. В конце концов, Уркварта решено было брать на последнем этапе его следования в Дувр. Во-первых, к концу рискованного предприятия человек обычно расслабляется, становится менее осторожным, и в таком состоянии его легче застать врасплох. Во-вторых, если в Дувре встречающие мистера Уркварта люди и не дождутся его появления в условное время в условленном месте, то они не сразу поднимут тревогу, решив, что их подопечный просто-напросто немного задержался в пути. И тогда у «группы захвата» появится еще часа три-четыре форы. А это немало.

Олег по радиации связался с Николаем Сергеевым и попросил передать командиру пароходо-фрегата «Богатырь» капитан-лейтенанту фон Глазенапу, чтобы тот срочно заканчивал все дела в Портсмуте и выходил в море. Там, в районе Дувра, «Богатырь» должен стать на якорь. Николай Сергеев, Игорь Пирогов и Николай фон Краббе на надувной резиновой лодке с подвесным мотором ночью, используя ПНВ, выдвинутся к условленной точке на побережье неподалеку от Дувра, где встретятся с группой Щукина и захваченным Урквартом. Потом все вернутся на «Богатырь» и отправятся на нем в Россию.

Правда, для захвата Уркварта снова понадобилась помощь мастера на все руки – Джейкоба Уайта. Необходимо было одолжить на время хорошую карету, запряженную четверкой лошадей. Кроме того, требовались помощники – кучер и грум, которые не задавали бы лишних вопросов, вели бы хладнокровно в случае опасности и держали бы язык за зубами. Все остальное имелось в багаже «охотников за скальпами».

Прибывшему по просьбе Щукина мистеру Уайту объяснили, что от него требуется. Тот подумал немного, лукаво улыбнулся и сказал Олегу, что все будет в порядке. Вечером следующего дня он пришел весьма

довольный и, потирая руки, сообщил, что все требуемое он нашел.

Наклонившись над расстеленной на столе картой южной части Британии, мистер Уайт начал обстоятельно докладывать.

– Вот видите, – сказал он, водя карандашом по карте, – здесь проходит дорога на Дувр. Вот здесь есть еще одна дорога, которая тоже ведет к Дувру. Она гораздо хуже и чуть длиннее главной дороги, и потому ею редко пользуются. Вот здесь, на развилке этих двух дорог, и следует брать мистера Уркварта.

– Когда нам нужно выехать в указанное вами место, чтобы успеть подготовиться к встрече мистера Уркварта? – спросил Щукин. – Не забывайте, что мы должны, как у нас говорят, обжить место засады, сделать все необходимые расчеты, словом, быть готовыми к любым неожиданностям. И еще – покажите нам место, где дорога, по которой мы поедem в сторону Дувра, выходит к морю. Там наверняка есть удобное место, где можно спуститься к самому урезу воды?

– Я знаю там одну тропу, которой пользуются, гм... – мистер Уайт замолчал на мгновение, а потом как ни в чем не бывало продолжил: – ...в общем, местные контрабандисты. По ней можно пробраться к самой воде. Береговая стража, получая от контрабандистов ежемесячно определенную сумму, делает вид, что она ничего не замечает.

– Мистер Уайт, – спросил Щукин, – а вы не покажете нам эту тропу?

– Почему не показать? – ответил тот. – Можно и показать, но только, сэр, поймите меня правильно, контрабандистам надо будет заплатить за молчание. Они такие люди, что добрые слова предпочитают полновесным монетам.

– Заплатим, мистер Уайт, обязательно заплатим, – Олег успокоил своего собеседника. – Вы только скажите – сколько гиней стоит молчание честных английских контрабандистов?

– Сэр, контрабандисты – люди простые, – сделав постное лицо, произнес мистер Уайт, – они не аристократы, и вместо гиней с большим удовольствием примут обычные фунты и шиллинги. Сумму же я вам назову чуть позже. Думаю, что она вас устроит.

– Вот и отлично, – сказал Щукин, – тогда мы начнем потихоньку собираться, чтобы завтра после обеда выехать в Дувр. К сожалению, мы не сможем попрощаться с уважаемой княгиней Ливен. Но мне почему-то кажется, что мы с ней еще увидимся...

...На место, где должно было произойти похищение мистера Уркварта Олег Щукин «со товарищи» прибыл загодя. Место для засады, которое указал им мистер Уайт, оказалось действительно весьма удачным. Обочина дороги была густо засажена буками и кленами. Так что здесь можно хорошо замаскироваться и работать с минимального расстояния.

Карета, на которой будет ехать Сьюзен – служанка, одетая в дорожное платье «девушки из приличного общества», в сопровождении кучера, служанки – ее роль сыграет Надежда, лакея и грума – якобы «сломается» в нужном месте. Причем «сломается» так, что перегородит большую часть дороги. Волей-неволей мистер Уркварт вынужден будет остановиться, хотя бы для того, чтобы освободить себе путь. В этот самый момент группа захвата в маскировочных костюмах «леший» и «упакует» Уркварта. Сопровождающих его слуг придется ликвидировать. Оставлять их в живых нельзя – никто не должен знать, где и каким способом похищен их хозяин. Потом люди мистера Уайта отгонят подальше от этого места карету шотландца и бросят ее в каком-нибудь глухом месте.

* * *

...Уже начало смеркаться, когда рация в руках Надежды Щукиной пискнула дважды и замолчала. Это означало, что сидевший на дереве Николай Сергеев заметил на дороге экипаж Уркварта и подал сигнал. Он сфотографировал карету, когда проезжал мимо постоянного двора, где мистер остановился пообедать, и хорошо запомнил ее приметы.

Девушка поправила парик, надетый под большую шляпу с вуалью, и махнула рукой своей команде. Мистер Уайт, в ливрее грума, куривший сигару и меланхолично наблюдавший за струйкой табачного дыма, поднимающегося вверх, бросил в канаву окурок сигары.

– Ребята, приготовились, сейчас начинаем! – скомандовал он.

Кучер развернул экипаж поперек дороги, а потом ударом ноги сбил колесо, которое едва держалось на оси кареты. Внешне все выглядело так, что произошла авария, следовавшие в нем кучер, грум и лакей пытаются убрать экипаж, раскорячившийся прямо посреди дороги.

Подполковник Щукин, наблюдавший за всем происходящим, одернул маскировочный костюм «леший» и жестом подал команду «Товсь!»

Далее все произошло именно так, как они и планировали. Подъехавшая через пару минут карета остановилась. Мистер Уркварт – Надежда сквозь вуаль узнала его – высунулся из окна кареты и стал

спрашивать у мужчин, безуспешно пытавшихся сдвинуть с места экипаж, – что, собственно, происходит.

Получив разъяснения, Урквард посоветовался немного со своим кучером, махнул рукой. Кучер и сидевший рядом с ним грум прыгнули с козлов и направились к аварийной карете, чтобы помочь суетившимся вокруг нее людям оттащить ее к краю дороги. А сам шотландец и двое его слуг с любопытством наблюдали за происходящим из открытых дверей экипажа.

Неожиданно один из лакеев почувствовал, что на его щеку брызнуло что-то липкое и теплое. Он обернулся и увидел, как на лбу его соседа Билла появился аккуратный кружок, из которого течет струйка крови. Лакей даже не успел удивиться, когда пуля, выпущенная из «Винтореза», пробила его сердце.

– Bloody hell! (Проклятье!) – выругался в карете мистер Уркварт, увидев, что оба его спутника мертвы. – Что происходит?!

Кучер и грум, услышав голос своего хозяина, обернулись. Мистер Уайт, ловко выхватив из рукава острый стилет, возил его в спину грума. А кучер, который, открыв рот от изумления, наблюдал за всем происходящим, неожиданно всхлипнул и мешком свалился на дорогу – пуля, прилетевшая из буковой рощи, попала ему в затылок.

Затравленно озирающийся по сторонам мистер Уркварт увидел, как к нему из кустов бросилось нечто бесформенное и лохматое.

– Броллахан! – испуганно заорал Уркварт, вспомнив рассказы своей няни о нечисти, которая прячется в лесах и нападает на припозднившихся путников. Щукин – а это был он, – подскочил к карете и рывком выбросил из нее оцепеневшего от ужаса шотландца.

Никифор, подскочивший следом за ним к карете, схватил под уздцы захрапевших от запаха свежей крови лошадей и с большим трудом сумел успокоить бедных животных.

Пока казак занимался каретой, Олег и Вадим подошли к лежавшему на земле Уркварту и связали его пластиковыми стяжками.

– Никифор, – спросил Олег, – как там лошади – могут ли они двигаться дальше? Или нам придется тащить этого проклятого шотландца на своем горбу?

– Да вроде больше не брыкаются лошадки-то, Олег Михайлович, – ответил казак. – Сейчас я их еще немного успокою, и мы поедем. А что с этими будем делать? – Никифор показал на валявшиеся на дороге трупы спутников мистера Уркварта.

– Погрузите их в его карету, – немного подумав, сказал Щукин. – Их

найдут не скоро. К тому времени мы уже будем далеко отсюда.

Люди мистера Уайта затащили в карету шотландца трупы, забрались на козлы и, щелкнув кнутом, покатали по боковой дороге.

Потом Олег затащил в экипаж тушку мистера Уркварта. Кое-как все разместились в ней – кто внутри, кто на козлах, и поехали в сторону Дувра.

На одном из поворотов, где сквозь шелест листвы явственно был слышан шум моря, их встретили на дороге две подозрительного вида личности. Переговорив о чем-то вполголоса с мистером Уайтом, они удовлетворенно покивали головами и скрылись в темноте.

– Все в порядке, патрулей береговой охраны сегодня не будет, – сказал мистер Уайт. – Контрабандисты вас не видели, и никто на свете не узнает, что вы были здесь этой ночью.

Спустившись по крутой извилистой тропинке вниз, они вышли на небольшой песчаный пляж. Олег поставил свою рацию в режим радиомаяка, а Вадим приготовил мощный светодиодный фонарь.

Вскоре со стороны моря они услышали рокот лодочного мотора. Вадим несколько раз включил и выключил фонарь. В ответ с моря тоже замигал фонарь, а рокот двигателя стал громче.

Вскоре резиновая десантная лодка мягко ткнулась носом в песок пляжа.

– Привет, охотники за скальпами! – раздался насмешливый голос Игоря Пирогова. – Была ли удачной ваша охота?

– Все в порядке, дружище, – рассмеялся Щукин. – Добыли мы за морями красную дичь, и теперь надо доставить ее в наш охотничий домик. Как «Богатырь», готов к отплытию?

– Готов, господин подполковник, – ответил фон Краббе. – Лишь только вы ступите на его борт, как он снимется с якоря и отправится домой.

– Вот и отлично, – сказал Щукин. – Значит, в путь, друзья мои. А вы Джейкоб, как – с нами отправитесь или нет?

– Сэр, – мистер Уайт был задумчив и хмур. – Я, конечно, был бы рад вместе поработать с такими отчаянными парнями, как вы. Но я не могу бросить княгиню, ведь я ей стольким обязан. Так что, господа, счастливого вам пути, и да хранит вас Господь...

Приняв на борт всю честную компанию, пароходо-фрегат «Богатырь» поднял якорь и взял курс на датские проливы. Мистера Уркварта закрыли в одном из трюмных помещений, где он бесновался от злости, изрыгая проклятия и богохульства. Вот он снова бушует:

– Damn you to eternity! (Будьте вы прокляты на веки вечные!)... Русские, как я вас всех ненавижу!

А чем занимался в это время Виктор Сергеев? Он был весь в заботах. В имении дел всегда выше крыши – уже прошел Петров день, и лето подходило к концу. Крестьяне старались накосить сена побольше, чтобы его хватило на всю долгую зиму.

Такой трудоголик, как он, не мог сидеть без дела, и самолично брался за косу, чтобы с утра пройтись с ней по лугу. Делал это он умело, мужики смотрели на своего барина с уважением, а соседи-помещики, уже привыкшие к его чудачествам, лишь тайком шушукались, зная, что к этому отставному майору может запросто заехать сам государь-император.

Вот и теперь на дороге, ведущей в имение Сергеева, поднялся столб пыли – видимо, кто-то опять решил нанести визит хозяину. Виктор, взглянув на запыленную карету с ливрейным лакеем, кучером на козлах и четверку лошадей, подумал, что к нему прибыл человек не из последних в петербургском высшем свете.

Экипаж подкатил к барскому дому. Лакей резво соскочил на землю, опустил ступеньку и открыл дверь кареты. Оттуда вылез улыбающийся Александр Шумилин, а вслед за ним высокий стройный генерал лет пятидесяти. У него были черные с проседью кудрявые волосы и лихо закрученные черные усы.

Лицо генерала показалось знакомо Сергееву. Когда же он увидел, что на левой руке гостя на указательном пальце отсутствует фаланга, вместо которой был золоченый наперсток, то сразу узнал человека, с которым к нему в гости приехал Шумилин. Это был внебрачный сын графа Алексея Разумовского, военный губернатор Оренбурга генерал-адъютант Перовский.

– Василий Алексеевич, – сказал Шумилин, – разрешите познакомить вас с Виктором Ивановичем Сергеевым, майором, гм... в отставке, участником войны в... гм... в Афганистане, и человеком, с которым вы можете поговорить о вещах, которые будут вам полезны. Господин Сергеев имеет большой опыт войны в Азии.

Сергеев знал, что зимой 1839 года генерал Перовский организовал поход на Хиву, который закончился неудачей. Возвратившись в Оренбург в конце весны, Василий Алексеевич выехал в Петербург, чтобы лично доложить Николаю I о своей неудачной экспедиции. Вчера вечером император пригласил к себе в Зимний дворец Шумилина. Там он и познакомил Александра с Перовским. Генерал был готов снова отправиться

в новый поход на Хиву. Ради этого он даже отказался от предложенного ему портфеля министра иностранных дел. Василий Алексеевич решил в этот раз более тщательно подготовиться к долгому и трудному переходу через пустыню. Николай, вспомнив о службе Сергеева и Шумилина в Афганистане, решил познакомить Перовского со своими гостями из будущего.

...Услышав о том, что Сергеев воевал в Афганистане, Перовский удивленно поднял густые черные брови. Действительно, не считая отрядов казаков, сопровождающих редкие посольства в эту забытую Богом страну, русские войска там не появлялись.

– Виктор Иванович, – спросил Перовский, – вы, наверное, были там вместе с беднягой Виткевичем?

– Нет, Василий Алексеевич, – ответил Сергеев, – я был «за рекой», но не с Иваном Викторовичем Виткевичем. Впрочем, о печальной судьбе этого замечательного человека мне известно. Англичане не простили ему успехов на дипломатическом поприще в Кабуле и убили его руками своих наймитов в Петербурге. Он был застрелен, а все бумаги, которые он привез из Афганистана, похищены.

– Вот как, – обескураженно сказал Перовский, – а я не знал всех подробностей случившегося. Мне сообщили лишь о том, что он застрелился, якобы в припадке меланхолии. Но я не очень-то верил в это – Виткевич был человеком решительным и храбрым, и вряд ли бы пустил себе пулю в лоб.

– А вы, Виктор Иванович, – генерал вдруг подозрительно покосился на Сергеева, – откуда знаете все эти подробности? Ведь вы всего-навсего майор, и в подобные государственные секреты вряд ли можете быть посвящены?

Сергеев вопросительно посмотрел на Шумилина. Тот лишь пожал плечами и потом, немного подумав, кивнул. «Значит, император дал добро на посвящение Перовского в тайну пришельцев из будущего. Ну что ж, пусть все так оно и будет». – Виктор еще раз взглянул на Перовского, вспомнив, сколько тот сделал в реальной истории для России. Вздыхнув, он сказал:

– Василий Алексеевич, я два года воевал в Афганистане в составе так называемого «ограниченного контингента». Только это было полторы сотни лет тому вперед.

Услышав слова, сказанные Сергеевым, Перовский вздрогнул и с жалостью посмотрел на Виктора. Он, по всей видимости, подумал, что у отставного майора наступило помрачение ума.

– Ваше превосходительство, – сказал Сергеев Перовскому, – я понимаю, о чем вы сейчас подумали. Признаюсь, что у вас появились сомнения в душевном здоровье моего друга. Но поверьте мне, уважаемый Виктор Иванович говорит истинную правду. Он, действительно, как и я, прибыл в этот мир из XXI века.

Перовский, не веря во все услышанное им здесь, растерянно переводил взгляд с Шумилина на Сергеева. Он вдруг вспомнил, как император, перед тем как представить господина Шумилина, пристально посмотрел ему в глаза и сказал по-французски:

– Мой друг, я прошу вас внимательно отнестись к словам человека, которого вы сейчас увидите. Многие его слова покажутся вам странными, а рассказы – фантастическими. Но он всегда говорит только правду. Так что – верьте всему тому, что он вам скажет...

Перовский хорошо был знаком с императором и знал, что тот не был склонен к мистификациям. Но то, что ему сейчас сказали, просто не укладывалось в его голове.

...Наконец, генерал пришел в себя и спросил у Сергеева:

– Милостивый государь, я готов вас выслушать. Но и вы должны понять меня. Чтобы поверить в то, что вы человек из будущего, вам надо представить мне соответствующие доказательства.

Перовский пристально посмотрел на Виктора. Шумилин снова кивнул, и Сергеев, не говоря ни слова, отправился в свою комнату, откуда вернулся с большим синим конвертом, сделанным из неизвестного генералу материала. Достав оттуда пачку фотографий, он, словно пасьянс, аккуратно разложил их на столе. Тут были и старые, черно-белые снимки, и новые, цветные, которые сделали во время визитов современников генерала в будущее.

– Вот смотрите, Василий Алексеевич, – сказал Сергеев, – это я, молодой еще лейтенант в Парване. Есть такая провинция в Афганистане. Узнать меня трудно, ведь дело было почти три десятка лет до времени, из которого мы пришли сюда – в 1985 году. А вот я же, только в 1986 году у своего танка. – Перовский с изумлением смотрел на удивительную картинку, на которой был изображен военный в странной одежде, стоящий рядом с какой-то огромной машиной. Перовский никогда не видел ничего подобного, но он сразу понял, что это боевая машина.

А вот картинки, на которых были цветные изображения императора Николая и великой княжны Александры Николаевны, окончательно добились генерала. Николай, одетый в странную одежду, стоял у стены Петропавловской крепости – Перовский хорошо знал это место. А вот

опять он, только на этот раз рядом с какой-то удивительной огромной машиной, у которой сверху и сбоку было нечто, похожее на крылья ветряной мельницы. Великая княжна Александра Николаевна, одетая весьма легкомысленно, если не сказать более, стояла на Невском – Перовский увидел позади весело улыбающейся дочери императора хорошо знакомый ему силуэт Александрийского театра, перед которым высился памятник необычной формы. А по самому Невскому ехали какие-то странные экипажи, большие и маленькие.

Перовский растерянно провел рукой по своим растрепанным кудрям, попытался что-то сказать, но так и не смог подобрать подходящих слов. Потом он все же собрался и спросил у Сергеева:

– Виктор Иванович, – как там в вашем будущем живет Россия? Как Хива, она наша или нет?

На этот раз пришла очередь Виктора почесать свою плешь и что-то промямливать себе под нос. Уж очень не хотелось ему сказать Перовскому, что границы России сейчас снова проходят там, где они были во времена генерала – неподалеку от Оренбурга.

Чтобы уйти от неприятной темы, Сергеев предложил Перовскому посмотреть на «живые картинки», которые расскажут о том, что произошло в России за почти два века, и о войне в Афганистане. Генерал согласился. Виктор принес ноутбук, включил его и, дождавшись, когда он загрузится, щелкнул «мышкой»...

* * *

Сил бесноваться и изрыгать проклятия у мистера Уркварта хватило лишь на двое суток. Потом он успокоился и попросил вахтенного офицера, заглянувшего в трюм, чтобы посмотреть, как себя чувствует арестант, позвать к нему человека, сумевшего так ловко поймать его.

Щукин, усмехнувшись, сказал Николаю Сергееву:

– Вот и созрел наш шотландец. Я думал, что он поупрямее будет.

– Так, Олег Михайлович, видимо, мистер Уркварт прикинул, что к чему, и понял, что он попал в надежные руки. Он деловой человек – предложит нам некие сведения, которые нас заинтересуют, а взамен потребует себе свободу. Ну и конечно, будет при этом отчаянно торговаться. Только мистер незнаком с такой штукой, как «сыворотка правды», от которой у человека начинается словесный понос. Но пока нам стоит познакомиться с ним поближе и обозначить, так сказать, свои

позиции...

Уркварта извлекли из его каталажки, дали время привести себя в порядок и под надежным конвоем доставили в каюту, где его уже ждал Щукин.

– Присаживайтесь, – Олег гостеприимно указал изрядно помятому шотландцу на табуретку, – я внимательно вас слушаю. Вы ведь хотели поговорить со мной?

Пленник бросил на подполковника испепеляющий взгляд и выпрямился на табурете, стараясь принять гордую и независимую позу.

– Скажите, вы... – Уркварт замялся, подбирая слова, которые он хотел бросить в лицо своему визави, – ...в общем, по какому праву вы похитили меня и держите взаперти? О вашем неслыханном по наглости поступке будет известно всей Европе! Даже ваш император при всей его варварской натуре вряд ли одобрит сей бандитский образ действий!

– Позвольте вас спросить, – поинтересовался Олег, – а откуда всей Европе станет известно о том, что вы находитесь в наших руках? К тому же той же Европе будет очень интересно узнать о том, как мистер Дэвид Уркварт лично договаривается с князем Адамом Чарторыйским о комплектовании на британские деньги отрядов польских мятежников для нападения на владения российского императора.

Щукин нажал на кнопку диктофона, лежавшего перед ним на столе. Уркварт вздрогнул, словно от удара током, услышав свой недавний разговор с князем Адамом.

– Oh My God! – воскликнул он. – Что это такое?! Скажите, кто вы и откуда?!

– Это не так уж важно, – ответил Щукин. – Вы видите, мистер Уркварт, что нам известно многое. Но кое-что мы предпочли бы услышать и лично от вас.

– Я знаю, – гордо задрав голову, произнес Уркварт, – что у вас на Востоке принято с варварской жестокостью пытаться своих пленников. Но я готов выдержать самые изуверские пытки, но не сказать вам ни слова... Я британец, сэр!

Щукин усмехнулся – уж очень патетически сейчас выглядел шотландец. Кажется, мистер Уркварт сейчас вытянется по стойке «смирно» и запоем: «God save the Queen!» («Боже, храни королеву!»)

– Вы полагаете, что мы, записавшие ваш разговор в вашем же кабинете, не сможем вытянуть из вас все нужные нам сведения? – поинтересовался он. – В данном случае вы глубоко заблуждаетесь. Все будет именно так, и поверьте, мы постараемся обойтись без пыток и

страданий.

Щукин посмотрел в глаза Уркварту. Тот, видимо, увидев в них что-то весьма неприятное для себя, весь подобрался, и спесь его заметно поубавилась. Он вдруг понял, что эти странные русские знают многое и очень опасны.

– Продолжим, – сказал Олег. – Итак, я желал бы услышать от вас о том, что вы и ваши единомышленники планируете в самое ближайшее время совершить против России. Ну, и немного о тех людях, которые будут непосредственно участвовать во всех этих диверсиях...

Мистер Уркварт задумался. Похоже, он тщательно взвешивал все за и против. Наконец, сделав выбор, вздохнул, и произнес:

– Вы – победитель, и вправе диктовать свои условия. Но все же скажите мне – кто вы и откуда... Я хочу получить ответ на мой вопрос, пусть даже он будет стоить мне жизни...

...Беседа с мистером Урквартом продолжалась более трех часов. О своем иновременном происхождении Щукин, естественно, ничего шотландцу не сказал. Он лишь туманно намекнул, что у русского царя теперь появились новые друзья и союзники, которые обладают огромным могуществом и возможностями, превышающими всякое людское воображение.

Похоже, что мистер Уркварт уже сам о чем-то догадался, потому он и особо не запырлся. Олег вел запись допроса-беседы под диктофон, время от времени останавливая его, давая прослушать шотландцу тот или иной фрагмент беседы, и просил более подробно изложить интересующий его момент.

Потом, видимо выдохшись, Уркварт извинился и попросил прервать допрос, сославшись на усталость и плохое самочувствие. Щукин, видя, что допрашиваемый действительно выглядит неважно, не стал его дожимать.

Он пригласил в каюту Николая Сергеева и попросил отконвоировать мистера Уркварта в его «юдоль печали и скорби», добавив уже по-русски, чтобы конвоиры за ним хорошенечко приглядывали и не допустили какого-либо ЧП.

– Коля, – сказал Щукин, – клиент испытал сильный психологический стресс, и я боюсь, как бы после этого у него не поехала крыша. Он может накинуться на кого-нибудь, сигануть за борт или попытаться наложить на себя руки. А это нам ни к чему.

– Хорошо, Олег Михайлович, – кивнул Сергеев-младший, – я за ним присмотрю. Если что, то Вадим и Никифор помогут мне проконтролировать этого мистера.

Когда Николай, вежливо придерживая Дэвида Уркварта под локоток, вывел его из каюты, Щукин еще раз прослушал свою беседу с шотландцем, немного подумал, взял лист бумаги и начал писать справку.

«Надо сделать ее в двух экземплярах, – подумал он. – Один – для ведомства Александра Христофоровича, второй – для нашей конторы. Следует как следует прошерстить все архивы – авось, что-то найдется новое, до сих пор неизвестное о пакостях британцев. Этот самый Уркварт наверняка не все мне выложил. Это вполне естественно – такие ребята информацию выдают дозированно и выдоить их досуха с первого раза обычно не удается. Но не будем спешить – когда у меня появятся дополнительные сведения о происках инглизов, то можно будет продолжить беседу-допрос».

Дописав обе справки, Щукин отложил ручку, вздохнул, встал со стула и устало потянулся. Ему захотелось выйти на палубу пароходо-фрегата и вдохнуть соленого морского воздуха.

Олег вышел из каюты. Было уже темно. Дул сильный ровный ветер, и корабль шел под парусами с неработающей паровой машиной. Щукин поднялся на ходовой мостик. Там находился командир «Богатыря» капитан-лейтенант фон Глазенап, лейтенант Невельской и Игорь Пирогов. Все трое наблюдали за морем по курсу пароходо-фрегата через бинокли с фотоумножителями. Время от времени фон Глазенап подавал команды рулевому и вахтенному офицеру.

– Бог в помощь, господа, – приветствовал моряков подполковник.

– Бог, Бог, да и сам не будь плох, – по привычке проворчал Пирогов. – У нас вроде все идет нормально. Ну, а про ваши дела, как я понимаю, Олег Михайлович, лучше не спрашивать. Меньше знаешь – крепче спишь.

– Да ладно вам обижать нас, скромных тружеников спецслужб, – улыбнулся Щукин. – Нам бы сейчас побыстрее попасть в Петербург. Много чего интересного и важного мы возедем туда. Вы уж постарайтесь, чтобы дорога наша не затянулась.

– Олег Михайлович, – вступил в беседу лейтенант Невельской, – вы – человек сухопутный, и считаете, что ходить по морям – это то же самое, что путешествовать по почтовому тракту на тройке. А море полно опасностей, и не всегда те, кто уходят в плавание, возвращаются назад.

– Вот-вот, – проворчал Пирогов, – тем более что мои старые косточки предсказывают приближающийся сильный шторм. А мои предсказания почти всегда сбываются. Так что, господа, не мешало бы к нему как следует подготовиться.

Стоящие на мостике дружно закивали головами. Щукин поморщился –

он плохо переносил сильную качку – и отправился в свою каюту.

* * *

Похоже, что император неспроста познакомил генерала Перовского с гостями из будущего. Николай прекрасно понимал, что рано или поздно русским войскам придется наведаться и в Бухару, и в Хиву, чтобы обезопасить южные границы империи от набегов среднеазиатских грабителей. Ведь на Востоке тамошние правители уважают только силу. Других способов договориться с ними просто нет.

Перовский, ознакомившись с материалами, хранившимися в памяти ноутбука Виктора Сергеева, был просто шокирован. Крымская война, причиной которой стала преступная дипломатия канцлера Нессельроде, предательство Австрии, трусость Пруссии, которая принимала решения с оглядкой на Париж, Лондон и Вену – все это поразило генерала до глубины души.

А узнав о позорном поведении командующих русской армии на Дунае и в Крыму, Перовский пришел в бешенство. Он готов был чуть ли не сию минуту помчаться в Петербург, чтобы найти там и вызвать на дуэль светлейшего князя Меншикова. Александру и Виктору с большим трудом удалось успокоить генерала.

– Боже мой! – восклицал Перовский. – Лучше бы мне не знать всего этого! Какой позор, господа, какой позор! Генерал Кирьяков грозился «закидать противника шапками», а во время сражения при Альме оказался пьяным и самовольно оставил ключевую позицию, из-за чего и было проиграно сражение. А генерал Жабокрицкий, из-за нераспорядительности которого мы проиграли сражение при Инкермане!..

– Василий Алексеевич, – сказал Сергеев, для которого Крымская война была, скажем так, «фамильным хобби», – этот самый Жабокрицкий в мае 1855 года ослабил гарнизоны Камчатского люнета и Селенгинского и Волынского верков в Севастополе. А когда ему доложили о подготовке противника к штурму, он вдруг срочно «заболел» и сбежал в тыл, бросив на произвол судьбы вверенные ему войска. Из-за этого французы захватили наши укрепления, что впоследствии привело к падению Малахова кургана и сдаче Севастополя.

– Господа, – взволнованно сказал генерал, – ради бога, скажите мне – что можно сделать, чтобы в нашей истории не повторилось то, что произошло в вашей?

– Василий Алексеевич, – Шумилин попытался успокоить Перовского, – государь уже сделал многое для того, чтобы исправить положение. Самое главное – отправлен в отставку граф Нессельроде, стараниями которого Россия оказалась вовлеченной в эту войну. Ведь тогда фактически вся Европа выступила против нас. И это вместо благодарности России за то, что она спасла эту Европу от Наполеона!

– А наши-то «союзнички», Австрия и Пруссия, – покачав головой, произнес Перовский, – как подло они себя повели. Нет, покойный господин Пушкин правильно мне как-то сказал: «Европа в отношении к России всегда была столь же невежественна, как и неблагоприятна»...

– Сейчас наша дипломатия находится в руках человека, который, в отличие от Нессельроде, не считает себя австрийским чиновником на русской службе, – сказал Сергеев. – Жаль только, что вы, Василий Алексеевич, отказались от предложенного вам министерского портфеля.

– Нет, Виктор Иванович, – Перовский гордо тряхнул своей кудрявой шевелюрой, – этой зимой, когда я предпринял поход на Хиву, мне довелось видеть своими собственными глазами, как безропотно, геройски умирали от болезней и холода мои солдаты, которые, несмотря ни на что, шли вперед, желая лишь одного – покарать этих злодеев-хивинцев. Ведь нам житья не было от их набегов – на Каспии они захватывали рыбаков, воровали женщин и детей, доходя своими шайками до самого Оренбурга. А содержали они русских пленных в жесточайшей неволе, подвергая их мучениям и пыткам.

Тогда, не чая вернуться домой, я дал клятву – если все же Господь помилует меня и сохранит мне жизнь, то я снова отправлюсь походом на проклятую Хиву, чтобы, наконец, покончить с этим разбойничьим гнездом. И клятву эту я сдержу. Я упросил государя разрешить мне подготовить новый поход, на этот раз без этого гнусного вора – генерала Циолковского – который думал лишь о том, как набить свою кошину, и всеми силами препятствовал мне успешно завершить поход.

– Да, я читал о вашем походе, Василий Алексеевич, – кивнул Шумилин, – вы тогда сделали все, что смогли. Не ваша вина, что поход не удался. И мы постараемся вам помочь. Я подготовлю вам документы о том, как русские войска, в конце концов, покорили эти разбойничьи азиатские государства, устранив угрозу для границ империи. Да и границы эти тоже были сдвинуты далеко на юг. Думаю, что кроме документов и советов мы поможем вам и еще кое-чем... Скажу только, чтобы успокоить вас, что в 1851 году, в нашей истории, вы снова вернетесь в Оренбург, став генерал-губернатором Оренбургской и Самарской губерний. В 1853 году вашими

войсками будет взята кокандская крепость Ак-Мечеть. В честь вас она будет переименована в Перовск. Окончательно же добьют Хиву в 1873 году. И сделает это генерал фон Кауфман. Хивинский хан будет валяться у него в ногах, вымаливая пощаду...

– Именно так все и будет? – взволнованно произнес Перовский. – Знаете, я теперь смогу умереть спокойно, зная, что сдержу свою клятву. А за предложенную вами помощь буду вам весьма благодарен, Александр Павлович. Думаю, что она поможет нам отразить набеги степных хищников, которые ежегодно уводят в рабство сотни русских людей.

– Вот и отлично, – сказал Шумилин. – Думаю, что решение наших азиатских дел поможет нам и в делах европейских. Ведь та же Британия больше всего на свете боится, что из ее жадных рук уплывет набитая сокровищами Индия. Потому-то она так чувствительна к нашим успехам в Азии.

– Англия, куда ни посмотришь – везде эта проклятая Англия! – генерал не на шутку разозлился. – Кажется, эта страна своей единственной целью существования избрала возможность как можно больше напакостить России.

– «У Англии нет постоянных союзников – у нее есть постоянные интересы», – Сергеев процитировал Перовскому слова одного из британских премьер-министров. – Британия еще со времен королевы Елизаветы Девственницы живет грабежом. Сначала она грабила своих же подданных, сгоняя крестьян с их земель, а потом, под угрозой виселицы, заставляя их за одну лишь еду трудиться на заводах и фабриках.

Потом она опустошила и разграбила соседей – ирландцев, предварительно пройдясь по этому острову огнем и мечом. Достаточно вспомнить походы Кромвеля. «Железнобокие» этого пуританского упыря истребляли бедных ирландцев, словно волков. В 1641 году в Ирландии проживало более полутора миллионов человек, а в 1652 году на острове осталось лишь 850 тысяч, из которых 150 тысяч были английскими и шотландскими новопоселенцами. То есть англичане убили каждого второго ирландца!

Далее начались колониальные захваты и торговля рабами. Сколько крупных состояний сколочено в Британии на торговле людьми, как черными, так и белыми, которых британцы, впрочем, людьми и не считали. Потом эти разбойники добрались до Индии. Люди сотнями тысяч умирали от голода, обогащая Ост-Индскую компанию. А Британия все дальше и дальше запускает свои щупальца, и пределам ее алчности не видно конца...

– А ведь они еще имеют наглость учить нас, русских, культуре и

цивилизации! – воскликнул Перовский. – Нет, Виктор Иванович, мне кажется, что пока нам не удастся как следует намять бока Британии, покоя от нее ни нам, ни другим странам не будет. Вот только как это сделать?

– Мы думаем над этим вопросом, – сказал Шумилин. – Задача трудная, но вполне решаемая. Впрочем, многое будет зависеть от того, насколько государю удастся найти умных и верных людей, на которых он мог бы полностью положиться. Ведь, Василий Алексеевич, из-за чего Россия потерпела неудачу в Крыму? Солдаты и матросы российские сражались, как львы. Но, как гласит восточная мудрость: «Стая львов, возглавляемая бараном, будет побеждена стадом баранов, возглавляемых львом». Поэтому надо, чтобы во главе наших львов был именно лев, а не баран. Надо, чтобы государь удалил баранов с постов, предназначенных для львов. Тогда можно будет сразиться и с Британией...

Разговор в узком кругу

После возвращения из будущего граф Бенкендорф имел приватную беседу с императором. Николай подробнейшим образом расспросил Александра Христофоровича обо всех нюансах его разговоров с властью предержащими, их ответах на вопросы о сотрудничестве и об оказании помощи в случае, если Россия подвергнется нападению нескольких европейских государств, как это случилось во время Крымской войны.

Бенкендорф понял, что император все никак не может успокоиться, узнав о поражении России в Крыму. Именно оно, это поражение, в конечном итоге и привело к смерти Николая Павловича в феврале 1855 года. Действительно, череда военных и дипломатических неудач подкосила императора, и тот, не выдержав душевных мук и укоров совести, умер у себя во дворце, лежа на простой железной кровати, накрытый старой солдатской шинелью.

– Ваше величество, – сказал граф, – находясь в санатории, я перечитал немало книг, написанных историками о Крымской войне. Мое мнение: эта несчастливая для России война – череда дипломатических ошибок, совершенных как графом Нессельроде, так и вашим личным посланником в Константинополе, светлейшим князем Меншиковым. Эти господа словно специально подталкивали Российскую империю к войне с Турцией, Британией и Францией. Стараниями графа Нессельроде были окончательно испорчены наши отношения с Австрией и Пруссией. Конечно, будущий император Австрии, этот молокосос Франц Иосиф, и его министр-президент граф Буоль – те еще мерзавцы. Они предадут вас, ваше величество, несмотря на то, что вы фактически спасете Австрию в 1849 году от взбунтовавшихся венгров. А прусский король Фридрих Вильгельм, брат вашей супруги, повел себя как последний трус. Он дрожал от страха перед императором Наполеоном III, обещая присоединиться к антирусской коалиции. В общем, в Европе не оказалось государства, которое можно было бы считать дружественным России.

– Да, мой друг, – с горечью сказал Николай, – все именно так оно и было. И, как мне кажется, даже если я устранил из политики графа Нессельроде и отправил в отставку князя Меншикова, войны с объединенной Европой нам все равно не избежать. Может быть, она начнется чуть раньше или чуть позже. Но она обязательно будет.

– Такого же мнения придерживаются и наши потомки, – кивнул

Бенкендорф. – Они считают, что Британия панически боится возвышения России и готова сделать все, чтобы не допустить этого. Вот, послушайте, что было написано еще в 1828 году британским полковником Джорджем де Ласи Эвансом в его книге с многозначительным названием «Замыслы России»: *«Необходима коалиционная война, в которой против России объединились бы Англия и Франция, с тем чтобы уничтожить ее главные морские стратегические базы – Севастополь и Кронштадт, изгнать ее из Черного и Каспийского морей не без помощи кавказских горцев и Персии, установить там полное господство британского флота. Необходимо также поднять и другие нерусские народы и развязать внутри России гражданскую войну»*.

Вот так вот, ни больше ни меньше. Коалиционная война и уничтожение Севастополя и Кронштадта... Обратите внимание – это было написано за четверть века до Крымской войны. В истории наших друзей все так и случилось. На Кронштадт, правда, британцы и французы побоялись напасть, а вот Севастополь они осадили и после нескольких кровопролитных штурмов заняли его южную часть.

– Этого не должно произойти! – пылко воскликнул взволнованный император. – Граф, вы передали мне послание от главы России, в котором говорится о том, что он готов установить дружеские отношения с нами и, в случае нападения на нас, оказать всю необходимую нам вооруженную помощь.

– Да, мне об этом было заявлено прямо и недвусмысленно, – ответил Бенкендорф. – Потомки обещают нам помочь своим оружием и людьми. Правда, они попросили оформить все это в виде договора, в котором будут прописаны права и обязанности сторон. Ну, и им бы хотелось получить за это некоторые преференции. Речь идет, прежде всего, о предоставлении им в аренду территорий в Калифорнии – там у нас есть освоенные земли в районе Форта Росс и на Аляске. Я полагаю, что сие не будет нам в тягость.

– В послании об этом тоже говорится, только как они туда попадут? – удивленно произнес император. – Ведь дорога из Петербурга до владений Российско-Американской компании занимает несколько месяцев. Впрочем, это уже их дело.

– Скажите, граф, – поинтересовался император, – а вам в Москве не объяснили – в чем, собственно, будет заключаться их помощь? В послании об этом речь не идет. Что из своего чудо-оружия они готовы нам предоставить?

– Ваше величество, – Бенкендорф развел руками, – как мне было сказано в приватной беседе с Сергеем Борисовичем – человеком, близким к

главе России, что для того, чтобы определиться с размерами помощи, для начала необходимо прислать к нам группу, как он сказал, «квартирьеров». С ними можно обсудить конкретные размеры и виды помощи. Переговоры следует вести вам, ваше величество, или тем людям, кто будет допущен к этой великой тайне. Я хотел бы предложить в качестве такого доверенного лица генерал-адъютанта Перовского. Как я узнал, потомки к нему весьма благоприятно настроены, да и сам Василий Алексеевич честен, храбр и, что самое главное, лично предан вашему величеству. Сказать честно, я уже познакомил генерал-адъютанта Перовского с нашими друзьями – Виктором Ивановичем и Александром Павловичем. Они помогут ему лучше понять людей из будущего. Пусть Василий Алексеевич подружится с ними.

– Граф, вы прекрасно все продумали, – воскликнул император. – Действительно, с нашими друзьями – а я искренне считаю господина Шумилина и господина Сергеева своими друзьями – мы сможем лучше разобраться во всех хитросплетениях интересов их правителей. Ведь у них, как и у всех власть предержащих, имеются свои тайны. Разгадать их помогут те, кто первый пришел в наш мир и изъявил желание бескорыстно нам помочь. В числе тех достойных людей, которые могли бы принять участие в переговорах с ними, люди из будущего назвали имя командующего Черноморским флотом вице-адмирала Лазарева. Михаил Петрович у них считается героем. Действительно, только по прошествии какого-то времени можно понять – что из себя представляет тот или иной человек.

– Ваше величество, я полагаю, что присутствие адмирала Лазарева на переговорах будет весьма полезно, – сказал Бенкендорф. – Как мне кажется, он быстро найдет общий язык с моряками из будущего. Я видел, как господин Пирогов общается с тем же лейтенантом фон Краббе. Хотя между ними разница более чем в полторы сотни лет, они понимают друг друга с полуслова, будто вместе сидели за одной партией в Морском корпусе. Моряк моряка видит издалека.

По словам того же господина Пирогова, адмирал Лазарев ценен не только тем, что он опытный мореплаватель, открывший новый континент, и отважный командир, прославивший себя во время Наваринского сражения, но и тем, что он оказался в их истории прекрасным воспитателем офицеров. Именно при нем на Черном море появилась «Лазаревская школа», из которой вышли отважные адмиралы Нахимов, Истомин и Корнилов, геройски погибшие во время обороны Севастополя. Моряки тогда дрались, как герои, предпочитая умереть под градом вражеских ядер и бомб, но не отдать врагу свой город. За 349 дней обороны Севастополя из

шестнадцать тысяч моряков на бастионах было убито около пятнадцати с половиной тысяч человек. Можно сказать, что Черноморский флот погиб весь, полностью, но не сдался врагу.

– Из шестнадцати тысяч человек уцелело всего пятьсот? – воскликнул пораженный Николай. – Боже мой, какие страшные потери! Нет, Александр Христофорович, я сделаю все, чтобы эти храбрецы остались живы и верно служили России.

Граф, я попрошу вас срочно вызвать из Севастополя в Петербург Михаила Петровича. Надо рассказать ему о наших друзьях из будущего и, если представится возможность, отправить его в XXI век для того, чтобы он познакомился с флотом наших потомков. Думаю, он увидит там много для себя интересного и полезного. А пока мы будем ждать возвращения из британской командировки подполковника Щукина и его спутников. Вы, граф, не получали еще известий от них?

– Нет, ваше величество, пока никаких сведений от них не поступало. Но отсутствие плохих новостей – это уже хорошая новость. Думаю, что Олег Михайлович сумеет поймать этого зловредного сэра Уркварта и привезти его сюда. Я почему-то в этом не сомневаюсь. Будем ждать, ваше величество, это единственное, что нам остается...

* * *

«...Накаркал-таки этот чертов мореман Пирогов, – подумал про себя Олег, наблюдая за тем, как волны вокруг «Богатыря» становятся все больше и больше, а ветер дует все сильнее и сильнее. – Похоже, что шторм будет, и не слабый. А вот и сам Пирогов – легок на помине...»

Игорь подошел к стоящему на мостике нахохлившемуся Щукину, подмигнул ему и пошутил:

– Ну что, покачаемся на качелях? – намекая на то, что размахи бортовой качки становились все больше, а некоторые из экипажа пароходо-фрегата оттого позеленели и резко заскучали.

Потом Пирогов посерьезнел и добавил:

– Вообще-то мне как-то не доводилось штормовать на колесных пароходах. И как оно все будет – мне известно лишь теоретически. Думаю, что полученных при этом впечатлений хватит на всю оставшуюся жизнь.

– А что, корабли с колесным двигателем ведут себя в шторм как-то по-другому? – поинтересовался Олег, у которого с усилением качки рот стал заполняться вязкой и противной слюной, а желудок начал

подпрыгивать и непроизвольно сжиматься.

– В общем, да, – ответил Игорь, – все дело в том, что при сильной бортовой качке правое и левое гребное колеса поочередно полностью выходят из воды и, соответственно, погружаются в воду слишком глубоко. Корабль при этом рыскает, плохо держась на курсе. Кроме того, при волнении колеса подвергаются большим динамическим нагрузкам, выводящим их из строя. Ломаются плицы, бывает и все колесо рассыпается. Мы пока идем под парусами, и нам остается лишь надеяться на выучку команды и опытность офицеров «Богатыря». Так что, Олег Михайлович, на машину надейся, а про паруса не забывай. Но давайте уйдем в кубрик, чтобы не мешать команде. Все равно мы ей ничем помочь не можем.

По дороге в кубрик Щукин решил заглянуть в узилище, где находился их самый ценный трофей – мистер Уркварт, чтобы удостовериться в его полной целостности и сохранности.

Шотландец, похоже, качку переносил нормально, но был зол, как собака, и вместо приветствия что-то прорычал в адрес Олега – явно не ответное пожелание здоровья и благополучия.

Потом он немного успокоился и наставительно заявил, что шторм – это кара Господня русским еретикам за их дерзость и гордыню, и что он будет очень рад, если корабль пойдет ко дну. Правда, мистер Уркварт, похоже, забыл, что он тоже находится на этом корабле и попадет в «рундук Дэви Джонса» вместе со всеми остальными членами экипажа «Богатыря». Оставив в одиночестве негостеприимного шотландца, Щукин отправился в каюту своей дочери.

Там, на рундуке, стоящем в углу каюты, сидела Надежда, непринужденно беседовавшая о чем-то с Сергеевым-младшим и лейтенантом Невельским. На небольшом столике перед ними стояло блюдо со спелыми яблоками, свободно разгуливающее по столешнице во время крена корабля то в одну, то в другую сторону.

– Я вижу, что на вас, мадемуазель, качка абсолютно не действует, – сделал комплимент девушке Невельской. – Из вас бы, Надин, мог бы получиться неплохой моряк.

– Эх, Геннадий, – Надежда кокетливо улыбнулась, – если бы вы только знали, что такое «бочка», «штопор» или «иммельман»... Когда в течение нескольких секунд верх и низ меняются местами, а земля крутится, словно в калейдоскопе, то какая-то там качка покажется вам детской забавой.

– Ну, скажем, что такое бочка и штопор, господин лейтенант знает, – подколот лейтенанта Николай, незаметно для Надежды подмигивая

Невельскому, – только у нас они имеют и другое значение. С фигурами высшего пилотажа он вряд ли знаком.

– Высший пилотаж? – Невельской сделал удивленное лицо. – А что это за штука такая?

– Гм, – Надежда была немного озадачена, – ведь ей трудно было так сразу объяснить человеку XIX века, что такое авиация и спортивные соревнования по высшему пилотажу. – Геннадий, высший пилотаж – это когда пилоты управляют своими самолетами, заставляя их совершать разные маневры в воздухе.

Невельской недоуменно пожал плечами, показывая, что ему непонятно объяснение мадемуазель Щукиной. Тогда Надежда достала из корабельного рундука небольшой альбом с фотографиями, который она, среди всего прочего имущества, взяла с собой в плавание.

– Вот, я у своего самолета, – сказала она, показывая Невельскому фото, на котором Надежда в черной обтягивающей футболке и шортах стояла рядом со спортивным одномоторным самолетом Як-52.

Невельской посмотрел на фото и смущенно отвел глаза. Одежда мадемуазель Щукиной показалась ему слишком неприличной. Потом он стал рассматривать странную крылатую машину, рядом с которой стояла его собеседница.

– А она что, и правда летает? – спросил Невельской. – По воздуху, как птица?

– Летает, Геннадий Иванович, – вступил в разговор подполковник, – еще как летает. Знаете, когда я слежу за полетами моей милой дочурки, у меня порой душа уходит в пятки от страха. А ей хоть бы что.

На другой фотографии в небе был виден летящий самолет, за которым тянулась белая дымная полоса. Следующая фотография удивила лейтенанта еще больше – на ней в небе под огромным зонтиком и со странным шлемом на голове парила в небе Надежда, при этом совсем не испуганная, а, наоборот, довольная до невозможности.

– Мадемуазель! – воскликнул удивленный Невельской. – Да вы самая настоящая валькирия! Никогда бы в жизни не поверил в то, что такая прекрасная девушка может летать по небу, аки ангел...

– Эх, Геннадий Иванович, – сказал Щукин, – знали бы вы – сколько седых волос у меня появилось после полетов этого «ангела». Все же дело, которым она занимается, небезопасно для жизни и здоровья...

– Папа, – Надежда капризно надула губки, став от этого еще прекрасней, – но ведь это так здорово – парить в воздухе. Это такой восторг!.. Кстати, Геннадий, посмотрите – это я лечу на дельтаплане.

Невельской посмотрел на очередную цветную картинку и увидел мадемуазель Щукину парящей в небе на каком-то странном сооружении треугольной формы. Внизу под ней была видна земля с маленькими-маленькими домами и деревьями. Лейтенант прикинул высоту и покачал головой – выходило, что Надежда летела на расстоянии полуверсты от земли.

– Скажите, мадемуазель, – спросил он, – а что, у вас каждый может взять и научиться летать по небу. Я бы тоже был не против пройти обучение искусству полета.

– В общем, если здоровье позволяет и есть желание, то пилотом может стать любой человек. Вот вернемся домой, – кокетливо сказала Надежда, – и если у вас не пропадет желание научиться летать, то я, Геннадий, охотно стану вашим преподавателем.

– Буду вам весьма благодарен, – произнес Невельской, – со своей стороны, мадемуазель, я обещаю стать самым прилежным вашим учеником.

– Думаю, Геннадий Иванович, что умение управлять мотодельтапланом может вам пригодиться, – неожиданно став серьезным, сказал подполковник Щукин. – Как я слышал, в самое ближайшее время вам предстоит отправиться на Дальний Восток, чтобы там заняться исследованием морей и островов. Вот там-то и можно было бы воспользоваться мотодельтопланом для того, чтобы с воздуха рассмотреть коварные мели и увидеть то, что нельзя увидеть с борта корабля. Думаю, что один из открытых вами островов вы непременно назовете именем вашей учительницы, – Олег хитро улыбнулся и посмотрел на свою дочь.

– Пренебреженно, Олег Михайлович, – воскликнул Невельской, – я бы назвал в честь мадемуазель не только остров, но и целый континент, но они, к сожалению, все уже открыты.

– Хватит вам тут лясы точить, – ворчливо произнес Вадим Шумилин, заходя в кубрик, – мы уже на подходе к Датским проливам. Ветер крепчает, и капитан-лейтенант фон Глазенап хочет зайти в один из норвежских портов, чтобы переждать там шторм. К тому же не обошлось без повреждений гребных колес и судовой машины. Так что надо усилить охрану нашего узника – как бы он не воспользовался нашей вынужденной стоянкой и не попытался сбежать на берег...

Император при очередной встрече с Шумилиным выглядел весьма озабоченным. Николай явно нервничал, отводил при разговоре глаза, словом, чувствовалось, что он хочет что-то сказать своему «тайному советнику» из будущего, но не решается сделать это.

Александр, видя душевные муки императора, не выдержал и, дождавшись паузы в разговоре – речь шла о делах внешнеполитических – спросил у царя напрямую:

– Ваше величество, что-нибудь произошло? Я вижу, что вы чем-то сильно озабочены.

Император нахмурился и грозно посмотрел на Шумилина. Но, видимо, вспомнив – с кем он имеет дело, обмяк и лишь досадливо махнул рукой.

– От вас, Александр Павлович, ничего не скроешь, – сказал он. – Не хотел я говорить вам о своих семейных делах, но, видимо, придется. Речь пойдет об Адини.

Шумилин понимающе кивнул головой. В каждый его приезд в Зимний дворец бедная девочка старалась увидеться с ним, чтобы спросить – как идут дела у наших «аргонавтов», отправившихся на берега Туманного Альбиона, чтобы привезти в Петербург «золотое руно» – сэра Дэвида Уркварта собственной персоной. Александр, как мог, старался успокоить Адини, сообщая ей, что все участники этого похода живы и здоровы, и в самом ближайшем времени вернутся домой целыми и невредимыми.

Адини благодарно кивала ему и украдкой вытирала слезы кружевным платочком со своего прекрасного личика. Шумилин с ней в свое время уже говорил об ее чувствах к Сергееву-младшему. Тогда он постарался успокоить эту милую и добрую девочку-девушку, но, похоже, что каждый день разлуки с любимым стоил ей года жизни.

Видимо, то же самое думал и ее отец. Император мог бы решить этот вопрос кардинально – отослать Адини к ее прусским кузинам, а самому заняться поиском для нее жениха из числа многочисленных европейских принцев и герцогов. Только... Только сколько проживет его бедная Адини, разлученная со своим любимым? Конечно, династические принципы – это вещи важные и незыблемые, но неужели они могут оказаться дороже жизни родной дочери?

Николай тяжело вздохнул и начал весьма неприятный для него разговор.

– Александр Павлович, – печально произнес он, – Адини влюблена в сына вашего друга Виктора Ивановича Сергеева. Да-да, именно влюблена. Я убедился, что это не просто романтическое чувство, которое, наверное, даже в вашем будущем появляется у молодых и восторженных барышень.

Тут все гораздо серьезнее. Они любят друг друга, и разлука может привести к трагическим последствиям. А я, как и вы, наверное, не желал бы такого развития событий?

Шумилин кивнул императору, подтверждая, что разлука может быть губительной для двух любящих сердец.

– Сергеев-младший, – сказал Николай, – человек, которого я с большим удовольствием принял бы в качестве своего зятя. Но, к большому сожалению, он не принадлежит к числу отпрысков правящих фамилий, а, потому, согласно принятому моим отцом в 1797 году «Учреждения об Императорской фамилии», брак между моей дочерью должен быть: первое – дозволен императором, и второе – жених должен быть лицом равного достоинства, то есть принадлежать к владетельным или царствующим домам. Вот, со вторым у этого молодого человека не совсем все хорошо. Если я и дам согласие на брак, то, как я понимаю, вы вряд ли сумеете доказать принадлежность Николая к царственным особам.

– Ваше величество, – Шумилин лукаво посмотрел на императора, – конечно, вы абсолютно правы, что «Уложение», которое вы сейчас упомянули, четко расписывает – кто и как должен жениться или выходить замуж. Но ведь не зря говорят, что браки заключаются на небесах. Ни один, даже самый ученый человек, до сих пор не смог объяснить – почему один человек не может жить без другого. Знаете, у нас есть даже песня, написанная о любви одним замечательным поэтом. Вот несколько строк из нее.

И Шумилин, стараясь, чтобы в его голосе появилась легкая хрипотца, пропел:

Но вспять безумцев не поворотить —
Они уже согласны заплатить:
Любой ценой – и жизнью бы рискнули, —
Чтобы не дать порвать, чтоб сохранить
Волшебную невидимую нить,
Которую меж ними протянули.

Свежий ветер избранных пьянил,
С ног сбивал, из мертвых воскрешал,
Потому что если не любил —
Значит, и не жил, и не дышал!

– Замечательная песня! – воскликнул император. – Немного непривычная для нашего уха, но зато в ней все сказано от чистого сердца.

– Так вот, ваше величество, – продолжил Шумилин, – исходя из сути и буквы «Уложения» можно сделать еще один вывод – браки с нарушением этого самого «Уложения» все же возможны. В случае непринадлежности жениха к владетельным или правящим домам, дети, рожденные от этого брака, не пользуются правами и преимуществами, присваиваемыми членам Императорского дома. Но, как я полагаю, Адини и Николая это вряд ли очень сильно огорчит. К тому же Сергеев-младший не является подданным Российской империи. Следовательно, Адини не нарушит тем самым ваш запрет – члены Императорского дома не должны жениться и выходить замуж за своих подданных. Ко всему прочему, Николай – православного вероисповедания, и это не нарушит еще один пункт «Уложения».

Император озадаченно почесал лысеющую макушку. Шумилин усмехнулся, вспомнив, что император, стеснявшийся своей плешки, носил парик. С ним он расстанется под общий хохот окружающих. В нашей истории это произошло после рождения первой внучки царя, в 1842 году. Получив радостное известие о том, что у его старшей дочери, великой княжны Марии Павловны родилась девочка, Николай Павлович перед строем кадетов сорвал с головы свой злополучный парик, поддал его ногой, закинув в угол, и задорно воскликнул: «Теперь я дедушка, ну его!»

– Ваше величество, – сказал Шумилин, – в любом случае Империя от этого брака ничего не потеряет. Ведь у вас есть наследник, у которого будет шестеро сыновей. Так что вопросов с престолонаследием возникнуть не должно. А счастье вашей любимой дочери для вас дороже всего на свете. К тому же Адини большую часть времени будет проживать в будущем – ведь ей надо окончательно залечить свою болезнь. Да и потом ей необходимо быть под постоянным наблюдением врачей. Она сможет стать своего рода вашим личным представителем в нашем времени. Адини девушка умная, поэтому она будет вашей помощницей, которой вы будете полностью доверять. Да и Николай Сергеев – человек, который сможет быть вам полезным.

– Знаете, Александр Павлович, – немного подумав, сказал император, – пожалуй, вы меня уговорили. Ведь даже Иисус Христос говорил: «Суббота для человека, а не человек для субботы». Ведь что один самодержец решил, другой самодержец сможет изменить. Быть посему. Кстати, Александр Павлович, вы не располагаете новыми сведениями о том, как идут дела у участников нашей экспедиции в Британию. Надеюсь, у них все в порядке?

– По последним данным, они успешно выполнили задание, и «Богатырь» следует в Кронштадт. Правда, как они сообщили в своей сегодняшней радиограмме, из-за сильного шторма и полученных повреждений парохода-фрегат будет вынужден зайти в один из норвежских портов – скорее всего, в Христианию.

– Вот и хорошо! – радостно воскликнул император. – Пойду, порадую Адини и расскажу ей о скором прибытии ее ненаглядного...

* * *

Командир парохода-фрегата «Богатырь» капитан-лейтенант фон Глазенап решил укрыться от шторма в Кристиансанне – норвежском городе, расположенном недалеко от входа в пролив Скагеррак. В нем имелись судостроительные предприятия, на которых можно было бы исправить повреждения, полученные кораблем во время шторма.

Этот город был основан в 1641 году датским королем Кристианом IV, который и дал ему свое имя. Со временем он превратился в большой порт и стал административным центром всей Южной Норвегии. Норвегия же на тот момент находилась в унии со Швецией, хотя и имела фактически полную автономию.

Но политические дела страны викингов и троллей команду и пассажиров парохода-фрегата интересовали мало. Для них важнее было благополучно закончить экспедицию и доставить свою добычу в Петербург. И тут, в связи с ремонтом «Богатыря», возникли сложности. Дело в том, что наличие посторонних людей на борту корабля было крайне нежелательно. Мистер Уркварт мог поднять шум, и властям Кристиансанны станет известно о нахождении пленника на борту русского военного корабля. Учитывая, что в городе проживало немало британцев, о похищенном подданном Соединенного королевства могут узнать в Лондоне. В Кристиансанн направят военные корабли Британии. Все могло бы закончиться серьезным конфликтом, вплоть до применения оружия. А это для охотников за шпионами было совсем ни к чему.

Надо было, пока не поздно, куда-то деть мистера Уреварта, хотя бы на время ремонта «Богатыря». Подполковник Щукин и капитан-лейтенант фон Глазенап ломали голову, чтобы как-то выпутаться из создавшегося положения.

Пока командиры решали глобальные проблемы, лейтенант Невельской и Надежда с борта парохода-фрегата, медленно входившего в порт,

любовались открывшейся им панорамой чистенького средневекового города. Центр Кристиансанна был геометрически выверен – оттого горожане так и прозвали его – «Квадратурен». В центре Старого города находился большой рынок, где можно было купить все, начиная от даров моря и заканчивая экзотическими фруктами, доставленными торговыми судами в Кристиансанн из Африки и Нового Света.

– Геннадий, – сказала Надежда ухаживавшему за ней лейтенанту, – а давайте, после того, как «Богатырь» войдет в порт и причалит, отправимся в город на прогулку. Уж очень мне хочется снова почувствовать под ногами земную твердь.

– Мадемуазель, – галантно ответил ей Невельской, – с вами я готов отправиться куда угодно. Только в первую очередь нам необходимо уладить дела с этим чертовым шотландцем. Кстати, кажется, я нашел выход.

Невельской показал Надежде на трехмачтовую шхуну под русским коммерческим флагом, стоявшую у причала неподалеку от рядов бочек. Похоже, что кто-то из русских купцов приобрел в Кристиансанне партию селедки, которую в большом количестве ловили в Северном море норвежские рыбаки и засаливали в здешних краях. По статистике отсюда в Россию ежегодно вывозили до полутора сотен тысяч бочек с сельдью.

По всей видимости, лейтенант Невельской был знаком с капитаном этой шхуны.

– Извините, мадемуазель, – лейтенант поклонился Надежде и быстрыми шагами направился в сторону юта...

Когда Невельской вошел в каюту командира пароходо-фрегата, то увидел довольно любопытную сцену. Щукин и фон Глазенап сидели за столом в позе роденовского «Мыслителя» и мрачно смотрели друг на друга.

– Господа! – воскликнул Невельской. – Я, кажется, нашел способ – куда нам деть мистера Уркварта, чтобы он во время ремонта «Богатыря» нам не мешал.

Подполковник встрепнулся и вопросительно посмотрел на лейтенанта.

– И каков ваш способ, Геннадий Иванович? Куда вы хотите упрятать нашего пленника? Учтите – он нам нужен живой и желательно в полной целостности и сохранности.

– Я только что увидел на пирсе своего старого знакомого, – сказал Невельской. – Он владелец и капитан трехмачтовой шхуны «Ласточка». Его корабль ходит по Балтике, перевозя грузы из скандинавских портов в Ригу, Ревель и Петербург. Сейчас «Ласточка» стоит под погрузкой у причала Кристиансанна. Груз – бочки с сельдями. По количеству бочек на причале,

погрузка началась недавно, то есть как минимум он еще пробудет в порту два-три дня. Я могу встретиться с ним и попросить, чтобы он прихватил с собой несколько пассажиров и бочку с «селедкой». Степан Михайлович человек честный, ему можно доверять. Думаю, что он не откажет, когда узнает, что дело идет об интересах государства.

– Ну что ж, это, пожалуй, неплохой вариант, – кивнул Щукин. – Геннадий Иванович, не могли бы вы сразу же после швартовки «Богатыря» отправиться к вашему приятелю и пригласить к нам. Мы побеседуем с ним и попросим его нам помочь. А ночью мы могли бы переправить мистера Уркварта на «Ласточку», чтобы он там, аки князь Гвидон, спокойно дождался выхода шхуны из порта. А «Богатырь» пусть спокойно проводит ремонт в Кристиансанне.

– Хорошо, Олег Михайлович, – кивнул Невельской, – я так все и сделаю.

Через полтора часа по трапу, переброшенному с пристани на борт русского парохода-фрегата, поднялся лейтенант Невельской в сопровождении мужчины лет тридцати пяти, в морской куртке и широкополой шляпе. Он с достоинством поздоровался с капитан-лейтенантом фон Глазенапом и подполковником Щукиным. Его пригласили пройти в каюту командира «Богатыря».

Гостем оказался Степан Михайлович Попов, отставной мичман российского флота. В данный момент он был владельцем шхуны «Ласточка». Решив не ходить вокруг да около, Щукин сразу же ввел Попова в курс дела. К его чести, тот не стал отнекиваться и почти сразу же согласился помочь. Похоже, что тяга к авантурным приключениям у отставного мичмана была в крови. Но, что не менее ценно, он был сообразителен и знал, что любопытство в некоторых случаях – вещь абсолютно ненужная. К примеру, он не стал спрашивать – кого именно собираются доставить в Россию, и почему он так интересуется III отделением.

По ходу дела обговорили и детали. Вечером, когда уже стемнеет, шлюпка с «Ласточки» подойдет к пароходо-фрегату и примет пассажиров и «груз». Мистер Уркварт будет к тому времени спать крепким сном. Один укол снотворного – и двенадцатичасовое погружение в нирвану ему обеспечено.

Как планировал Попов, погрузка бочек с селедкой должна закончиться завтра к полудню, после чего шхуна выйдет в море. Шторм уже начал стихать, и под всеми парусами «Ласточка» должна за несколько дней дойти до Петербурга. О ее прибытии загодя по радиации сообщат Шумилину, и на причале шхуну будет ждать представительная делегация. Потом мистера

Уркварта со всем тщанием погрузят в пароконный «автозак» и отправят в Петропавловскую крепость, где им займутся вдумчиво, со всем тщанием.

Сопровождать ценный груз должны будут подполковник Шукин с дочерью, Николай Сергеев и лейтенант Невельской. Игорь Пирогов и Вадим Шумилин будут следовать домой на «Богатыре».

Все было проделано поздним вечером, когда работа в порту замерла до утра. Получив укол снотворного, мистер Уркварт уснул, и на шлюпку «Ласточки», пришвартовавшуюся к борту «Богатыря», бережно перегрузили его обмякшую тушку, потом «приданое» – кое-что из спецоборудования, а потом туда же перебрались и пассажиры. На следующий день, подняв паруса, шхуна вышла в море. Курс ее лежал на Петербург...

* * *

После разговора с Шумилиным император отправился к Адини, чтобы сообщить ей о своем решении. Трудно передать радость девушки, которая поняла, что пала последняя преграда, отделявшая ее от возлюбленного. Она бросилась на шею отцу и расплакалась от счастья.

– Папочка, как я рада, – всхлипывая, бормотала Адини. – Ты самый лучший и самый добрый на свете...

Николай гладил дочь по голове, и от ее слов сам расчувствовался и не удержался от слез. Когда они оба успокоились, император сказал Адини, что пока не стоит ничего говорить императрице и другим членам семьи.

– Пусть это будет пока нашим секретом, – шепнул Николай на ухо дочери. – А пока, если ты хочешь, мы можем отправиться в гости к господину Сергееву. Надо тебе поближе с ним познакомиться, ведь он скоро станет твоим родственником.

Адини кивнула и, слегка покраснев, сказала отцу, что она готова, но ей понадобится некоторое время, чтобы привести себя в порядок.

Вместе с ними в имение отставного майора отправился и Шумилин. Ему тоже хотелось увидеть своего старого друга и кое о чем с ним переговорить.

Всю дорогу до усадьбы Сергеева-старшего Адини весело щебетала в карете, рассказывая императору о своих приключениях в XXI веке. Николай улыбался, видя, что мрачное настроение и хандра дочери прошли, и она снова стала той веселой и беззаботной Адини, которая всегда радовала суровое сердце отца.

Виктор Иванович, предупрежденный по радиации Шумилиным о предстоящем визите, встретил гостей у входа в усадьбу. Он поздоровался с императором, похлопал по плечу Шумилина и внимательно посмотрел на раздумывающуюся Адини. Он догадывался о том, что его сын и дочь царя влюблены друг в друга, и очень жалел, что из-за различия в происхождении они никогда не будут вместе. Но радостное лицо девушки, довольный вид Николая, а главное – ухмыляющееся лицо своего старого друга говорили о том, что не все так плохо, и, похоже, Александр, которого Сергеев за глаза называл «хитроумным Одиссеем», нашел выход из этой коллизии.

Но свои выводы Виктор оставил при себе и старательно изображал гостеприимного хозяина, приглашая приехавших в свой дом, чтобы похвастаться новыми вещами и приборами, полученными из будущего.

– Вот, ваше величество, посмотрите, – Сергеев продемонстрировал императору новую радиостанцию, – с ее помощью можно будет теперь связаться с другой такой радиостанцией, находящейся в любом месте Европы. Жаль, что мы получили ее поздно и не установили на пароходо-фрегате «Богатырь». Та рация, которая сейчас на нем, недостаточно мощная и не сможет дотянуть до нас.

– Жаль, очень жаль, – вздохнул Николай. – Мне бы хотелось знать – как там дела у наших «охотников». По моим расчетам они уже должны управиться со своим делом.

– Я думаю, что у них все нормально, – отставной майор разгладил свои седые усы. – Мой сын – не зеленый пацан, и не даст обвести себя вокруг пальца каким-то там британцам. Конечно, главную работу выполнит подполковник Щукин. Вот он-то – стреляный воробей, и за свою жизнь побывал еще не в таких передрыгах. У него за плечами Афганистан, где ему приходилось с группой рыскать в тылу у «духов». А с ними воевать было тяжело.

– Виктор Иванович, – спросил император, – а кто такие «духи», и почему в Афганистане так было трудно воевать? Ведь у вас есть страшное оружие, а у диких афганцев оно вряд ли есть.

– Ваше величество, – с кривой усмешкой ответил Сергеев, – сейчас русская армия на Кавказе многочисленней отрядов горцев, и вооружение у нее лучше. Но война идет уже почти тридцать лет, и конца ей не видать. Воевать в горах тяжело. Тем более, когда против тебя противник, который лучше, чем мы, знает свои горы.

– Да, Виктор Иванович, все это так, – кивнул Николай, – но ведь немирным горцам помогают некоторые европейские государства и Турция. А кто помогал в ваше время афганцам?

– Ничего нет нового в этом мире, – вступил в разговор Шумилин, – дикие афганцы воевали против нас с оружием, которым можно было подбивать танки и сбивать самолеты и вертолеты. Так же, как в нынешней войне на Кавказе, с нами воевали европейские, и не только, наемники. Ваше величество, с друзьями у России всегда было туго, а вот врагов ей всегда хватало с избытком.

– К сожалению, это так, – с горечью сказал император. – Мне запомнились слова моего внука, императора Александра III – «У России только два верных союзника – ее армия и флот». Я горжусь внуком. Он стал очень умным человеком и мудрым правителем.

– Виктор Александрович, – Адини с робостью обратилась к отцу ее любимого Николя, – а почему весь мир ополчился на наше отечество? Ведь мы не делаем никому ничего плохого...

– Эх, ваше императорское высочество, – вздохнул Виктор, – нас ненавидят и боятся потому, что мы слишком велики и сильны. Так было, так есть и так будет. Не один еще раз нас будут пытаться ослабить, покорить, поделить. И вместо того, чтобы строить новые заводы и фабрики, железные дороги и новые города, русские люди будут вынуждены напрягать все силы, чтобы отбиваться от врагов, которые постоянно будут вторгаться на наши земли, жечь, убивать, разорять...

– Это ужасно, – всхлипнула Адини. – Виктор Иванович, может быть, с вашей помощью нам удастся сделать так, чтобы в нашей истории не начались те ужасные войны, которые были в вашей истории?

– Мы очень хотим, чтобы все было так, как вы сказали, – Сергееву неожиданно захотелось обнять эту милую и добрую девушку и ласково погладить ее по прелестной головке. – Я и мои друзья сделаем все, чтобы помочь вам, нашим предкам.

– Виктор Иванович, – император решил изменить тему разговора, – скажите, а что еще полезного для нас вы получили из будущего?

– Ваше величество, – улыбнулся Сергеев, – хочу вас обрадовать. В числе присланного нам имущества есть лекарства и медицинская аппаратура. Доктор Кузнецов, наконец, уладил все свои личные дела и решил перебраться в ваше время. А то, честно говоря, довольно хлопотно отправлять людей на лечение в наше время. К тому же некоторых больных не стоит туда отправлять, ибо не всем следует знать о машине времени.

– Отлично! – воскликнул император. – Я буду рад, если доктор Кузнецов останется в нашем времени. Я выгоню в шею этого мошенника Мандта и сделаю уважаемого Алексея Игоревича своим лейб-медиком. Вы очень меня сегодня порадовали, Виктор Иванович.

– И еще, – продолжил Сергеев, – мне сообщили, что для нас скоро подготовят несколько грузовых машин. Они могут двигаться на топливе, извлекаемом из обычных дров. Такие автомобили называются у нас газогенераторными. Теперь не будет нужды переправлять в прошлое бензин или дизельное топливо. Деревя же в Российской империи предостаточно.

– Скажите, Виктор Иванович, а танков с такими же двигателями у вас нет? – поинтересовался император.

Сергеев покачал головой, и Николай с сожалением произнес:

– Жаль, очень жаль...

– Скорее бы наши ребята вернулись бы, – неожиданно невпопад сказал Шумилин. – Что-то мне за них беспокойно... Мнительный я стал, Иваныч, сам не знаю почему. Старость, наверное.

Адини, игравшая с котенком, вольготно развалившемся на диване в гостиной, услышав слова Шумилина, охнула и побледнела.

– Александр Павлович, что вы, что вы, – дрожащим от волнения голосом произнесла она, – не вы ли мне говорили, что если ждешь – все будет хорошо. Я верю, что Николая... Что все наши друзья благополучно вернутся домой.

– Ну, если ваше сердечко верит в удачу, значит, так оно и будет, – улыбнулся Шумилин. – Будем ждать их вместе...

* * *

Ни сна, ни отдыха измученной душе... Едва император кое-как разрулил сложнейшую ситуацию с его дочерью Адини, как на его голову свалилась новая напасть. Дело в том, что ротмистр, пардон, уже майор, Соколов по просьбе графа Бенкендорфа был освобожден от всех дел в III отделении и усердно работал с досье, которое подготовил для него подполковник Щукин. В нем имелся список самых отъявленных казнокрадов Российской империи, с кратким описанием их «подвигов».

Кое-кто из проворовавшихся чиновников уже с треском слетел со своих постов. В их числе был и самый наглый и бессовестный из них, Александр Политковский, обкрадывавший несчастных увечных воинов, участников войны 1812 года. И на данный момент Политковский только начал набивать свои карманы; император вспылел и приказал немедленно взять его под стражу. Впрочем, как и в прошлой истории, обер-коррупционер не дождал до суда – он успел принять яд и тем самым

избежал позора суда и бессрочной каторги.

По решению Николая был создан Тайный комитет – что-то вроде Анतिकоррупционного комитета XXI века, в который, помимо майора Соколова, вошел министр финансов Егор Францевич Карнкрин, человек уважаемый, по-немецки дотошный, аккуратный и честный, а главное, пользующийся полным доверием императора. Началась проверка полученной из будущего информации. От результатов этой проверки волосы вставали дыбом. И хотя казнокрадством на Руси было трудно кого удивить, но размах расхищения казенных средств просто поражал воображение.

Когда императору были доложены предварительные результаты проверки, он поначалу лишь усмехнулся и вспомнил слова своего старшего брата императора Александра I. Тот как-то сказал, узнав об очередном казнокраде: «Они украли бы мои военные линейные суда, если бы знали, куда их спрятать, и они бы похитили у меня зубы во время моего сна, если бы они могли вытащить их у меня изо рта, не разбудив меня при этом».

Но потом, по мере того как император знакомился с документами Тайного комитета, Николаю стало не до шуток. Особенно испортила настроение царя информация о неслыханном воровстве любимца и доверенного лица императора, графа Петра Андреевича Клейнмихеля. Николая возмутил не сам факт казнокрадства графа, а то, что тот нагло обманывал самого самодержца.

17 декабря 1837 года в Зимнем дворце вспыхнул пожар, который длился тридцать часов. Полностью же затушить последние очаги возгорания удалось лишь через трое суток. В огне пожара погибло много имущества и практически вся обстановка царской резиденции. От дворца фактически осталась лишь обгоревшая и закопченная кирпичная коробка.

Восстановлением дворца руководил архитектор Стасов, а все выделенные на восстановление царской резиденции деньги шли через Клейнмихеля. Чуть больше года понадобилось для того, чтобы Зимний дворец был полностью восстановлен. Император, восхищенный расторопностью и старанием куратора работ, возвел его в графское достоинство, и в честь него была выбита золотая медаль с надписью «Усердие всё преодолагает».

И вот теперь выясняется, что значительная часть денег, ассигнованных на восстановление Зимнего дворца, прилипла к жадным и загребущим рукам Клейнмихеля. Выходит, что помимо того, что царь был обворован, он еще оказался и одурачен.

А дело о дворцовой мебели окончательно доконало Николая. Согласно

документам, Петр Андреевич Клейнмихель украл практически все деньги, полученные им на закупку новой мебели для Зимнего дворца. Выяснилось, что он заказывал мебель у поставщиков, а получив ее, отказывался оплатить предъявленные ему счета. Император, узнав обо всем этом, возмущенно кричал, что он теперь уже не знает, принадлежит ли ему тот стул, на котором он сидит.

Похоже, что песенка графа Клейнмихеля была спета. Николай запретил ему появляться во дворце и приказал членам Тайного комитета продолжить собирать документы о казнокрадстве Клейнмихеля, чтобы по готовности передать их в суд.

– Это уму непостижимо, – в сердцах жаловался Шумилину император, которого ознакомили с результатом работы Тайного комитета. – Александр Павлович, неужели у нас в России нет ни одного чиновника, который бы не воровал казенные деньги и не брал бы взятки? А как у вас с этим обстоит? Сумели ли вы побороть своих казнокрадов?

Шумилин лишь огорченно развел руками. Видимо, такое проклятие кем-то наложено на наше бедное отечество, которое ни в прошлом, ни в будущем никак не может избавиться от высокопоставленных жуликов. Он рассказал царю несколько историй о похождениях губернаторов, министров и прочих государственных мужей, которые беззастенчиво разворовывали выделенные их ведомства средства и брали взятки в умопомрачительных размерах. Был даже один из них, тоже, как граф Клейнмихель, связанный с мебелью.

Узнав о том, что «мафия бессмертна» – правда, Александру пришлось прочитать императору краткую лекцию об истории самых известных в истории ОПГ, – Николай немного успокоился и стал сетовать на то, что даже в царском окружении воруют самым наглым образом.

– Вот, Александр Павлович, – сказал Николай, – был такой случай. Известный прусский художник Франц Крюгер, приехавший по моему приглашению в Россию, сделал несколько портретов членов моей семьи. В том числе он нарисовал и мой портрет, который мне очень понравился. Чтобы отблагодарить господина Крюгера, я велел подарить ему золотые часы-брегет, усыпанные бриллиантами. Часы были подарены, но почему-то бриллиантов на них не оказалось. Я чуть не сгорел со стыда. Мне потом пришлось извиняться перед художником: «Господин Крюгер, видите, как меня обкрадывают? Однако если бы я захотел по закону наказать всех воров моей империи, для этого мало было бы Сибири, а Россия превратилась бы в пустыню...»

Шумилин усмехнулся и сказал, что в истории России были времена,

когда чиновники побаивались воровать. Нет, не то чтобы они совсем прекратили этим заниматься – подобное абсолютно нереально – но взятки брали с оглядкой, а казенные деньги крали лишь самые бесшабашные и отчаянные. Дело в том, что по тогдашним законам таких мазуриков без особых разговоров расстреливали, а все наворованное у государства конфисковывали.

– Как, Александр Павлович! – изумленно воскликнул Николай. – Так вот прямо и расстреливали?!

– Да, ваше величество, суды выносили смертные приговоры, а чиновники, причем самого высокого ранга, получали ВМСЗ – высшую меру социальной защиты. Так тогда у нас назывался расстрел. Потому-то человека, во времена правления которого так строго поступали с казнокрадами, их потомки так люто и ненавидят.

Императора, похоже, заинтересовал рассказ Шумилина. Он попросил Александра дать ему что-нибудь почитать об этом, и тот обещал найти ему книгу, в которой занимательно описывались судебные процессы над жуликами, взяточниками и казнокрадами во времена «дядюшки Джо».

– Эх, Александр Павлович, – тяжело вздохнул император, – я знаю, что про меня много чего говорят нехорошего. Дескать, жесток я порой бываю, и строг порой чрезмерно. Но вот так, как это было у вас, я бы никогда себе не позволил. Хотя...

Николай пристально посмотрел на Шумилина. Видимо, он прикидывал – сможет ли этот человек из будущего взвалить на себя ношу борца с чиновниками-ворами. Так ничего и не решив, он опять вздохнул и снова углубился в папку с документами, предоставленными ему майором Соколовым.

Взяв в руки шариковую ручку, император стал ставить на полях документов какие-то пометки и страдальчески морщиться, читая об очередном чиновнике, запустившем лапу в государственный карман...

* * *

«Ласточка» вполне оправдала свое название. Шхуна действительно ходко мчалась по волнам, проглатывая милю за милей. Она спешила к родному дому. Экипаж «Ласточки» оказался на удивление нелюбопытным, а ее капитан, отставной мичман Попов удивлял Щукина своим спокойствием и невозмутимостью. Порой подполковнику казалось, что он занимался не только торговлей норвежской сельдью, а еще и выполнял

некие деликатные поручения русской военной разведки. А если это даже не так, подумал Щукин, то, прибыв в Петербург, надо будет переговорить насчет бывшего мичмана Попова с майором Соколовым, чтобы привлечь владельца «Ласточки» к участию в спецоперациях, коих, по всей видимости, им предстоит провести еще немало.

Шхуна благополучно прошла проливы Скагеррак и Каттегат, оставила по правому борту Копенгаген и вошла в Балтийское море. Щукин немного успокоился. Скоро будет Борнхольм, а там уже до побережья Российской империи, что называется, рукой подать. До Либавы остается чуть больше двухсот миль. Если шхуна будет двигаться с такой же скоростью, то до нее идти не более двух суток.

– Послушайте, Степан Михайлович, – поинтересовался подполковник у капитана «Ласточки», – А где вы собирались выгрузить свой груз? Не слишком ли мы злоупотребляем вашим желанием помочь ведомству графа Бенкендорфа? Может быть, вам удобней будет зайти не Петербург, а в любой другой торговый порт Российской империи?

– Олег Михайлович, – отставной мичман, стоявший на палубе у фок-мачты, опустил подзорную трубу и внимательно посмотрел на Щукина. – Я хотя и не состою сейчас на военной службе, но что такое интересы государства, понимаю. Ведь не просто так вы отправились в Британию, не только для того, чтобы заполучить этого противного мистера. Да и целый пароходо-фрегат так просто не гоняют.

Мой старый знакомый Геннадий Иванович Невельской шепнул мне, что в благополучном исходе этого дела заинтересован сам государь. Всего этого для меня достаточно. Я не собираюсь расспрашивать вас ни о цели вашего вояжа в Британию, ни о том – кто такой этот мой таинственный пассажир. Но то, что необходимость его присутствия в Петербурге крайне необходима, для меня ясна и понятна. А насчет моего груза... Конечно, обычно я выгружаю свой товар в Риге, где у меня арендован склад и где меня ждут местные негодянты, чтобы купить весь груз сразу, оптом. Но у меня есть контрагенты и в Петербурге. В этом случае я выручу чуть меньше денег, чем ожидал, но тоже не останусь в убытке. Так что, Олег Михайлович, курс наш лежит прямо в Петербург.

– Спасибо, Степан Михайлович, – подполковник был удовлетворен ответом владельца «Ласточки». – Лейтенант Невельской сказал вам правду. Задание, которое нам предстояло выполнить, действительно, очень важное и нужное нашей отчизне. И я, встретившись с государем-императором, лично расскажу ему о том, как вы способствовали выполнению нашей миссии.

– Благодарю вас, Олег Михайлович, – Попов признательно кивнул Щукину. – Если я смогу и в дальнейшем быть полезен нашей матушке России, то вы можете полностью рассчитывать на меня.

– Скажите, – отставной мичман решил сменить тему, – а что это за странный провод, который по вашей просьбе мои матросы подняли и закрепили на самом топе грот-мачты? На громоотвод он не похож.

– Нет, Степан Михайлович, – подполковник замялся, раздумывая над тем – стоит ли рассказывать капитану «Ласточки» о такой вещи, как радиосвязь. Потом он решился и ответил: – Это не громоотвод. Провод необходим для установления устойчивой связи на расстоянии без проводов, с помощью прибора, именуемого радиостанцией. Это изобретение секретное, и в других странах ничего подобного нет.

– Вот как, – удивился Попов, – а я ничего о нем не слышал. Про электрический телеграф разговоры давно уже ведутся, а в некоторых странах с его помощью даже обмениваются посланиями между городами. А про беспроводной телеграф... Очень любопытно было бы на него посмотреть. Это возможно, Олег Михайлович?

– Вполне, – ответил Щукин. – Прошу вас пройти со мной.

Они вошли в каюту, предоставленную капитаном «Ласточки» всей честной компании в качестве штаба. Туда же был заведен антенный кабель, а на столике стояла радиостанция. Рядом с ней на небольшой табуретке с наушниками на голове сидела Надежда и прослушивала эфир. Она была несказанно удивлена. Увидев отца, Надежда сняла наушники, и воскликнула:

– Папа, хочешь верь, хочешь не верь, но минут десять назад на связь вышел Петербург. Правда, слышимость была на троечку, но все же я узнала голос Александра Павловича. Он сообщил, что у них появилась новая, еще более мощная радиостанция, и что он снова выйдет на связь через полчаса. Я попыталась получше настроить радиостанцию. Думаю, что во время следующего сеанса связи можно уже будет поговорить с Питером.

– Вот, Степан Михайлович, – сказал Щукин, показывая Попову на странный ящик, который светился разноцветными огоньками. – Как вы, наверное, уже поняли, моей дочери удалось установить связь с Петербургом. Скоро мы сможем сообщить об успехе нашей миссии, и о том, что мы возвращаемся не на пароходно-фрегате «Богатырь», а на шхуне «Ласточка», принадлежащей одному отставному мичману.

Попов, изумленно слушавший Щукина, лишь покачал головой.

– И что, можно будет вот так вот, на расстоянии нескольких сотен миль, беседовать с человеком, находящимся в Петербурге? – недоверчиво

спросил он.

– Да, именно так, – коротко ответил подполковник. – Надя, не пора ли выходить на связь?

– Сейчас, папа, – ответила девушка, – сейчас начну вызывать Петербург. А вообще, работать сейчас в эфире одно удовольствие. Никаких чужих радиостанций – просто лепота.

Она включила громкую связь. Из динамиков раздалось легкое потрескивание и шипение. Надежда взяла микрофон и начала вызывать:

– «Питер», я «Щука-один», – как вы меня слышите – прием?

– «Щука-один», я «Питер», – мужской голос, прозвучавший из таинственного ящичка, заставил Попова вздрогнуть от неожиданности, – слышу вас на «четверочку». «Первый» интересуется – как ваши дела и где вы сейчас находитесь.

– Передайте «Первому», – Надежда вопросительно посмотрела на отца, и тот в ответ кивнул ей головой, – в общем, у нас все нормально, английский гость у нас, на борту шхуны «Ласточка», следующей в Петербург.

– А где «Богатырь», что с ним? – вместо хорошо знакомого голоса Шумилина из динамика раздался строгий голос императора. – Что это за «Ласточка» такая?

– Ваше величество, – ответил Щукин, забрав микрофон у дочери, – на обратном пути «Богатырь» получил во время шторма повреждения и ему понадобился ремонт. Он остался в норвежском порту Кристиансанне. Чтобы не случилось ненужных осложнений, мы перегрузили английского гостя на борт российской шхуны «Ласточка», которая следует с грузом в Петербург. Если все пойдет нормально, то мы надеемся быть у цели через несколько дней. Все отправившиеся в экспедицию живы и здоровы.

– Слава богу, – голос императора стал мягче. – Благодарю вас, Олег Михайлович, за службу. Мы тут места себе не находим, переживаем за вас. Скажите, не надо ли выслать навстречу вам несколько военных кораблей из Кронштадта?

– Благодарю вас, ваше величество, за добрые слова, – ответил Щукин. – Полагаю, что посылать навстречу нам военные корабли Балтийского флота не стоит. Лучше будет, чтобы как можно меньше народа знали о нашем вояже. К тому же мы теперь будем поддерживать постоянную радиосвязь между Петербургом и «Ласточкой». Если возникнут какие-либо неприятные неожиданности, мы вам обязательно о них доложим.

– Хорошо, пусть будет так, – сказал император. – Всего вам доброго,

Олег Михайлович. И да хранит вас Господь.

– Аминь, – произнес Щукин. А потом, когда на связь снова вышел Шумилин, он договорился с ним о времени выхода в эфир, после чего попрощался и положил микрофон на стол.

Попов, ставший свидетелем этого, наверное, первого в истории сеанса дальней радиосвязи, с изумлением бросал взгляд то на Олега, то на Надежду, то на таинственный аппарат, только что говоривший голосом императора Николая I.

– Да, чудны твои дела Господи, – вымолвил он. – Если бы не видел я все это своими глазами, то ни за что бы не поверил. Откуда вы, господа? – неожиданно спросил отставной мичман. – Я понял, что вы – не от мира сего...

* * *

Известие о том, что британская экспедиция благополучно завершилась, и все участвовавшие в ней возвращаются домой живыми и невредимыми, вызвало в Петербурге большую радость. Император, который лично переговорил по рации с подполковником Щукиным, поспешил сообщить об этом разговоре Адени. Та, узнав, что скоро увидит своего ненаглядного Николя, была на седьмом небе от радости. Ей хотелось петь и плясать, и лишь боязнь выдать себя заставила великую княжну внешне сохранять полное спокойствие.

Только вот Шумилин, тоже обрадованный хорошим известием, чувствовал некоторое смутное беспокойство. И на то были веские причины. Вокруг пришельцев из будущего началась какая-то подозрительная возня. Причем на этот раз на горизонте появились фигуранты родом не из Туманного Альбиона или мятежной Речи Посполитой, а что ни на есть чистокровные русские, причем из довольно знатных семей.

Похоже, что некоторые влиятельные лица государства были весьма недовольны влиянием Шумилина и других людей из XXI века на императора Николая Павловича. Вероятнее всего, они будут стремиться к двум вариантам развития событий. Первый – оттереть новых фаворитов от царя, второй – ликвидировать их физически. Причем для тех, кто задумал эту комбинацию, скорее всего предпочтительней будет второй вариант.

Майор Соколов при очередной встрече с Шумилиным рассказал Александру, что некоторые придворные начали активно втираться к нему в

доверие.

– Александр Павлович, – майор был явно растерян и смущен, – меня удивляет то, что они, вчера даже не замечавшие меня, или удостаивавшие при встрече лишь снисходительного кивка, сейчас клянутся мне в своей дружбе и присылают мне приглашения посетить их в любое удобное для меня время. Возможно, что они считают меня человеком, попавшим «в случай» и ставшим лицом, особо приближенным к государю. Но меня смущает и то, что в разговорах они все время задают мне вопросы о вас и ваших друзьях. Мне кажется, что все это неспроста.

– Дмитрий Григорьевич, – поинтересовался Шумилин, – а не знакомые ли попавших в опалу у государя господ Нессельроде и Дубельта стали набиваться к вам в друзья? Если это так, то многое становится мне понятно. И еще, вы не пробовали проследить – с кем встречаются люди, которые воспылали к вам такой любовью?

– Да, Александр Павлович, – ответил майор Соколов. – Действительно, многие из тех, о ком я вам сейчас рассказал, являются родственниками или хорошими знакомыми упомянутых вами господ. Я отправил сыщиков проследить за ними и выяснил, что они часто встречаются друг с другом. А некоторые посещают британское посольство, причем стараются делать это как можно незаметнее.

– Ну вот, майор, – Шумилин развел руками, – перед нами первый этап подготовки заговора, который направлен против нас, а по факту – и против императора. Надо взять под контроль всех ваших новых знакомых, чтобы не дать этому заговору созреть. Особое внимание стоит уделить их контактам с британцами, хотя и других иностранцев не следует упускать из вида. И еще, – Шумилин пристально посмотрел в глаза Соколову, – я попрошу вас не говорить пока обо всем этом государю. Он может разгневаться и оттого спугнуть заговорщиков. Они на какое-то время лягут на дно, и нам труднее будет потом выявить всех, кто участвует в этом заговоре.

Майор понимающе кивнул головой. За время работы в III отделении он уже кое-чему научился. Да и знакомство с новыми друзьями из будущего помогло ему лучше разбираться в хитросплетениях придворной жизни.

– Дмитрий Григорьевич, – Шумилин положил руку на плечо Соколову, – поймите меня правильно. Наши враги будут использовать все способы, даже самые подлые, чтобы убрать нас из вашего времени. Британцы не потерпят, чтобы Россия вела политику, угрожающую их господству над всем миром. Они всегда стараются убрать своих противников чужими руками, а сами при этом остаются в стороне.

Вспомните убийство отца государя, императора Павла I. Он выступил против Британии в союзе с Бонапартом, тем самым став смертельно опасным для Туманного Альбиона. В ход пошло английское золото, и император Павел был убит русскими вельможами в Михайловском замке. Нельзя допустить повторения того, что произошло в ночь с одиннадцатого на двенадцатое марта 1801 года.

– Вы правы, Александр Павлович, – вздохнул Соколов, – эти люди – я имею в виду заговорщиков – думают, что они действуют во благо своей страны. А на деле они являются всего лишь марионетками тех сил, которые ненавидят Россию.

– И еще, – добавил Шумилин, – надо ждать провокаций, как против нас, так и наших знакомых. С вами, Дмитрий Григорьевич, вряд ли это получится. Вы человек опытный, умный, и за вами стоит император. А вот, как я слышал, после того, как поручик Лермонтов встретился со мной, многие из его приятелей стали разговаривать с ним весьма дерзко, словно провоцируя получить от него вызов на поединок. Я прекрасно знаю, что поручик Лермонтов – человек в общении очень сложный, вспыльчивый и порой готовый оскорбить своего собеседника. Но тут я вижу нечто другое. Во время моей беседы с ним я рассказал Лермонтову о дуэли в Пятигорске, которая станет для него роковой, и взял с него слово быть сдержанным и не доводить дело до поединка. Но, зная его характер, я собираюсь в самое ближайшее время отправить поручика в XXI век, чтобы он поучился там некоторым приемам ведения войны в горах, и чтобы он на какое-то время оказался вне досягаемости его недоброжелателей.

– Вы правильно поступаете, Александр Павлович, – сказал майор Соколов. – Надо будет так же отправить на какое-то время в будущее и князя Одоевского с супругой. Как мне донесли мои люди, коим я поручил наблюдать за квартирой князя, вокруг дома на Фонтанке последнее время околачиваются какие-то темные личности, пытающиеся завести подозрительные разговоры с прислугой, лакеем и кучером князя.

– Да, пожалуй, так надо и сделать, – согласился Шумилин. – Тем более что подошло время княгине показаться врачу. Ну, а князь Одоевский, вполне естественно, будет сопровождать супругу в этом путешествии. Майор, теперь вы понимаете – почему наши друзья отправились в рискованное путешествие в Лондон? Уж очень много интересного для нас знает мистер Уркварт. После того, как в будущем с ним поработают специалисты по допросам, нам удастся узнать немало о людях, которые, находясь в России, думают об интересах Британии. Много, очень много чего замыкалось на этом бешеном шотландце.

– Александр Павлович, можно я задам вам вопрос, который вы можете посчитать чисто личным? – майор слегка покраснел и замялся. – Как там Надежда Олеговна? С ней все в порядке?

– Все в порядке, Дмитрий Григорьевич, – Александр лукаво усмехнулся, чем совсем вогнал Соколова в краску. – Скоро Надя будет здесь вместе со своим отцом, моим сыном и Колей Сергеевым. Как я вижу, майор, эта девица вам запала в душу? Что ж, мадемуазель Щукина красива, умна, но она совсем не похожа на женщин вашего времени. Ну, если и похожа, то только на ее тезку – Надежду Дурову, знаменитую «кавалерист-девицу». Вам с ней будет нелегко. Но, как я полагаю, вы не боитесь трудностей?

Майор Соколов молча кивнул. Действительно, Надин – так он называл про себя дочь подполковника Щукина – настолько отличалась от знакомых ему девиц, насколько горный орел отличался от кур, бродящих по деревенскому двору. Но его как магнитом тянуло к этой красавице из будущего, и он ничего не мог с собой поделать.

Шумилин, заметив смущение своего собеседника, рассмеялся и похлопал майора по плечу.

– Ничего, Дмитрий Григорьевич, не так страшен черт, как его малюют. Мне кажется, что и Наденька питает к вам определенные чувства. Так что у вас есть шанс завоевать ее сердце. Ну, а руки ее вы попросите у Олега Михайловича. Полагаю, что он не будет возражать против выбора своей дочери. Так что давайте вместе ждать их возвращения. И не забывайте, о чем мы с вами сегодня говорили...

Ах, сердце...

Погода на Балтике была благоприятной для плавания. Дул ровный попутный ветер, и «Ласточка» с каждой милей приближалась к Кронштадту. Вот уже шхуна миновала Ревель, и до прибытия в Петербург оставалось совсем ничего. Степан Попов, после того, как стал свидетелем сеанса радиосвязи, уже не с таким удивлением наблюдал за тем, как его таинственные пассажиры переговаривались с Петербургом.

Но теперь отставного мичмана мучило любопытство. На заданные им вопросы подполковник Щукин или отмалчивался, или отшучивался – дескать, «есть много на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам...». Но эти ответы не удовлетворили настырного моряка. Он попробовал зайти с другой стороны и решил разговорить своего бывшего однокашника лейтенанта Невельского. Но тот лишь развел руками и заявил, что сие государственная тайна, о которой он не может никому рассказать без разрешения на то самого государя. Тяжело вздохнув, Степан Попов прекратил свои расспросы и стал просто наблюдать за тем, что делает подполковник Щукин и его товарищи.

А те отдыхали, любовались бескрайней морской далью и проходившими мимо них торговыми кораблями. «Ласточка» шла по довольно оживленной трассе. Навстречу шхуне часто попадались парусники под флагами самых разных европейских (и не только) стран. Попадались и пароходы. Они были колесными, несли парусное вооружение и нещадно дымили своими длинными трубами.

– Всю жизнь мечтал пройти по морю под всеми парусами, – вздохнув, сказал подполковник Щукин подошедшему к нему Попову. – Какое это чудесное ощущение – ветер свистит в снастях, плещется вода у форштевня. И не слышно гула двигателей, не чувствуется дрожание палубы под ногами. Лепота...

– Гм, господин Щукин, – удивленно произнес капитан «Ласточки», – неужели вам приходилось путешествовать только на пароходах? Ведь их так мало, и в большинстве своем корабли ходят по морю под парусами. А если они и оборудованы паровой машиной, то пользуются ею лишь при штиле или во время маневров в узкостях и в проливах.

– Это все так, Степан Михайлович, – подполковник с удовольствием подставил свое лицо под набегающий встречный ветер. – Но будущее все же не за парусными кораблями. Вот представьте – встречаются две эскадры

противников. Одна из них состоит сплошь из парусных кораблей, другая – из кораблей, оборудованных паровыми двигателями. Которой из них будет легче маневрировать во время боя?

– Конечно, той, – ответил Попов, – у которой корабли с паровым двигателем. Но ходить на дальние расстояния пароходы не смогут – у них быстро закончится уголь, а не в каждом порту его можно купить в достаточном количестве. Зачем же тогда нужна паровая машина, если нечего бросить в топку?

– Резонно, – заметил Щукин, – только поверьте мне, Степан Михайлович, скоро все флоты мира начнут строить пароходы. Надо, чтобы Россия не отстала от других стран и тоже занялась созданием сильного парового военного флота.

Их занимательную беседу нарушила Надежда, которая подбежала к отцу и что-то прошептала ему на ухо. Отставной мичман тактично отвернулся в сторону, чтобы не мешать их разговору. Подполковник между тем, выслушав дочь, нахмурился, о чем-то задумался, а потом, повернувшись к Попову, сказал:

– Степан Михайлович, сколько миль от места, где мы сейчас находимся до Нарвы? Возможно, что наши планы изменятся, и мы пойдем не в Санкт-Петербург, а в Нарву. Надя сейчас сказала мне, что наш секретный пассажир сильно разболелся, и его бы лучше побыстрее отправить на берег. Мы связались по радиостанции с Петербургом и нам посоветовали зайти в Нарву, куда немедленно будет выслан из столицы на курьерской тройке доктор со всеми необходимыми лекарствами. Наш пленник – очень важная особа, и нам не хочется, чтобы он отдал Богу душу раньше, чем попадет в Петербург.

– Если ветер не изменится, – прикинув что-то в уме, ответил капитан «Ласточки», – то я полагаю, что уже к вечеру мы подойдем к устью Нарвы. Там у меня есть знакомые, в числе которых имеется и врач. По отзывам тех, кого он пользовал, герру Бергу удастся излечивать самых тяжелых больных.

– Хорошо, Степан Михайлович, – кивнул Щукин, – но мы вряд ли воспользуемся услугами вашего знакомого эскулапа. Лучше будет, если пленником займется наш врач.

А случилось вот что... Никифор Волков, наблюдавший за мистером Урквартом, во время очередного посещения выгородки в трюме, которую превратили в импровизированную тюремную камеру, вдруг заметил, что шотландец задыхается и хватается за сердце. Казак немедленно доложил об этом Сергееву-младшему. Тот поспешил к Уркварту и осмотрел пленника,

которому стало совсем худо.

Николай не имел медицинского образования, но кое-какой жизненный опыт у него все же имелся. Он сумел разговорить шотландца и выяснил, что у того прихватило сердце, и острая боль отдается в шею, нижнюю челюсть и в левую лопатку.

«Классический приступ стенокардии, – решил Николай. – Ему бы сейчас нитроглицеринчик под язык, да только где ж его взять? Большая аптечка осталась на “Богатыре”, а в маленькой в основном хранится перевязочный материал, антибиотики, да антишоковые препараты. Надо порасспросить Щукина. Люди они уже в возрасте, и вполне вероятно, что у кого-нибудь из них найдется нитроглицерин».

Как ни странно, но металлический футлярчик с крупинками нитроглицерина нашелся у подполковника Щукина. Оказалось, что у того порой тоже прихватывает сердце, и он «на всякий пожарный» теперь постоянно носит с собой «нитрушку».

Мистеру Уркварту велели принять лекарство. Тот подозрительно покосился на крупинки белого цвета, лежавшие на ладошке Надежды, но потом, видимо решив, что если бы его и правда хотели убить, то не стали бы прибегать к яду, а обошлись бы более простым и действенным способом, послушно сунул в рот нитроглицерин.

Через несколько минут пленник перестал задыхаться, и по его лицу стало понятно, что боль в груди отступила. Обо всем случившемся было доложено в Петербург.

– Да, скорее всего, это был приступ стенокардии, – сообщили оттуда, – врачи подтвердили диагноз, поставленный вами Уркварту. То, что у вас нашелся нитроглицерин – это хорошо. Только учтите, что если приступы будут повторяться, то стенокардия может закончиться инфарктом. И вместо ценного «языка» вы привезете в Питер его хладный труп. Так что не сводите с пациента глаз, и в случае повторения приступа немедленно сообщите нам. А еще лучше будет, если вы высадите его в ближайшем российском порту. Доктор Кузнецов подъедет туда на курьерской тройке и окажет ему всю возможную помощь. Его запас лекарств намного больше, чем ваш – «карманной носки»...

И вот у мистера Уркварта снова приступ... На этот раз он оказался более сильным, чем в прошлый раз. Беднягу даже вырвало. Надежда доложила обо всем случившемся отцу, и тот решил высадить шотландца в Нарве. Добраться туда из Питера легко – дорога хорошая, а на тройке можно домчаться менее чем за сутки. Только вот дотянет ли Уркварт до Нарвы? И как он перенесет быструю езду по тамошним дорогам, которые

мало похожи на асфальтированные шоссе.

Олег отправился в свою каюту и по радиостанции вышел на связь с Петербургом. Шумилин внимательно выслушал Щукина, видимо, о чем-то посоветовался с Кузнецовым и сказал:

– Слушай, Олег, боюсь, что Уркварт может дать дуба. Тогда все ваши труды пойдут коту под хвост, а мы потеряем ценного секретоносителя. У нас тут будет в самое ближайшее время сеанс связи с Антоном. Как я понял, у него большие успехи в усовершенствовании машины времени. Может быть, он что-то придумает, и мы сумеем перебросить этого чертова шотландца напрямик в будущее. Там-то ему точно не дадут загнуться. Ты будь на связи. Думаю, что в течение получаса мы решим этот вопрос.

Полчаса пролетели незаметно. Надежда, которая находилась рядом с Урквартом, на минутку забежала к отцу и сообщила ему, что пленнику становится все хуже и хуже и повторный прием нитроглицерина дал лишь кратковременное облегчение...

И вот Питер снова на связи. Щукин сообщил Шумилину последнюю информацию о самочувствии Уркварта. После небольшой паузы тот запросил координаты «Ласточки». Попов, вызванный в импровизированную «радиорубку», довольно быстро провел исчисления, и Олег передал в Петербург широту и долготу точки, в которой находилась в данный момент шхуна.

– Значит так, – сказал Шумилин, – слушайте внимательно. Вам следует спустить паруса и лечь в дрейф. В самое ближайшее время в точке, в которой вы сейчас находитесь, будет открыт портал, и к вам направится резиновая лодка с врачами-кардиологами и всей необходимой медицинской аппаратурой. Они помогут вам довести вашего пациента до Петербурга. Ну, а там видно будет, что с ним дальше делать... Вопросы будут?

Вопросов не было...

* * *

...Все произошло быстро и на удивление просто. «Ласточка» легла в дрейф. По приказу Попова с палубы убрали всех лишних, оставив лишь несколько моряков, за которых капитан шхуны поручился, сказав, что этим людям он доверяет полностью и они умеют держать язык за зубами. Впрочем, разговоры о необычных пассажирах «Ласточки» все равно со временем станут известны – не может такого быть, чтобы на берегу, выпив в припортовом кабаке, матросы не похвастались бы перед своими

знакомыми о необычном приключении, участниками которого им довелось стать.

«Ну и пусть», – подумал Щукин. – Ведь шила в мешке не утаишь, и сдастся, что кое-кто уже за границей ломает голову над донесениями своих информаторов, в которых упоминаются совершенно невероятные вещи».

Дверь в импровизированную радиорубку открылась, и Надежда, которая поддерживала связь с Санкт-Петербургом, призывно махнула рукой. Щукин понял, что портал должен открыться с минуты на минуту. Взяв в руки бинокль, он стал осматривать море вокруг шхуны. Минут через десять на зюйд от «Ласточки» в воздухе в метрах двух от поверхности воды запульсировал изумрудный шарик размером с теннисный мяч. Он начал расти, и скоро в море появилась арка, сквозь которую Олег и изумленный всем происходящим Попов увидели серый борт военного корабля и мчащуюся в сторону портала надувную десантную лодку с подвесным мотором.

– СНЛ-8, – сказал подошедший к Щукину Вадим Шумилин, – мне приходилось на такой штуке путешествовать по Вуоксе. Под мотором делает до двадцати пяти узлов. Правда, мореходность не очень, но я надеюсь, что мы на ней в Питер не пойдем.

– Понятно, что не пойдем, – кивнул Олег. – Как я понял, сейчас портал закроется, а эскулапы, которых мы примем на борт, приведут в чувство нашего пациента. Ну, а в Питере, после того как мистер Уркварт станет транспортабельным, мы отправим его через портал в будущее...

– Господи помилуй! – воскликнул Попов, который подошел к Щукину, и невольно услышал конец разговора. – Как же я сразу не догадался, что вы из будущего...

– Степан Михайлович, – поморщился подполковник, – даже если все обстоит именно так, то не стоит во всеуслышание кричать об этом. Давайте поговорим о нас, грешных, потом. Пока же я попрошу вас организовать встречу лодки. Надо принять груз, который она везет, и пассажиров. Да и саму лодку тоже следует поднять на борт.

– Сейчас все сделаем в лучшем виде, Олег Михайлович, – отставной мичман уже пришел в себя и с любопытством наблюдал, как арка, сквозь которую промчалась лодка, стала сворачиваться, вновь превращаясь в яркую изумрудную точку.

– Гм, маска, а я тебя знаю! – произнес Щукин, разглядывая в бинокль пассажиров надувной лодки. – Двоих я встречал в нашей ведомственной больничке, они вроде как кардиологи, а вот третий, который управляет лодкой – мой старый приятель, подполковник Гаврилов. Он сейчас

работает в Москве. Интересно, как он здесь оказался?

Тем временем надувная лодка лихо подскочила к шхуне и мягко ткнулась в ее борт. Несколько матросов подняли на палубу «Ласточки» четыре больших пластиковых водонепроницаемых контейнера. Вслед за ними был поднят подвесной мотор и по спущенному веревочному трапу на борт шхуны вскарабкались пассажиры.

– Добрый день, Олег Михайлович, – поздоровался со Щукиным подполковник Гаврилов. – Познакомьтесь, – и он представил своих спутников. – Герман Викторович Никольский и Борис Сергеевич Морозов. Они опытные кардиологи и желали бы сию же минуту осмотреть вашего больного, чтобы определить – насколько он готов к перемещению в наш мир.

– Понятно, Владимир Николаевич. – Щукин улыбнулся. – Надеюсь, коллеги, вы проинформированы о том, где находитесь и какой сейчас год на дворе.

– Мы в курсе, – кивнул Гаврилов, – только давайте займемся больным. А обо всем остальном поговорим чуть позже.

– Степан Михайлович, – Олег повернулся к капитану «Ласточки», который уже закончил подъем на борт надувной лодки, – мы сейчас отправимся к нашему пленнику, а вы подумайте – где можно будет разместить на ночлег наших гостей.

– Уму непостижимо, – сказал Гаврилов по дороге к выгородке, где под присмотром Никифора Волкова находился мистер Уркварт, – мы в XIX веке! Знаю, что чудо это вполне рукотворное, но в голове как-то не укладывается...

– Ничего, коллега, скоро привыкнете. – Щукин усмехнулся. – У меня у самого поначалу ум за разум заходил. Одно могу сказать – скучать вам здесь не придется. Экстрима – пруд пруди. Если наш пленник оклемается и заговорит, то мы столько нового и интересного узнаем... Все, пришли.

Сидевший на пустом бочонке казак вскочил с места и схватился за свою чудо-нагайку, увидев незнакомых людей. Щукин успокоил его:

– Свои, Никифор, свои. Это лекари, которые посмотрят – что стряслось с этим мистером. Ты выйди, тут и так тесно. Пусть люди работают без помех.

Пока врачи осматривали Уркварта, задавая ему вопросы о самочувствии по-английски, тот особого беспокойства не проявлял. Видимо, поняв, что влип – причем влип капитально – он, похоже, уже смирился со своей участью и внешне ничем не проявил удивления от неожиданного визита незнакомых ему людей.

Но когда высокий и плотный Морозов поставил рядом с шотландцем чемоданчик, достал из него портативный электрокардиограф и начал расстегивать жилет и рубашку на груди Уркварта, чтобы приладить электроды, пациент задержался и оказал сопротивление.

– Будьте вы прокляты, русские варвары! – заорал он. – Что за новую жестокую пытку вы придумали! Лучше убейте меня сразу – я все равно вам ничего не скажу!

– Успокойтесь, мистер Уркварт, – Щукин попытался утихомирить разбушевавшегося шотландца. – Вам никто ничего плохого не собирается делать. Наши врачи сейчас осмотрят вас с помощью этого прибора и установят – что у вас с сердцем. Им надо это для того, чтобы точно знать – как вас лечить.

Уркварт перестал дергаться и с изумлением наблюдал за тем, как из прибора жужжа выползает лента с ЭКГ. Он, естественно, не понимал – что означают странные кривые и зигзаги на этой ленте, но то, что здесь имеет место быть очередная тайна, он уже догадался.

– В общем так, пациент нуждается в госпитализации и стационарном лечении, – после небольшого консилиума заявил Герман Никольский. – Как я понял, вы можете провести обратную эвакуацию нас в Питере. Думаю, что за сутки-двое ничего с ним не случится. Мы будем наблюдать за вашим пленником и в случае чего окажем ему первую помощь. Сейчас с ним останется Борис Сергеевич, а потом я его сменю.

– Ну вот и отлично, – со вздохом облегчения произнес Щукин. – А то мы тут уже совсем расстроились – уж больно ценный «язык» загибал ласты. Ведь мы-то за ним в Лондон сгоняли, выцарапали его оттуда, а тут вот такое... Ну, давайте, пойдем отсюда. Если что, зовите на помощь. Вот вам рация – как пользоваться, знаете?

– Знаю, знаю, доводилось с ней работать, – Морозов усмехнулся и, мельком оглядев портативную радиостанцию, сунул ее в карман. – Идите, побеседуйте, а я тут и без вас управлюсь.

Они вышли на палубу шхуны, которая под всеми парусами шла курсом на Кронштадт, и направились в каюту-радиорубку. Там их ждал изнывающий от любопытства Попов. Конечно, он понимал, что все то, что ему удастся узнать, он вряд ли сможет кому-либо рассказать. Тайна пришельцев из будущего не подлежит разглашению. Ведь даже Геннадий Невельской, его однокашник по Морскому корпусу, отказался сообщить ему что-либо о подполковнике Щукине и его спутниках. Отставной мичман ни за что не поверил бы, что можно путешествовать во времени, если бы сегодня не увидел собственными глазами, как это все происходит. И ему

ужасно захотелось побывать в том таинственном будущем, откуда в их мир пришли такие люди, как подполковник Щукин, его дочь и Вадим Шумилин...

* * *

После переговоров по радиации с Петербургом Щукин передал капитану «Ласточки» новую вводную – идти не в Санкт-Петербург, а в Ораниенбаум. Там можно будет пришвартоваться у пристани, выгрузить пленника и врачей, а также остальных пассажиров. После этого шхуна может следовать в Торговый порт, где ее разгрузят, а прибывший на борт «Ласточки» батюшка заставит экипаж дать клятву не рассказывать никому о том, что им довелось увидеть. Матросы же будут целовать крест в подтверждение своей клятвы.

Большой дворец в Ораниенбауме принадлежал любимому брату Николая I, великому князю Михаилу Павловичу. Тот всецело был предан императору. Поэтому Николай решил сам встретить «Ласточку», поблагодарить Щукина со товарищи за удачное путешествие и уже оттуда посуху отправить мистера Уркварта на Черную речку, где британца перебросят в будущее через межвременной портал. Там же, в Большом дворце, можно будет разместить на время и охотников за «Джеймсом Бондом XIX века», благо места свободного во дворце много. Пусть они пару дней поживут там, погуляют по прекрасному Верхнему парку, полюбуются на Китайский дворец и на крепость Петерштадт, резиденцию несчастного императора Петра III, свергнутого с трона своей супругой Екатериной и задушенного в Ропше.

Щукин прикинул, что предложение императора вполне правильное – действительно, не стоило «Ласточке» заходить в Торговый порт с мистером Урквартом на борту. Наверняка среди портовых чиновников есть люди, оказывающие тайные услуги британцам. Правда, как сообщили ему по радиации, основное внимание заграничная английская агентура сейчас уделяет оставшемуся в Норвегии «Богатырю». Какие-то подозрительные личности под разными предлогами пытаются проникнуть на борт парохода-фрегата, расспрашивают его моряков, стараясь вызнать подробности путешествия в Англию. Не исключено, что британская агентура в балтийских портах России тоже озадачена поиском бесследно сгинувшего мистера Уркварта.

В Большом же дворце Ораниенбаума путешественники и их пленник будут находиться в полной безопасности. Великий князь Михаил Павлович

в последнее время сильно болел и редко покидал дворец. Супруга же великого князя, принцесса Вюртембергская Фредерика Шарлотта Мария – в православии великая княгиня Елена Павловна – была женщиной умной, покровительствовала художникам, писателям и актерам. Она также занималась благотворительностью. По ее инициативе во время Крымской войны была создана Крестовоздвиженская община сестер милосердия, которые прошли обучение под руководством великого русского хирурга Николая Ивановича Пирогова, с которым они потом уехали в осажденный Севастополь. Щукин прикинул, что с великой княгиней император сумеет договориться.

А на шхуне тем временем все шло своим чередом. Медики из будущего наблюдали за британским пациентом, который уже перестал шарахаться от электрокардиографа и терпеливо переносил все врачебные процедуры. Ухудшения в его самочувствии не наблюдалось, но после консилиума Герман Никольский и Борис Морозов заявили, что с их точки зрения было бы лучше, если Уркварта как можно быстрее эвакуируют в будущее и положат в стационар.

– Друзья мои, – сказал Никольский подполковникам Щукину и Гаврилову, – я могу понять ваше желание поработать, гм, с вашим клиентом, что называется, не отходя от кассы. Только, вы уж простите меня, во время вашего общения у нашего британского друга может внезапно случиться инфаркт, и оказать ему полноценную помощь мы вряд ли сможем. В нашем же времени беседы с больным – а я считаю мистера Уркварта больным, а не симулянтom – будут проходить под врачебным наблюдением, и в случае ухудшения его самочувствия в его распоряжении будет реанимация и медикаменты, словом, все то, что необходимо в подобных случаях.

– Да мы, собственно, и не возражаем, – ответил Щукин, – тем более что с вами, медиками, спорить – себе дороже. Мы сделаем все, как скажете. Со своей стороны мы обеспечим вам полную безопасность. Знаете ли, были здесь случаи, когда некоторые темные личности пытались устроить нам большие неприятности.

Подполковник Гаврилов, бывший в курсе всех приключений пришельцев из будущего, согласно кивнул головой. Перед отправкой в XIX век он получил подробный инструктаж от куратора, а также рекомендации по поводу обеспечения безопасности своих современников в прошлом. Проанализировав все там происходящее, куратор проекта пришел к выводу, что глобальные перестановки в высших эшелонах власти и действия, предпринятые службой графа Бенкендорфа в отношении британской

агентуры в России, должны вызвать активизацию антиправительственных сил, которые могут привести к негативным для власти последствиям, вплоть до физического устранения императора. Потому подполковник Гаврилов и был направлен в прошлое, так сказать, на усиление. Кроме того, благодаря стараниям Антона Воронина удалось наладить работу вновь созданных передвижных «машин времени», которые могут теперь открывать порталы для перехода из будущего в прошлое практически в любой точке земного шара. Переброска медиков с помощью агрегата, установленного на пограничном катере, стала своего рода испытанием возможностей нового портала.

Теперь, в случае необходимости, из будущего можно перебросить в прошлое и среднегабаритную военную технику, и небольшие боевые корабли, и прочие грузы, которые могут понадобиться императору и русской армии. Естественно, что при этом будут направлены и специалисты для обучения хроноаборигенов работе на этой боевой технике, средствах связи и прочих девайсах. Кандидатуры советников из будущего сейчас обсуждаются на самом высшем уровне.

Впрочем, на первом этапе было решено заняться прежде всего обеспечением внутренней безопасности государства. Вчерне об этом было обговорено ранее, во время недавнего визита Александра Христофоровича Бенкендорфа в будущее. Теперь же устная договоренность должна будет превратиться в полноценный письменный договор между правителями России XIX и XXI веков.

Подполковник Щукин, как человек, уже успевший стать своим для императора Николая I, подсказал своему коллеге линию поведения. Было решено, что для более успешного ведения дел следует задействовать и Александра Павловича Шумилина. Щукин посоветовал Гаврилову по прибытии в Петербург откровенно переговорить с ним и разработать совместный план ведения межвременных переговоров.

Ну, а Сергеев-младший, не вникая во все эти тонкие материи, просто мечтал поскорее увидеть милую Адини. Он скучал по этой полудевочке-полуженщине, такой милой, нежной и трогательно-беззащитной. Судя по всему, в Петербурге произошли какие-то положительные подвижки, о чем ему было передано по рации, впрочем, не уточняя подробности. Также Николаю сообщили, что, скорее всего, среди прочих, на пирсе в Ораниенбауме его будет встречать и Адини. От этого известия сердце у него забилося часто-часто, а дыхание неожиданно перехватило от радости и нежности.

Шхуна «Ласточка» миновала устье Нарвы и, следуя вдоль берега

Финского залива, приближалась к Ораниенбауму. Вскоре на горизонте появился Кронштадт. Взяв чуть правее, Попов направился к пристани Рамбова – так моряки называли Ораниенбаум. На причале, у входа в Морской канал, ведущий к воротам Большого, или Меншиковского, дворца, стояла группа людей. Подполковник Щукин поднес к глазам мощный бинокль. Он увидел высокую фигуру царя, приникшую к отцу Адини и знакомые лица Шумилина и Сергеева-старшего.

Надежда нетерпеливо выхватила у отца бинокль и начала искать среди встречающих Дмитрия Соколова. Найдя его, она радостно воскликнула и, сорвав с шеи косынку, стала размахивать ею у себя над головой.

Увидев среди стоящих на причале императора, Попов немного оробел и срывающимся от волнения голосом приказал команде спустить паруса и приготовиться к высадке пассажиров на берег и выгрузке их багажа.

– Спасибо, Степан Михайлович, – сказал на прощанье Щукин, пожимая руку владельцу «Ласточки», – вы очень выручили нас. Думаю, что государь по достоинству оценит все ваши старания, и я снова увижусь с вами в самое ближайшее время. Помяните мое слово...

Вот мы и дома!

«Ласточка» медленно и осторожно – «на цыпочках», как сказал Щукин – подошла к причалу. Несколько дворцовых слуг – из числа кронштадтских моряков, обслуживающих пристань Большого дворца – ловко поймали бросательные концы и стали заводить швартовы на чугунные кнехты. На шхуне выбросили за борт сплетенные из пенькового троса кранцы. Еще пара минут, и она пришвартовалась к причалу, а на берег был опущен трап.

Первым на пристань шагнул Олег Щукин. Улыбаясь, он подошел к императору и, приложив руку к морской шапочке – подарку Степана Попова – приготовился доложить царю об успешном окончании трудного и опасного задания. Но Николай жестом остановил подполковника и, подойдя к нему, крепко обнял за плечи.

– Олег Михайлович, – император был взволнован и с трудом подбирал слова, – если бы вы знали – сколько седых волос появилось у меня за время вашего отсутствия. Я уже был не рад, что разрешил вам отправиться в это рискованное путешествие. Но вот я снова вижу вас, живого и здорового. И все ваши спутники – тоже прибыли в Россию в полной целости и сохранности.

Николай еще раз обнял Щукина, а потом расцеловал его.

«Ну, прямо, как “дорогой Леонид Ильич”, – в голове Олега мелькнула шальная мысль. – Если он сейчас начнет здесь, прямо на причале, ордена раздавать, то я, ей – богу, не выдержу и рассмеюсь».

Но до орденов дело не дошло, хотя император и намекнул, что все участники лондонского вояжа будут щедро ими награждены.

Так же тепло Николай приветствовал лейтенанта Невельского и Вадима Шумилина. Надежде Щукиной царь галантно поцеловал ручку и непроизвольно подкрутил усы. Старого ловеласа, пожалуй, могла исправить только могила. Наблюдавший за всем этим майор Соколов едва заметно поморщился.

Император пожал руку Сергееву-младшему, внимательно взглянув в глаза своему будущему зятю. Похоже, что некоторые сомнения, которые бродили еще в голове самодержца, уже рассеялись. Он по-отечески похлопал своего тезку по плечу и сказал, указав ему рукой в сторону встречающих:

– Ступай-ступай, тебя там уже ждут...

Правда, царь не сказал – кто именно ждет, но это было ясно и без слов

– нарядно одетая Адини просто сияла от счастья и с большим трудом сдерживала себя, чтобы не захлопать в ладоши и при всех не броситься на шею своему любимому Николаю.

Тем временем Щукин познакомил императора с подполковником Гавриловым. Правда, о нем Николай уже кое-что слышал от графа Бенкендорфа. Царь с любопытством посмотрел на человека, посланного из далекого будущего, несомненно, кем-то из высокого руководства. Тепло поприветствовав нового человека «оттуда», Николай решил при первой же возможности поговорить с Гавриловым тет-а-тет.

Потом с «Ласточки» на носилках вынесли мистера Уркварта, накрытого с головой клетчатый шотландский пледом. Щукин и Гаврилов, посоветовавшись с медиками, решили дать британцу снотворного, чтобы он на время отключился и не видел – куда он попал. Пусть сэр Дэвид спит невинным сном младенца. Потом его ночью в закрытой карете вывезут на Черную речку и отправят через временной портал напрямик в XXI век. К тому же Уркварт, похоже, уже догадался – к кому именно он попал, и с некоторым страхом начал поглядывать на Щукина и его коллег, бормоча что-то под нос насчет выходцев из адского пекла.

Николай познакомился с медиками из будущего, вежливо поблагодарил за помощь и с ходу предложил остаться в Петербурге, чтобы начать здесь обучать молодых врачей всем премудростям медицины их времени. Никольский и Морозов, видимо, заранее проинструктированные на случай подобных приглашений, отказываться не стали, обещав внимательно обдумать предложение императора и лишь потом дать ответ.

Среди встречавших была и хозяйка Большого дворца – великая княгиня Елена Павловна – бывшая вюртембергская принцесса. Шестнадцать лет назад она приняла православие, став супругой великого князя Михаила Павловича. Эта дама бальзаковского возраста выглядела моложе своих тридцати трех лет. У нее были голубые глаза и золотистые волосы. Щукин вспомнил, что великая княгиня обладала поистине энциклопедическими знаниями, о чем не раз упоминали в своих записках Пушкин и Тургенев.

– Очень рада познакомиться с вами, господа, – произнесла Елена Павловна на довольно хорошем русском языке, практически без акцента. – Я счастлива, что вы оказали честь быть моими гостями. Прошу вас проследовать во дворец, где вы сможете привести себя в порядок после долгой дороги и немного отдохнуть.

Шхуна «Ласточка» тем временем уже успела сняться со швартовых, подняла паруса и взяла курс на Петербург. Стоявший на ее палубе Степан

Попов лишь качал головой, наблюдая за тем, что происходит на пристани. Он уже понял, что согласившись взять в Норвегии на борт таинственных незнакомцев, тем самым оказался втянутым в большую политику, в которой жизнь человеческая не стоит и гроша. А после того, как ему стало известно, что его пассажиры – пришельцы из будущего, он решил во что бы то ни стало побывать в этом самом будущем.

«Будь что будет, – думал капитан «Ласточки», – в конце концов, ходить по морям – это тоже небезопасно. Но зато я смогу прикоснуться к Великой Тайне, которую в этом мире знают немногие. Пришельцы из будущего живут среди нас, помогают нам. Может быть, и я чем-то смогу оказаться им полезен. Ведь, как я понял, нашу матушку Россию в скором времени поджидают страшные беды. И эти люди желают спасти Отечество от грозящих нам напастей. Значит, мое место среди них».

Но пришельцы из будущего в данный момент меньше всего думали о спасении мира. Они просто радовались возвращению домой и встрече с родными и близкими.

Николай и Щукин не спеша шагали вдвоем, на некотором удалении от всех, и подполковник рассказывал императору о своих приключениях в Англии.

Надежда весело щебетала с майором Соколовым, шутила, рассказывала ему о своих приключениях в Лондоне, и они время от времени начинали громко смеяться, не обращая никакого внимания на окружающих, которые укоризненно поглядывали на влюбленных.

Шумилин беседовал о чем-то с графом Бенкендорфом. А Виктор Сергеев шел рядом с сыном и Адини. Похоже, что великая княжна уже успела шепнуть на ухо своему любимому о том, что их брак теперь вполне реален, и Николай чувствовал сейчас себя самым счастливым человеком на свете. Император, разговаривая со Щукиным, время от времени через плечо бросал взгляд на дочь и ее жениха и улыбался. Адини снова была весела, хандра ее куда-то делась, и похоже, что здоровью ее теперь ничто уже не угрожало.

Великая княгиня Елена Павловна нашла себе собеседника в лице Вадима Шумилина. Этот молодой человек весьма удивил ее, как своими познаниями в науках, так и манерой держаться. С людьми, подобными сыну «тайного советника императора» – так с некоторых пор в высшем свете стали называть Шумилина-старшего – ей еще не приходилось встречаться. Острый ум вюртембергской принцессе подсказывал ей, что Вадим и его товарищи прибыли откуда-то издалека, из некой таинственной страны, где живут удивительные люди, которым известно то, что

неизвестно самым прославленным европейским ученым. Император уже намекнул своей невестке, что в ее дворце какое-то время проживут не совсем обычные люди. И теперь великая княгиня лично убедилась, что император сказал ей истинную правду.

Миновав ворота и войдя в Нижний парк, они поднялись по высокой лестнице к входу в Большой дворец. Встретившие их слуги проводили гостей в отведенные им покои.

Майор Соколов лично проконтролировал, чтобы дворцовые служащие аккуратно перенесли все вещи прибывших, а также упакованную в старый парус резиновую лодку и подвесной мотор в комнату без окон и с крепкими засовами. После того, как помещение было закрыто и опечатано, у его дверей был выставлен круглосуточный пост.

Мистера Уркварта несколько крепких лакеев в сопровождении медиков из будущего отнесли во дворец императора Петра III. Там он должен был находиться до тех пор, пока врачи посчитают его транспортабельным. Вокруг дворца был тоже выставлен круглосуточный караул. Командовать им было поручено Никифору Волкову. Император, приветствуя своего старого знакомого, сообщил, что казак стал «вашим благородием» – за участие в английской экспедиции ему присвоен чин хорунжего.

– Господа, – сказал император перед тем, как отправиться в отведенную для него «царскую» половину дворца, – отдыхайте, приводите себя в порядок, а через три часа я буду иметь удовольствие отобедать вместе с вами. Там мы сможем поговорить о наших общих делах. Еще раз спасибо вам за все...

* * *

Стол для приглашенных на обед был накрыт в большом кабинете дворца. Для того чтобы в процессе приема пищи можно было поговорить без посторонних, лакеи заранее принесли с кухни еду, сервировали стол и покинули кабинет.

Когда двери за ними закрылись, император предложил присутствующим садиться за стол. Дважды повторять свое приглашение ему не пришлось. Изрядно проголодавшиеся путешественники сразу же стали накладывать в тарелки еду и яростно работать челюстями. Николай, хрустевший своим любимым соленым огурцом, с улыбкой поглядывал на них. Когда первый голод был утолен, самодержец выразительно посмотрел на всех. Стук вилок и бряканье бокалов, как по команде, стихло.

– Друзья мои, – произнес император, – я очень рад, что вы все вернулись целыми и невредимыми из опасного вояжа. И не просто вернулись, а вернулись победителями. Вы сумели захватить одного из самых опасных наших противников, который сделал немало зла для России. Можете быть уверены – все содеянное вами будет оценено нами по достоинству. Я надеюсь, что и все последующие дела, за которые вы возьметесь, будут так же успешно исполнены.

Николай поднял к губам бокал с шампанским, дождался, когда все присутствующие выпьют, и снова поставил бокал на стол. Он не любил винопитие и, по возможности, воздерживался от употребления спиртного.

Щукин, сидевший по правую руку царя, нагнулся к уху Николая и тихо произнес:

– Ваше величество, я уже успел переговорить с подполковником Гавриловым и рад сообщить вам, что от нашего руководства получено согласие на передачу вам образцов военной техники XXI века. Когда и против кого все это будет использоваться, мы с вами обсудим позднее, в более узком кругу.

Николай понимающе кивнул и тронул Олега за рукав:

– Олег Михайлович, я надеюсь, что вместе с образцами вашей техники к нам будут направлены и люди, которые умеют этой техникой управлять. Они должны научить моих подданных пользоваться ею. Но перед этим стоит продумать – где должно проходить обучение и как соблюсти тайну всего происходящего. Ведь было бы крайне нежелательно, чтобы обо всем происходящем узнал кто-то, кому это знать не следовало бы.

Шумилин, сидевший рядом с сыном и великой княгиней Екатериной Павловной, обратил внимание на беседу императора с подполковником Щукиным. Он понимающе усмехнулся – началась большая политика, в которую лучше лишний раз не соваться. Хотя, если император захочет услышать его мнение, он не откажется это сделать. Скорее всего, так оно и будет. Николай в последнее время часто советовался с ним, особенно по вопросам, связанным с тем, что касалось общения с представителями власти России XXI века. Историки напрасно считали императора Николая I человеком безрассудным и склонным к поспешным решениям. Когда это было надо, император тщательно обдумывал свои поступки и прислушивался к словам ближних советников.

Заметив взгляд своего старого приятеля, Щукин, воспользовавшись тем, что Николай отвлекся на мгновение, отвечая на вопрос Адини, лукаво подмигнул Шумилину – дескать, не бойсь, все будет нормально. Мол, за твоей спиной я никаких лишних телодвижений делать не намерен.

Александр в ответ тоже подмигнул Олегу.

А пока друзья-приятели перемигивались, Сергеев-младший и Адини, сидевшие рядом за столом, чувствовали себя на седьмом небе от счастья. Адини рассказала своему любимому о том, что ее отец-император фактически дал добро на их брак. Так что остались лишь некоторые формальности, выполнив которые, можно будет объявить о помолвке и назначить день свадьбы. Николай готов был прямо здесь расцеловать Адини, а та с трудом удерживала себя от того, чтобы не броситься на шею своему любимому Николя.

Подданные Российской империи, впервые севшие за один стол с императором, чувствовали себя несколько скованно. Особенно это касалось Никифора Волкова, который даже и не мечтал когда-нибудь получить офицерский чин и отобедать вместе с государем-императором. Он прикинул – как удивились бы его земляки-станишники, если бы им удалось увидеть его сейчас.

Лейтенанту Невельскому, воспитателю сына императора, великого князя Константина, с императором не раз довелось видеться, и даже разговаривать с ним. Но оказаться с ним за одним столом, можно сказать, в домашней обстановке, ему еще не приходилось.

А вот майор Соколов, уже попавший в круг «посвященных», чувствовал себя довольно непринужденно, он с большим удовольствием слушал рассказ Надежды Щукиной, которая с юмором рассказывала ему о своих приключениях в Британии. Дмитрий смеялся, но сердце у него сжималось при мысли о том, что эта замечательная девушка могла погибнуть в этой проклятой Англии. Он накрыл ее маленькую, но сильную ручку своей ладонью, и сердце у него забилося, почувствовав ответное рукопожатие.

Идиллию и благодушное настроение неожиданно нарушил Александр Шумилин, который негромко произнес:

– Друзья мои, конечно, вы поработали на славу, но хочу вам сказать, что британцы скоро придут в себя и попытаются вам отомстить. И не только вам. Надо ждать от них разных пакостей в отношении России. Они не простят нам похищения Дэвида Уркварта.

В кабинете на мгновение наступила тишина. Ее прервал сильный и уверенный голос императора Николая, который поднялся со своего места и словно навис над сидящими за столом.

– Господа, мы понимаем, что борьба с Британией на этом не кончилась. Но мы не сложим оружие. С вашей помощью мы создадим специальную службу, которая будет наносить ответные удары по врагу.

Хватит нам в ответ на пощечину подставлять другую щеку.

Император снова сел за стол. Надежда Щукина, затаив дыхание выслушавшая короткую речь самодержца, неожиданно в восторге захлопала в ладоши. Николай поморщился, но не стал останавливать ее.

– Ваше величество, – сказал Александр Шумилин, – вы абсолютно правы. Лучший способ обороны – это наступление. И со зловредной Британией лучше воевать на их территории. Конечно, сейчас еще нет той службы, о которой вы сейчас говорили, а потому ее необходимо создать как можно быстрее. Об этом, как я полагаю, озаботятся подполковник Щукин и его коллеги. И подполковник Гаврилов прибыл сюда, по всей видимости, именно для того, чтобы оказать реальную помощь в оснащении будущего спецподразделения соответствующим оружием и снаряжением.

Гаврилов, внимательно слушавший Шумилина, коротко кивнул. О своих полномочиях и задании, полученном на самом высшем уровне, он предпочел бы побеседовать с императором с глазу на глаз. Перед отправкой в прошлое он имел беседу с первым лицом государства, который заявил ему на прощание:

– Помните, что встреча с императором Николаем Павловичем, на которой вы озвучите наши предложения, должна быть приватной, но в присутствии подполковника Щукина, как руководителя отдела «Х», и Александра Павловича Шумилина, который является негласным лидером группы первопроходцев во времени. К его мнению царь прислушивается.

Пришло время начать планомерное наступление на Британию. Правда, для этого у России еще нет достаточных сил и средств. Ваша задача – подготовить их. Предварительный разговор с графом Бенкендорфом уже состоялся, но Александр Христофорович по вполне понятным причинам не был уполномочен решать все эти вопросы без санкции императора. Я вручу вам мое личное послание к самодержцу, которое вы должны ему передать. Это будет своего рода верительная грамота.

* * *

Разговор в Ораниенбауме, во дворце великого князя Михаила Павловича, имел продолжение. Идея создания имперского спецназа давно уже запала в душу Николая. Он рассчитывал, что отборные части, подчинявшиеся напрямую монарху, могут не только проводить дерзкие операции на чужой территории, но и быть чем-то вроде преторианской гвардии, которая защитит его и императорскую семью во время возможной

смуты.

То, что произошло 14 декабря 1825 года на Сенатской площади, он запомнил на всю жизнь. Николай не мог забыть тот страшный день, когда он выехал из Зимнего дворца, втайне смирившись с мыслью, что может назад и не вернуться. Разброд и шатание царило в гвардейских частях. Лейб-гвардии Московский и Гренадерский полки взбунтовались, к ним присоединился и Гвардейский флотский экипаж. И если бы не верность лейб-гвардии Саперного батальона, которым Николай командовал, еще будучи великим князем, то мятежники вполне могли бы захватить Зимний дворец и убить всю его семью. От воспоминаний о том, что случилось тогда, в декабре 1825 года, у императора снова защемило сердце.

Дергающаяся в нервном тике голова императрицы – горькая память о том, как смутьяны – выходцы из знатных и богатых семей – решили «поиграть в революцию». Нижние чины были ими просто обмануты, а вот господа офицеры всерьез рассчитывали захватить власть в государстве, превратив Россию в конфедерацию мелких территориальных образований, где править будут избранные из их среды «бонапартики».

Впрочем, как Николай понял из той информации, которую он получил от майора Соколова, новый мятеж в России пока не предвиделся. Перешептывания, крамольные разговоры в салонах, пасквилы и фронда в высших слоях общества, обострившаяся после отставки графа Нессельроде – вот, пожалуй, и все, на что оказались способны те, кто был недоволен внешней и внутренней политикой императора. Но ведь и дворяне, которые вышли 14 декабря на Сенатскую площадь с оружием в руках, начинали с легкомысленной болтовни в масонских ложах и на веселых пирушках гвардейских офицеров. Людям с оружием нельзя заниматься политикой.

Императора несколько удивила кандидатура того, кого предложили ему в качестве командира будущего спецназа. А именно – поручика Тенгинского пехотного полка Михаила Лермонтова. Николай запомнил дерзкие стихи этого офицера, написанные им сразу же после гибели на дуэли камер-юнкера Пушкина. В них поручик Лермонтов открыто пригрозил божьим судом тем, кто, по его мнению, «жадной толпой стоял у трона». А значит, косвенно, и тому, кто на этом троне сидел. Приносили императору и списки других, не менее дерзких стихотворений поручика Лермонтова. Господа же из будущего, несмотря на все это, предлагают назначить его главой будущего элитного подразделения.

Николай за время общения с людьми из XXI века понял, что самый лучший способ ведения с ними дел – быть полностью откровенным во всем, не пытаясь юлить и обманывать их даже в мелочах. Потомки были

людьми, не склонными к политесу, и, что называется, резали правду-матку, невзирая на чины и титулы. Надо сказать, что такая манера поведения даже чем-то импонировала Николаю.

Ведь тот же граф Нессельроде, готовя для него доклады, старался преподнести произошедшее за рубежом так, чтобы все им изложенное понравилось императору. А то, что при этом значительная часть важной, но не всегда приятной для самолюбия самодержца информации утаивалась, графа совершенно не волновало. Именно такие верноподданнические доклады и привели в конечном итоге Российскую империю к неудачной для нее Крымской войне. Это Николай узнал из книг, которые передали ему гости из будущего, а также из тех донесений русских посланников, которые поступили в свое время из-за границы и были утаены графом Нессельроде от него.

Поэтому император напрямую спросил у подполковника Щукина – почему он считает, что именно поручик Лермонтов должен возглавить будущий спецназ.

– Видите ли, ваше величество, – ответил Олег, – мы предполагаем, что первоочередная задача имперского спецназа – это действия по пресечению враждебных России вылазок британских агентов на Кавказе. Войну эту надо кончать, и чем быстрее, тем лучше. Поручик Лермонтов воевал там, он хорошо знает противника, понимает его психологию. Кроме того, в нашей истории Лермонтову довелось командовать подразделением, которое отлично показало себя, выполняя задачи, схожие с действиями нашего спецназа. Поручик сумел найти общий язык со своими подчиненными, людьми бесшабашными и привыкшими воевать самостоятельно. К тому же Лермонтов – человек, привыкший к импровизациям, умеющий в любой ситуации находить выход из создавшегося трудного положения.

Так что, ваше величество, мы полагаем, что после соответствующей подготовки в наших учебных подразделениях поручик Лермонтов сумеет научиться новым приемам ведения боевых действий в горах и методике проведения спецопераций. Он также научится пользоваться нашей техникой и оружием. Ну, а мы, в свою очередь, постараемся объяснить ему, что служба России – это именно то, ради чего стоит жить и умирать русскому офицеру. К тому же поручик Лермонтов будет несколько ограничен в принятии единоличных решений. Мы дадим ему хорошего начальника штаба, из НАШИХ офицеров, который имеет опыт ведения боевых действий на Кавказе. И все решения поручик Лермонтов будет согласовывать с ним.

– Ну что ж, – задумчиво произнес Николай, – вы меня убедили. Но все

же мне хотелось быть абсолютно уверенным в том, что поручик Лермонтов останется верным присяге, которую он уже принес мне лично, как самодержцу, и не применит полученные у вас знания против верховной власти.

– Думаю, что все будет в порядке, ваше величество. – Подполковник Щукин посмотрел на императора и улыбнулся.

Николай покачал головой, но ничего не сказал. Люди из будущего, такие, как ему казалось, простые и открытые – как говорится, душа нараспашку, порой выглядели довольно циничными и жестокими. Воспитанного в рыцарских традициях императора порой даже коробило от их слов. Но в то же время он прекрасно понимал, что именно такие люди могут успешно вести борьбу с теми же британцами, которые были давно уже не джентльменами и, не задумываясь, организовывали убийства монархов, которые становились для них слишком опасными. Николай хорошо помнил печальную судьбу своего отца, императора Павла I, который был убит русскими, но само цареубийство было оплачено британским золотом.

– Да, ваше величество, врага надо бить его же оружием, – неожиданно для Николая прозвучал спокойный голос подполковника Щукина.

Император вздрогнул. Ему вдруг показалось, что этот человек умеет читать чужие мысли.

– Вести с подлецами войну по-рыцарски – это значит, заранее обречь себя на поражение, – сказал Олег. – Вы, ваше величество, наверное, считаете, что это недостойно для честного человека. Но мы полагаем, что лучше отправить в ад десятка полтора таких вот подлецов, чем допустить, чтобы начались боевые действия, в ходе которых погибнут десятки и сотни простых русских мужиков, одетых в солдатские мундиры. Я понимаю, что правителю государства трудно сделать подобный выбор, но это тот крест, который правитель, взойдя на трон, взваливает на себя.

– Вы правы, Олег Михайлович, – усталым голосом произнес император. – Но если бы вы знали – как горька для меня ваша правда. Я уже сделал свой выбор и потому заранее одобряю все, что вы сочтете нужным сделать. Только скажите мне – как и где вы собираетесь искать людей, которые войдут в создаваемый вами спецназ?

– Ваше величество, – ответил подполковник Щукин, – прежде всего мы посмотрим на солдат и офицеров, воюющих сейчас на Кавказе. Немало достойных бойцов и среди терских и кубанских казаков. Наглядный пример – Никифор Волков, который практически уже готовый спецназовец. Думаю, что для отбора кандидатов нам понадобится не так уж много времени.

– Что ж, Олег Михайлович, приступайте к формированию первой роты российского спецназа, – поднявшись со стула, сказал Николай, – желаю вам удачи. С Богом!

Британия готовит реванш

Таинственное исчезновение мистера Уркварта для большинства простых британцев осталось незамеченным. Но власть предержащие были серьезно обеспокоены этим происшествием. Если один добропорядочный сэр может быть похищен прямо в метрополии, то сие означает, что и остальные джентльмены не могут чувствовать себя в полной безопасности.

На поиск мистера Уркварта и его похитителей были брошены секретные агенты как в самом королевстве, так и работающие в европейских странах. Конечно, подозрения сразу же пали на русских – ведь именно с ними сэр Дэвид вел многолетнюю и упорную войну. Вспомнили также таинственных гостей княгини Ливен и спешный выход в море русского парохода-фрегата «Богатырь» как раз накануне похищения мистера Уркварта.

Потом из Норвегии пришло сообщение о том, что в порт Кристиансанн вошел изрядно поврежденный штормом русский пароходо-фрегат «Богатырь» и встал там на ремонт. Как удалось выяснить британскому агенту в Норвегии, ремонт мог продлиться недели две-три. Агент работал под крышей представителя голландской компании, торгующей продовольствием. Ему удалось проникнуть на пароходо-фрегат, но никаких следов пребывания там мистера Уркварта им обнаружено не было.

Однако на русском корабле помимо матросов и морских офицеров находились какие-то странные люди. Агент хорошо знал русский язык, и из разговоров членов экипажа фрегата понял, что эти люди, хотя и не знатные, но держатся довольно независимо и считаются близкими как к самому императору Николаю, так и к тайному советнику царя, господину Шумилину. А вот это было весьма интересно.

Формальных поводов задержать русский пароходо-фрегат в норвежском порту у британцев не было. Да и власти Кристиансанна вряд ли стали бы удерживать русский военный корабль в своем порту. Ссориться с Россией у них не было никакого желания. Но в открытом море могли произойти разные «случайности». Например, «Богатырь» по выходу из норвежского порта мог быть перехвачен в Северном море отрядом британских кораблей и под угрозой немедленного потопления дать согласие на допуск на свой борт досмотровой партии. Если русские согласятся, то отряд морских пехотинцев арестует этих странных людей,

как подозреваемых в похищении или убийстве мистера Уркварта.

Если же русские, известные всему миру своим строптивым и гордым нравом, откажутся допустить к себе на борт досмотровую партию и попытаются оказать сопротивление, то «Богатырь» просто-напросто бесследно исчезнет, как исчезают многие корабли, поглощенные морской пучиной. Уцелевших русских тайно поместят в одну из секретных тюрем королевства, где тщательно допросят с пристрастием – а британцы умели пытать не хуже азиатских палачей – после чего они будут все убиты. Никто ничего не узнает, и все будет шито-крыто.

Идея, предложенная одним из лордов Адмиралтейства, пришлась по душе виконту Мельбурну – премьер-министру Англии. Но поскольку дело, ими задуманное, было весьма деликатным, то, по общему согласию, никаких письменных указаний на сей счет решили не давать. А для начала в Кристиансанн отправить агента – опытного офицера разведки королевского военно-морского флота, который должен был провести на месте рекогносцировку, дабы определить точное время окончания ремонта русского пароходо-фрегата и оценить его боевые возможности. С агентом в норвежский порт также должны отправиться двое крепких парней, умеющих выполнять деликатные поручения, обученных владению холодным и огнестрельным оружием. Если странные русские рискнут сойти на берег, то их нужно будет попытаться похитить, или, в крайнем случае, ликвидировать. В их распоряжении в Кристиансанне будет постоянно находиться быстроходная яхта, на которой пленников можно будет, в случае необходимости, доставить в один из британских портов.

А находящиеся в Кристиансанне Шумилин-младший и Игорь Пирогов, не подозревая ничего худого, занимались каждый своим делом. На ремонтируемом пароходо-фрегате было много работы, и Пирогов, как человек флотский, помогал, чем мог, своим коллегам. По вечерам он вместе с Николаем Карловичем Краббе и офицерами «Богатыря» в кают-компании травил морские байки, слушать которые обожают все моряки. Игорь был хорошим рассказчиком, и на его «творческие вечера» забредал даже сам командир «Богатыря», капитан-лейтенант фон Глазенап. Правда, Пирогову приходилось опускать при этом некоторые моменты, которые были бы не совсем понятны для моряков XIX века.

Вадим Шумилин тоже не зря ел свой хлеб. Он обеспечивал безопасность, наблюдая за теми, кто старался под разными предлогами попасть на русский корабль. Многие приходили с коммерческими предложениями, предлагая по самой низкой цене, как они говорили – «почти даром» – поставить для нужд экипажа провизию, или «построить

для господ офицеров нарядную форму из самого лучшего в мире материала». Среди них были и откровенные любопытные, которым просто хотелось посмотреть вблизи на русский военный корабль. Были и весьма подозрительные личности, за которыми следовало смотреть в оба и не пускать их туда, куда не следовало.

Особенно не понравился Вадиму один настырный коммерсант, который предложил капитан-лейтенанту фон Глазенапу купить у него партию голландских сыров «Олд Датч Мастер» по весьма сходной цене. При этом этот торговец все норовил заглянуть в трюм и в жилые помещения пароходо-фрегата, внимательно прислушиваясь к разговорам моряков. Хотя перед этим он заявил, что русского языка не знает и общаться с ним следует исключительно по-английски, Вадим подозревал, что подозрительный торговец все же понимал кое-что по-русски. Но сей факт пока не был доказан.

Как оказалось, Игорю Пирогову этот господин тоже категорически не понравился. Шумилин-младший посоветовался с лейтенантом Краббе, после чего решил установить за этим коммерсантом особый надзор и попытаться выведать все, что было о нем известно. Николай Карлович имел счастливый талант – быстро сходиться с ранее неизвестными ему людьми. Уже через пару дней он узнал от своих новых норвежских приятелей, что сей сыроторговец не голландец, как он изначально представился, а самый настоящий британец. Он действительно занимался коммерцией, но, по мнению тех же норвежцев, не только ею одной.

Он много путешествовал – что для коммерсанта было вполне естественно, – но при этом интересовался не только ценой на товары в разных городах Норвегии, но и тем, что торговца не должно было интересовать. А именно: количеством солдат в гарнизоне того или иного порта, расположением береговых батарей, а также количеством пушек, установленных на них, и их калибром. Словом, по мнению некоторых норвежцев, Питер Бенсон – так звали этого коммерсанта – был британским шпионом. Но, что называется: не пойман – не вор. Да и подобными субъектами, по мнению норвежцев, должна заниматься полиция, а рыбакам и морякам и своих забот хватает.

Лейтенант Краббе предложил Вадиму пустить по следу этого мистера Бенсона одного из матросов с «Богатыря», чтобы узнать – с кем он встречается и где обитает. На примете у Николая Карловича был матрос 1-й статьи – шустрый ярославец Семен Самохин. С разрешения капитан-лейтенанта фон Глазенапа его освободили от всех корабельных обязанностей и передали в полное распоряжение Краббе и Шумилина.

Вадим, как мог, обучил Самохина азам оперативно-розыскной деятельности.

Во время очередного визита Бенсона на «Богатырь» тот снова попытался сунуть нос в помещения парохода-фрегата и получил, как всегда, от ворот поворот. Обиженный шпион откланялся, спустился по трапу на причал и уныло побрел в город. Вслед за ним с корабля сошел на берег и Семен Самохин. Он со скучающим видом направился вслед за Питером Бенсоном. Британец направился в район Старого рынка, где остановился и внимательно осмотрелся. Семен едва успел спрятаться за угол дома.

Не заметив ничего подозрительного, Бенсон зашел в трактир, в котором любили посидеть за стаканчиком рома и кружкой пива моряки с кораблей, стоявших в порту Кристианнсана. Там он подошел к столику, за которым сидел человек, одетый в цивильное платье. Но по манере держаться и властному выражению лица нетрудно было догадаться, что это – офицер, причем морской. Почтительно сняв шляпу, Бенсон попросил разрешения и, получив его, сел за стол рядом с офицером.

– Мистер Говард, – сказал негоциант, – русский корабль будет стоять в Кристиансанне еще как минимум две недели. Эти данные абсолютно точные – я получил их от владельца судоремонтного завода, который изготавливает для парохода-фрегата новые детали для паровой машины взамен поломанных.

– Прекрасно, Бенсон, – мистер Говард улыбнулся и похлопал своего собеседника по плечу, – я думаю, что к тому моменту, когда «Богатырь» будет готов к выходу в море, к Кристиансанну успеют подойти наши фрегаты. Тогда русские окажутся в ловушке. Им не останется иного выхода, как согласиться выдать нам тех русских, которые нас интересуют. Подумайте, может вам удастся похитить их раньше, чем русский корабль выйдет из порта. Это было бы более удачным и менее хлопотным для нас способом выполнить поставленную перед нами задачу.

– Хорошо, я подумаю, мистер Говард, – кивнул головой Бенсон. – Хотя это и будет сделать довольно сложно. Но мы – британцы, и нам ли бояться трудностей!

* * *

Когда праздник в честь благополучного возвращения путешественников подошел к концу, наступили суровые будни. Пленника

отправили через портал на Черной речке в будущее, где им с ходу занялись сначала медики, которые обещали в максимально короткое время поставить его на ноги, после чего передать британского резидента другим «специалистам», которые могут заставить людей вспомнить даже то, о чем те предпочитали забыть навсегда.

А два подполковника отправились в усадьбу Сергеева-старшего, где решили не спеша поговорить о текущих делах на лоне природы. Ведь побеседовать им было о чем. Как глава отдела «Х» Олег Щукин имел право принимать любые решения в ситуациях, которые он считал чрезвычайными. А подполковник Гаврилов, в свою очередь, должен был помочь шефу претворить эти решения в жизнь. По замыслу первого лица государства, они должны были образовать некий мощный тандем, который мог бы более активно и с большим эффектом проводить спецоперации в XIX веке. Им обещали обеспечить их всеми необходимыми для этих спецопераций образцами вооружения и оборудования.

Преуспевающий помещик Виктор Сергеев встретил своих гостей радушно. Он приказал истопить баньку, чтобы путешественники от души попарились и сполоснули свои тела, после чего пригласил их за накрытый стол, на котором уже благоухали ароматом тарелки с украинским борщом и чугунок с гречневой кашей. Тут же стояли глиняные блюда с солеными огурцами, маринованными грибами и жареным мясом. Выпив по рюмочке водки с гостями, хозяин дождался, когда они насытятся, после чего велел слугам убрать со стола. Потом он тактично удалился, предоставив подполковникам поговорить наедине.

В начале беседы Гаврилов сообщил Щукину, что Антон Воронин сумел далеко продвинуться в совершенствовании своей машины времени. Теперь она могла перемещать из будущего в прошлое довольно большие по размерам предметы. Сейчас он работал над тем, чтобы добиться открытия портала в прошлое, при этом сместив место его открытия от места размещения машины времени в будущем километров на пятьсот-шестьсот. Пробные попытки смещения подтвердили, что это вполне возможно. Сейчас Антон занимался доводкой своей машины и рассчитывал закончить работу через несколько дней. Нашлось решение и еще одной важной задачи – Антон теоретически обосновал возможность открытия портала из прошлого в будущее. По его заказу «контора» достала для изобретателя дефицитные детали и оборудование. Антон самозабвенно работал над совершенствованием своего детища, забывая порой поесть и оставляя для сна всего несколько часов в сутки.

– Отличная новость! – воскликнул Олег, узнав, что в прошлое скоро

пойдут крупногабаритные грузы. – Это значительно упростит нам переброску военной техники из нашего времени в прошлое. И возможно, что все это понадобится нам в самое ближайшее время. Знаете, коллега, никак у меня не выходит из головы мысль о том, что британцы решат отомстить нам за похищение мистера Уркварта и устроят какую-нибудь подлянку. Скорее всего, они захотят отыграться на наших ребятах, которые остались в Норвегии. Ведь им до них легче всего добраться.

– Я тоже подумал об этом, – кивнул головой Гаврилов. – А нет ли у вас новых известий от них? Как там обстоят дела, и скоро ли закончится ремонт «Богатыря»?

– Информация здесь перемещается со скоростью пожилой хромой черепахи, – невесело пошутил Щукин. – Радиостанции у нас пока недостаточно мощные, телеграфные линии отсутствуют напрочь, а своего рода «экспресс-доставка» – это голубиная почта. Но она ненадежна, так как крылатые «почтальоны» периодически становятся жертвами охотников или хищных птиц. Есть, конечно, так называемый оптический телеграф, который связывает Петербург и Варшаву. Кстати, действует он достаточно оперативно – телеграмма, посланная из столицы, поступает в Варшаву через двадцать две минуты. Так вот, сообщение, отправленное неделю назад капитан-лейтенантом фон Глазенапом с борта русского торгового корабля, следовавшего в Ригу, было передано позавчера днем на станцию оптического телеграфа в Риге, а оттуда – в Петербург. Краткое содержание депеши следующее: «Ремонт затягивается, обнаружены новые повреждения, приблизительные сроки его окончания – две недели». А про какие-либо неприятности, угрожающие нашим коллегам, в нем нет ни слова.

– Так это было неделю назад, – заметил Гаврилов, – но с тех пор могло многое измениться. Эх, как сейчас нам нужна устойчивая радиосвязь! Собственно говоря, Олег Михайлович, радиостанция на «Богатыре» есть. Ведь вы забрали на «Ласточку» ту радиостанцию, которой пользовались во время вашей лондонской эпопеи. Она была легкой и компактной, но недостаточно мощной. А вторая радиостанция, установленная на «Богатыре», на нем и осталась. Она, как я слышал, более мощная, но дотянуть до Петербурга ей вряд ли удастся.

– А другой радиостанции здесь нет? – поинтересовался Гаврилов. – Может быть, нам стоит запросить из будущего комплект радиостанций большой мощности? Скажите, когда у нас будет очередной сеанс связи через здешний портал?

– Сейчас я спрошу у нашего гостеприимного хозяина, – Щукин встал с

лавки, открыл дверь в коридор и крикнул: – Виктор Иванович! Будь добр, зайди к нам!

Через пару минут в комнату вошел Сергеев-старший. Он с любопытством посмотрел на своих гостей.

– Иваныч, мы тут хотели с тобой посоветоваться, – Щукин жестом указал отставному майору на табуретку. – Посиди-ка с нами. Мы тут голову ломаем над одной проблемой. Может ты, как человек опытный, нам чего и подскажешь.

– Может, и подскажу, – кивнул Сергеев. – Два ума, как говорится – хорошо, а три – еще лучше. Что там у вас такое стряслось?

– Тут вот какое дело, – начал Гаврилов, – нам нужно как можно быстрее связаться с нашими ребятами, которые остались в Норвегии. Есть подозрение, что британцы там готовят им какую-то бяку. У вас нет в наличии мощной радиостанции?

– Есть несколько КВ-радиостанции малой мощности, – ответил Сергеев, – но до Норвегии они вряд ли дотянут. Для этого нужно что-нибудь помощнее. Сегодня будет кратковременный сеанс связи с будущим. Так что можно будет сделать заявку. Вот только рассматривать ее будут долго. Боюсь, что когда мы получим требуемое, надобность в нем уже отпадет.

– Ну, я знаю одно волшебное слово, – усмехнулся Гаврилов, – которое заставит наших тыловигов выполнить заявку в максимально быстрые сроки. Так что, Виктор Иванович, все будет тип-топ.

– Вот тут что я подумал, – произнес Олег Щукин. – А что, если попробовать связаться с «Богатырем» не в телефонном режиме, а в телеграфном? Ведь тогда можно увеличить дальность связи. Я, к примеру, еще не забыл, как надо работать ключом. А ты, Иваныч, не помнишь – Пирогов или Шумилин-младший знают азбуку Морзе?

– Ха, так Вадим на срочной службе был радиотелеграфистом. У него даже классность была, – воскликнул Сергеев. – Так что – давай радиостанцию, и мы запросто свяжемся с Норвегией. Вот только откуда Вадим узнает, что мы выйдем в эфир в телеграфном режиме?

– Когда мы готовились к отплытию на «Ласточке» в Питер, – сказал Щукин, – то договорились с ними, чтобы они раз в день в 20:00 по Москве прослушивали частоты, на которых мы, возможно, выйдем с ними на связь. Думаю, что они это делают. Так что, если Вадим услышит в эфире морзянку, то он сразу же поймет, что это мы. Ведь другой действующей радиостанции в этом мире еще нет и в ближайшее время вряд ли появится. К тому же Сэмюэль Морзе изобрел свою телеграфную азбуку всего лишь

два года назад.

– Отлично, так мы и сделаем, – подполковник Гаврилов тут же, что называется, не отходя от кассы, достал из кармана свой блокнот и начал писать в нем докладную о необходимости наладить устойчивую радиосвязь.

А Виктор Сергеев стал прикидывать – что еще попросить у этого подполковника, который, как выяснилось, имеет право заказывать в будущем любые, самые дефицитные вещи...

* * *

О встрече фальшивого «голландского коммерсанта» с британским военным – Семен Самохин клялся и божился, что человек, с которым мистер Бенсон общался в трактире, был именно офицер и, скорее всего, военно-морского флота – было доложено Вадиму Шумилину и капитан-лейтенанту фон Глазенапу. После небольшого совещания было решено подвести Самохина к британскому шпиону – теперь уже никто не сомневался, что мистер Бенсон именно им и является.

Вадим переговорил с Семеном. Парень оказался сообразительным и быстро понял, что от него требуется. Он согласился войти в доверие к англичанину и, прикинувшись простаком, склонным к дармовой выпивке, регулярно докладывать мистеру Бенсону о том, что происходит на борту «Богатыря». Разумеется, его рассказы будут «дезой», которая введет в заблуждение британскую агентуру.

Кроме того, Вадим снабдил Семена малогабаритным передающим устройством, с помощью которого можно будет прослушивать разговоры британского шпиона с его подельниками.

В свою очередь, капитан-лейтенанта фон Глазенапа попросили запретить вход на пароходо-фрегат всем посторонним лицам. Мотивироваться это должно ложной информацией о том, что кто-то из гостей украл из каюты капитана дорогой секстант. «Богатырь» теперь могли посещать лишь рабочие, производившие ремонт парового двигателя и гребных колес. Причем все они должны находиться отныне под бдительным оком вахтенных матросов и офицеров.

Когда раздосадованный мистер Бенсон, которого завернули у трапа парохода-фрегата, стоял на причале и ломал голову – как ему попасть на «Богатырь», к нему пошатываясь подошел Семен Самохин и ненавязчиво поинтересовался – не может ли господин торговец ссудить его парой-

другой медных скиллингов.

– Выпить хочется, дружище, мочи нет, – сказал Семен шпиону на ломаном английском языке, жестами показывая, как он опрокидывает в рот чарку спиртного.

Как и предполагал Вадим Шумилин, мистер Бенсон знал русский язык. Именно на нем он ответил Самохину, что пару скиллингов он ему даст, а еще лучше будет, если они вместе завернут в ближайший кабачок, где выпьют по стаканчику рома за знакомство.

Выпивка затянулась. Бенсон то и дело подливал ром в стакан Семену, а тот, изображая вдрызг пьяного, разоткровенничался со своим новым знакомым. Он хвастал, что знает все, что происходит на пароходе-фрегате. Рассказал он и о неких странных особах, которые не являются членами команды «Богатыря», но, судя по тому, как к ним относятся офицеры корабля, весьма важные особы.

– Верь моему слову, Петруха, – так Семен стал запросто называть Бенсона, – непростые это люди. Они целыми днями о чем-то совещаются с нашим командиром, а потом стоят на шканцах и все смотрят куда-то в подозрную трубу. На берег они не ходят, будто опасаются чего-то.

Выпив еще немного, Самохин засобирался на корабль, сказав на прощание, что послезавтра он снова будет на берегу. И если «Петруха» захочет с ним снова увидеться, то пусть приходит сюда, в кабак. При прощании Семен дружески обнял мистера Бенсона, незаметно засунув ему под воротник булавку с передающим устройством.

Теперь можно было прослушивать все переговоры британского шпиона. Первым его собеседником стал некий Джон, которого Бенсон послал за мистером Говардом. Разговор двух британцев оказался весьма содержательным.

Перво-наперво, Бенсон рассказал своему куратору – а по содержанию беседы стало ясно, что мистер Говард в этом деле руководитель – все, что ему удалось узнать от «пьяной русской свиньи». Взвесив все за и против, мистер Говард предложил Бенсону с помощью «завербованного» им русского моряка организовать похищение людей, которые так интересовали британское правительство.

Для этого надо было выманить их в порт. То, что русские на пароходе-фрегате наблюдают за морем, словно ждут кого-то, говорило о том, что возможно в самое ближайшее время к ним может прибыть подкрепление. А это может спутать все карты британцам. Ведь атака двух русских кораблей в открытом море может закончиться и неудачно: неизвестно – на каком именно корабле будут находиться таинственные пассажиры «Богатыря». К

тому же в Кристиансанн может зайти многопушечный линейный корабль, с которым британским фрегатам, возможно, будет и не справиться. Так что вариант с захватом русских на берегу – самый идеальный вариант.

Мистер Говард поинтересовался у своего собеседника – нет ли у него на примете дюжины головорезов, которые, в случае чего, смогут осуществить захват. Бенсон пообещал, что он знает десятка полтора костоломов, которые, по его словам, «готовы за деньги отправиться хоть в ад, чтобы притащить оттуда за хвост самого Сатану». Но для того, чтобы нанять их, понадобятся время и деньги. На что мистер Говард заявил, что с деньгами у него проблем не будет, а вот времени может и не хватить. Так что надо поторопиться.

Прослушав запись этого содержательного разговора, Вадим Шумилин и капитан-лейтенант фон Глазенап стали обсуждать создавшуюся ситуацию. А она была тревожной. Во-первых, стало ясно, что при выходе «Богатыря» из норвежского порта его могут ждать в море британские фрегаты. Фон Глазенап категорически заявил, что выполнять требования британцев он не будет и выдавать своих пассажиров, даже под угрозой немедленного потопления, не станет.

– Офицерская честь и честь Андреевского флага не позволят мне сделать то, что потребуют от меня эти британские наглецы, – решительно сказал командир «Богатыря». – Они возомнили себя хозяевами морей и океанов. Надо поставить их на место.

Вадим посоветовался на этот счет с Игорем Пироговым. Тот покачал головой и сказал, что он, с одной стороны, полностью согласен с фон Глазенапом, но, с другой стороны, ему не хочется, чтобы из-за них погиб в неравном морском бою пароходо-фрегат и его экипаж.

– Лучшим выходом было бы перещелкать на берегу бандитов, которых наймет этот шпион Бенсон, после чего попытаться пробраться через территорию Швеции в Великое княжество Финляндское. А может быть, и напрямик в Россию. Вот только как это сделать?

– Эх, была бы у нас связь с Питером, – с горечью сказал Вадим. – Кстати, у нас скоро время сеанса радиосвязи. Конечно, я сижу у радиостанции больше для проформы, но чем черт не шутит... Может быть, наши ребята подсустились и сумели раздобыть радиостанцию помощнее.

Ровно в 20.00 Вадим расположился у радиостанции и стал внимательно прослушивать эфир на оговоренных частотах. В эфире царила первобытная тишина. Еще бы – радиосвязь в этом мире еще напрочь отсутствовала, и в наушниках лишь изредка раздавалось потрескивание и шипение атмосферных помех.

Но вот Вадим услышал что-то до боли знакомое. Он даже не поверил своим ушам: в наушниках пищала морзянка... «Ти-та-та, ти-та, та-ти-ти, ти-ти, та-та...»^[1]

Вадим вспомнил азбуку Морзе, которую он когда-то учил на срочной службе в учебке. В эфире кто-то работал телеграфным ключом, причем работал медленно, иногда срываясь. Чувствовалось, что этот неизвестный азбуку Морзе знал, но давно за ключ не садился. Неизвестный радист выстукивал его имя.

Вадим достал из коробки телеграфный ключ, которым до сих пор не пользовался из-за его ненадобности, и так же медленно отстучал в ответ: «ЩРЖ». Неизвестный корреспондент перестал вызывать его и ответил: «ЩТЦ».

Едва успев схватить со стола лист бумаги и карандаш, Вадим начал записывать группы радиogramмы. Закончив ее прием, он отстучал: «ЩСЛ», потом добавил «Вадим», и принял в ответ: «Та-та-та, Ти-та-ти-ти, ти, та-та-ти».^[2]

– Понятно, – с улыбкой пробормотал Вадим, – сам шеф сел за ключ.

Он еще раз прочитал принятую радиogramму, подумал и отправился искать Игоря Пирогова. Было над чем поломать голову...

Ждем и верим

В полученной из Петербурга радиограмме говорилось, что британцы, по всей видимости, захотят поближе познакомиться с теми, кто похитил или убил мистера Уркварта. А потому Вадиму Шумилину и Игорю Пирогову предписывалось вести себя осторожно и попросить командира «Богатыря» капитан-лейтенанта фон Глазенапа как можно быстрее заканчивать ремонт, после чего выйти в море.

«В случае же, если вам будет грозить реальная опасность, немедленно сообщите об этом нам, – говорилось в радиограмме. – Появилась возможность оказать вам в любой момент всю необходимую помощь».

А вот это уже было интересно. Похоже, что Антон Воронин сумел значительно расширить возможности своего агрегата. Только вот насколько – это было не совсем понятно. Впрочем, все можно будет выяснить во время следующего сеанса радиосвязи, который должен состояться через восемь часов. Пока же необходимо проанализировать то, что удалось узнать в ходе прослушки британского шпиона.

– Слушай, Вадим, – сказал Игорь Пирогов, – а мы сами сможем справиться с мордоворотами, которых собирается нанять Бенсон? Конечно, у нас есть оружие, всякие там броники и радиостанции. Но ведь они будут иметь значительное преимущество перед нами, потому что могут напасть на нас внезапно. К тому же на их стороне будет численное превосходство. Можно, конечно, отсидеться на «Богатыре», но это означает, что мы подвергнем смертельному риску экипаж пароходо-фрегата.

– Я все прекрасно понимаю, Игорь, – вздохнул Вадим, – ведь мы с тобой уже не раз говорили на эту тему. Можно, конечно, рискнуть и попытаться перебить всех головорезов, которых сумеет нанять Бенсон. Но что будет, если кто-нибудь из нас попадет к ним в руки? Знаешь, я тут на досуге перечитал кое-что о том, как пытаются в британских тюрьмах. И я не уверен, что смогу выдержать все эти жуткие пытки и не признаться, что я пришел в их мир из будущего. А вот этого лаймиз знать не положено.

– Эх, если бы нашим удалось перебросить сюда через портал хотя бы пяток спецов... – Игорь Пирогов даже зажмурился, представив, как «вежливые люди» в полной снаряге превращают британских мордоворотов в воробыный корм. – Мы бы за пару минут порешали бы проблему мистера Бенсона вместе с самим мистером Бенсоном.

– А что бы ты сделал с британскими фрегатами? – спросил Вадим. – О

них не забыл? Инглизы – народ упрямый, и они будут всеми силами стараться выполнить приказ своего начальства. Слушай, ты во флотских делах разбираешься лучше меня. Скажи, чем можно быстро и надежно уделать фрегат середины XIX века?

– Можно, конечно, закатить им торпеду в борт, – мечтательно, закатив глаза к подволоку, произнес Игорь Пирогов. – Только надо из чего-то ее выпустить. То бишь должен быть в наличии торпедный аппарат. Если бы корабли стояли на якоре, с ними могли бы качественно разобраться наши «ихтиандры». Знавал я в свое время кое-кого из них. Только маловероятно, что британские корабли будут торчать как неприкаянные у Кристиансанна и ждать, когда их заминируют. Артиллерия, которая могла бы работать против них, имеется только на крупных кораблях. Тут орудие менее чем три дюйма, не катит. Корабли здешние хотя еще не имеют бронирования, но построены добротнo и крепко. Малокалиберные снаряды могут, конечно, изрядно проредить их команду, посечь такелаж, снести рангоут, словом, попортить им фасад. Но опасные повреждения фрегатам вряд ли они нанесут.

– А если ракеты? Ведь небольшие корабли нашего флота вооружены ракетами, – спросил Вадим.

– Ну, ты еще скажи, что по этим фрегатам надо «Синевой» бабахнуть или «Калибром», – усмехнулся Пирогов. – Хотя, конечно, если кому бы из британцев при этом посчастливилось бы уцелеть (в чем я глубоко сомневаюсь), его до самой смерти закрыли в Бедлам, где бы он нес ложку в ухо и гадил под себя. Ладно, Вадим, не будем гадать. Ты постарайся так набросать текст радиogramмы, чтобы наши в Петербурге все сразу поняли – что к чему, и прикинули – чем можно нам помочь. Думаю, что они уже стоят на низком старте и, разобравшись в наших реалиях, сразу же начнут действовать...

Все случилось, как и предполагал Пирогов. После того как Вадим отстучал депешу в Петербург, ему передали, чтобы он теперь каждый час выходил в эфир и был готов к приему срочной радиogramмы. Хорошо, что хозяйственный Сергеев-младший (весь в папашу!) при отправлении из Питера захватил с собой в поход запасной комплект аккумуляторов. Чтобы они не сдохли в самый неподходящий момент, теперь на одном комплекте постоянно работала радиостанция, а второй в это время заряжался с помощью бензинового генератора, который попал на борт «Богатыря» благодаря хомячьим замашкам Николая Сергеева...

Сообщение о том, что британцы решили всерьез заняться оставшимися в Норвегии русскими, вызвало в Петербурге большую

озабоченность. Царю и графу Бенкендорфу было решено пока об этом не докладывать. Сгоряча они могли наломать немало дров, что вряд ли помогло бы Вадиму Шумилину и Игорю Пирогову. Тут как раз подоспел очередной сеанс связи с будущим. Олег Щукин отправил в XXI век подполковника Гаврилова, чтобы тот доложил о неожиданно возникшей проблеме и мог прикинуть со специалистами – что можно сделать для наших людей, застрявших в Кристиансанне.

– Прошу, – сказал Олег на прощание Гаврилову, – постараться решить этот вопрос в максимально короткий срок. Неизвестно, сколько времени осталось в нашем распоряжении. Вполне вероятно, что британские фрегаты уже вышли в море, а агентура англичан уже нашла людей, которые попытаются провести силовой захват Вадима и Игоря. Теперь кто-то из нас будет по очереди постоянно дежурить на Черной речке, чтобы оперативно получать информацию из будущего. А я, в свою очередь, тут же буду передавать ее в Норвегию.

И еще – надо не просто вытащить «Богатырь» из Кристиансанна. Надо проучить этих наглых британцев так, чтобы они в море за версту обходили корабли под Андреевским флагом. Если у наших, там, в XXI веке, дела пошли в гору и появились новые возможности в использовании портала, то надо ковать железо, пока оно горячо. Гаврилов отправился в будущее, а Олег – к Шумилину-старшему, чтобы обсудить с ним создавшуюся ситуацию. Тот уже вкратце был в курсе дела. Конечно, Александр переживал за своего сына, которому, как выяснилось, угрожала вполне реальная опасность. Он даже попробовал завести со Щукиным разговор о том, чтобы ему самому отправиться в Норвегию. Но Олег лишь отмахнулся от своего друга – дескать, найдутся люди и помоложе тебя, которые, если что, наведут порядок в Кристиансанне.

– Ты, Палыч, главное не суетись, – сказал Щукин. – Я тебя прекрасно понимаю и сам готов от души навалить инглизам. Но я, как и ты, впрочем, специалисты в подобных делах хреновые. Я полагаю, что нам пришлют тех, кто в этом деле собаку съел.

– А как они до Норвегии доберутся? – поинтересовался Шумилин. – Ведь тут главное – фактор времени. Если что, можно было несколько 100-пушечных линкоров Балтийского флота туда отправить. Только вот Портсмут находится гораздо ближе от Норвегии, чем от Кронштадта.

– Твой приятель Антон сообщил, что он теперь может забрасывать в прошлое людей и предметы чуть ли не в любую точку земного шара. Правда, насчет крупногабаритных объектов у него пока не очень хорошо получается. Но он продолжает работать над совершенствованием своего

детища. Так что смешно будет, если он закинет в XIX век «Кузю» со всеми его самолетами, или «Искандер»...

– А на кой черт они тут нужны? – Александр пожал плечами. – Им здесь и воевать-то не с кем. Вот парочку десантных кораблей с техникой и морпехами, да танкеры с нефтью для их дозаправки... Это было бы в самый раз. Только давай сначала закончим все наши дела в Норвегии.

В этот самый момент запищал вызов рации Щукина. Он схватил ее и включил на громкий прием.

– Олег Михайлович, – раздался голос Сергеева-младшего, – тут к нам из XXI века подполковник Гаврилов вернулся. С ним «живой привет» и еще кое-что. Жду вас на Черной речке. До связи!

– До связи, – машинально сказал Щукин. – Ну, что, Шурик, – по коням!

Русские своих не бросают...

«Живым приветом» из будущего оказался старший лейтенант ГРУ, прибывший через портал с кучей разной аппаратуры. Тут были и мощные радиостанции, и армейский квадрик с пулеметом «Печенег», и кое-что из оружия. Главное же – старший лейтенант привез план операции по вызволению изрядно загостившегося в Норвегии «Богатыря» со всем его экипажем и пассажирами.

«Наверху» решили провести всю операцию в два этапа. Первый – уничтожение бандитов мистера Бенсона с захватом их главаря и, по возможности, его шефа, мистера Говарда, который, по наведенным капитан-лейтенантом фон Глазенапом справкам, действительно был офицером военно-морского флота Британии.

Эту часть операции должен был выполнить прибывший из будущего старший лейтенант Нестеров. После совещания с двумя подполковниками и Шумилиным он должен был снова отбыть в будущее и уже оттуда стартовать в Норвегию. И не один, а с группой «спецов». План же уничтожения бандитов заключался в следующем.

Семен Самохин, который уже полностью вошел в доверие к британцу, должен был на очередной с ним встрече проболтаться, что, дескать, «Богатырь» уже практически закончил ремонт и через пару дней собирается выйти в море и взять курс на Кронштадт. А накануне выхода офицеры парохода-фрегата будут отмечать сие знаменательное событие в мэрии Кристиансанна, куда их пригласили представители местной власти. Кстати, так именно и произошло. Норвежцам понравились клиенты, которые хорошо оплатили ремонтные работы и вели себя в порту на удивление тихо и спокойно, в отличие, скажем, от тех же шведов, которые отличались буйным нравом и дурной привычкой чуть что хвататься за ножи.

Большую часть матросов парохода-фрегата отправят до вечера в увольнение. На самом же «Богатыре» останется лишь вахтенная команда и таинственные пассажиры, которые категорически отказываются сходить на берег. Семен довольно натурально пустил слезу перед мистером Бенсоном, пожаловавшись ему, что, дескать, он, бедняга, вместо похода по местным кабакам, будет стоять на вахте и наблюдать за весельем своих сослуживцев с палубы парохода-фрегата.

Мистер Бенсон должен, просто обязан был клюнуть на эту наживку.

Он наверняка воспользуется таким суперудачным стечением обстоятельств и попытается проникнуть на борт «Богатыря» со своей бандой. Чтобы стоявшие на вахте матросы не мешали им, он, скорее всего, предложит Семену халявную выпивку – бочонок рома, – в который намешает какую-нибудь гадость: или отраву, или снотворное. Ну, а потом всю спящую вахту бандиты прирежут, интересующих британцев людей уволокут на берег, а в крюйт-камеру пароходо-фрегата налетчики заложат адскую машину, которая сработает вскоре после их ухода. Таким образом, все концы будут спрятаны в воду. Местные власти все свалят на варваров-русских, которые с перепою устроили на корабле пожар и тем самым погубили его.

Если все произойдет именно так, то на борту «Богатыря» головорезов Бенсона будут ждать не спящие мертвым сном вахтенные, а «спецы» из ГРУ, которые аккуратно отправят их всех в «места вечной охоты». Учитывая, что бандиты, скорее всего, являются далеко не самыми законопослушными жителями Кристиансанна, местная полиция вряд ли станет их особо искать, так же как и тех, кто их убил.

– Все это, конечно, замечательно, – сказал Олег Щукин, выслушав старшего лейтенанта, – только что будет, если Бенсон со товарищи не рискнут напасть на стоящий в порту «Богатырь»?

– Тогда фрегат утром просто спокойно выйдет в море, – ответил Нестеров. – Единственно, что случится – головорезы Бенсона останутся живы, но, как я полагаю, это не должно нас особо расстроить.

– Да, но в таком случае в открытом море пароходо-фрегат будут поджидать британские фрегаты, – хмуро произнес подполковник Гаврилов. – И вряд ли «Богатырь» сумеет с ними справиться.

– А вот об этом – вторая часть предложенного нам плана, – ответил Нестеров. – Руководство дало отмашку, и в XIX век будет переброшен через портал патрульный катер проекта 14310 «Мираж». Он несет флаг Пограничной службы ФСБ России, то есть весь экипаж этого корабля – двенадцать человек: два офицера, три мичмана и семь старшин и матросов – подобран из заслуживающих доверие кадров ФСБ.

– Гм, а что патрульный катер может сделать против фрегатов? – скептически произнес Александр Шумилин. – Ведь у него тоннаж всего каких-нибудь сто тонн...

– Ну, не сто тонн, а чуть побольше, – сказал Нестеров, – сто двадцать семь тонн. Но, как говорят в народе – мал золотник, да дорог. Его максимальная скорость – 50 узлов, дальность плавания экономическим ходом – 1500 миль.

– Неплохо, неплохо, – кивнул Щукин. – А как у него с вооружением? Я

слышал, что с пушками у этого класса кораблей негусто.

– Насчет пушек да, не очень, – согласился Нестеров. – Шестиствольная установка АК-306 – это, конечно, не 100-миллиметровка типа АК-100. Но очередь 30-миллиметровых осколочно-фугасных зажигательных снарядов – тоже не подарок для деревянного парусного корабля. А два крупнокалиберных 14,5-мм пулемета на тумбовых установках могут неплохо поработать по шлюпкам и прочим мелким плавсредствам. Но у этих корабликов есть еще кое-что, от чего даже большим фрегатам поплохеет...

– Вы имеете в виду «Штурм»? – спросил подполковник Гаврилов, который, как оказалось, неплохо разбирался в морских вопросах. – Да, это солидно, ничего не скажешь.

– «Штурм»... – Щукин почесал затылок, видимо, вспоминая что-то, – доводилось мне видеть это изделие на вертолетах во время командировок в Чечню. Только ракета там называлась немного по-другому, кажется, «Атака»...

– Все правильно, товарищ подполковник, – улыбнулся Нестеров. – Именно «Атака». У нас специалисты подсчитали, что одна такая ракета с БЧ комбинированного – фугасного и объемно-детонирующего действия, сможет сделать неслабую дыру в борту деревянного парусного корабля. Как-никак фугасность БЧ – девять с половиной килограммов в тротиловом эквиваленте. Ну, и зажигательное действие – его тоже не стоит сбрасывать со счетов.

– Да, – Щукин покачал головой, – от такого «подарочка» любой здешний фрегат пойдет ко дну. А какова дальность стрельбы этими самыми «Атаками» и сколько их на борту у этого маленького, но зубастого кораблика?

– Дальность стрельбы вполне достаточная – шесть-семь километров, наводиться на цель ракета может по лазерному лучу или с помощью радиоуправления. Боекомплект – шесть ракет. Наши спецы подсчитали, что на три фрегата этого будет вполне достаточно. Если что, то подранков можно будет добить 30-миллиметровой АК-306...

– Ну, вот и отлично, – плотоядно потирая руки, произнес подполковник Щукин. – Эх, мне бы туда с вами сгонять, в Кристиансанн этот. Хотя, конечно, он – дыра дырой...

– Товарищ подполковник, – Нестеров хитро посмотрел на Олега, – ваше руководство велело особо передать вам, чтобы вы не вздумали больше рисковать и ни в какие авантюры не лезли. Теперь, если что будет надо, вам сюда немедленно все доставят...

– Да я понимаю, – Шукин досадливо махнул рукой. – А что вам еще сказало начальство?

– Товарищ подполковник, была еще одна просьба – найти человека, который хорошо знает порт Кристиансанн и подходы к нему. Конечно, у нас есть свежие лоции, но за сто шестьдесят лет многое изменилось. Да и город выглядит сейчас не так, как в наше время.

– Вполне резонная просьба, – Шукин задумчиво посмотрел на Шумилина. – Василийч, а ведь ты уже догадался – где найти такого человека и как его зовут.

– Ты имеешь в виду капитана «Ласточки»? – спросил Александр. – Степана Михайловича Попова? А что, он действительно именно тот, кто вам нужен. Как я понял, он на своей шхуне регулярно ходит в Кристиансанн и хорошо знает воды, прилегающие к этому порту. Кроме того, Попов уже прикоснулся к нашим тайнам, так что ему все происходящее будет не в диковинку. Кстати, Геннадий Иванович Невельской – его однокашник по Морскому корпусу – сказал, что Попов теперь сам не свой, просит походатайствовать за него, если подвернется возможность побывать в будущем.

Я наведу справки у нашего друга майора Соколова – где в настоящий момент находится Попов. Если он в пределах досягаемости, то пусть наш жандарм везет его сюда. Мы вас, старший лейтенант, вместе с ним и отправим в Норвегию. Кстати, как вас по имени-отчеству? А то как-то неудобно, право слово.

– Валерием меня кличут, – улыбнулся Нестеров. – А по отчеству – Алексеевичем. Надо этого вашего Попова найти побыстрее. Времени у нас осталось мало. А вообще, если честно, то поначалу даже не поверил, когда мне рассказали – куда меня посылают и чем я буду заниматься. А вон оно как все оказалось...

Нашему полку прибыло!

Капитан шхуны «Ласточка», отставной мичман Степан Михайлович Попов, высадив своих необычных пассажиров в Ораниенбауме, отправился прямым ходом в Санкт-Петербург. Там он в порту разгрузил бочки с селедками, после чего отпустил команду на берег, а сам пригорюнился за стаканом рома в своей каюте.

Он никак не мог забыть то, что ему довелось увидеть. Его потряс портал, который чудесным образом открылся посреди моря, и люди из будущего, появившиеся из сияющего изумрудного полуовала. Немудрено, что их в Ораниенбауме встречал лично государь. Отставной мичман вспомнил, как прощаясь с ним старший из пришельцев – подполковник Олег Михайлович Щукин, хитро улыбаясь, выразил надежду снова встретиться с ним. Похоже, что у подполковника действительно в отношении него появились какие-то планы.

Поэтому Степан совсем не удивился, когда через несколько дней на борт «Ласточки» поднялся офицер с аксельбантами флигель-адъютанта. Он представился майором Соколовым и вежливо поинтересовался – не соблаговолит ли господин Попов проехать с ним в одно уединенное место, где с ним можно будет переговорить по одному приватному делу. Лицо майора показалось отставному мичману знакомым. Он вспомнил, что, кажется, он был в числе встречавших «Ласточку» на пирсе в Ораниенбауме.

– Это касается вашего недавнего плаванья в Норвегию, – улыбнулся майор. – Ваше присутствие было бы весьма желательным.

Попов тут же все понял и стал спешно собираться в дорогу. На пролетке, запряженной парой резвых лошадей, они направились в сторону Шлиссельбургского тракта. По дороге он и его новый знакомый вели светскую беседу. Степан рассказал о своих торговых делах – достаточно успешных, и о видах на будущее. Но при этом он ни словом не обмолвился о своих недавних приключениях.

Похоже, что майор Соколов оценил скромность Попова. Он внимательно посмотрел на отставного мичмана, а потом спросил у него:

– Господин Попов, чтобы вам стало немного понятно, сообщу, что вас хочет увидеть подполковник Щукин. Вы помните такого?

Степан криво усмехнулся. Еще бы – ведь такое не забудешь! Он снова вспомнил удивительную лодку, которая с огромной скоростью выскочила

из ниоткуда, и таинственный ящик, с помощью которого можно было разговаривать с людьми, находившимися на расстоянии десятков верст.

– Господин майор, – ответил он, – я прекрасно помню Олега Михайловича и те обстоятельства, вследствие которых мы с ним познакомились. И я буду весьма рад снова с ним встретиться. Как я понимаю, подполковнику понадобилась моя помощь. Если это так, то он может полностью на меня рассчитывать.

– Ну, вот и отлично, – майор Соколов улыбнулся и похлопал Попова по плечу. – Да, не буду скрывать – нам требуется ваша помощь. Могу даже сказать больше – помощь нужна государю. Он принимает участие во всех этих делах. Ну, а о подробностях нам лучше поговорить в усадьбе господина Сергеева. Помните Николая – он был среди прочих на вашей шхуне? Так вот, он сын хозяина усадьбы...

– Он что, тоже из *этих*? – осторожно спросил Попов. – А вы, господин майор?

Соколов рассмеялся:

– Нет, я здешний, не из будущего. Хотя мне там довелось побывать. А вот Виктор Иванович – он из тех. Кстати, он отставной майор. И еще – Степан Михайлович, давайте обращаться друг к другу по имени и отчеству. Дело в том, что, как вы, наверное, успели заметить, люди из будущего не любят титуловать друг друга и общаются попросту, не чинясь. Меня вы можете называть Дмитрием Григорьевичем...

– Хорошо, Дмитрий Григорьевич, – послушно кивнул Попов. – А вы что, хотите отправить меня в будущее?

– Вполне вероятно, – загадочно улыбнулся майор Соколов, – все будет зависеть от многих обстоятельств...

В усадьбе Попова встретил его старый знакомый, Николай Сергеев, и его отец – пожилой господин, улыбчивый и гостеприимный. А вот два человека, которые через пару минут вышли из помещичьего дома, удивили Попова. Одним из них был господин лет пятидесяти-шестидесяти, с короткой седоватой бородкой и изрядными залысинами. Степан вспомнил, что он видел и его в числе встречавших тех, кто прибыл из Норвегии на «Ласточке». А вот второй... Вторым был не кто иной, как граф Александр Христофорович Бенкендорф. При виде его Попов непроизвольно щелкнул каблуками и встал по стойке «смирно».

– Вольно, Степан Михайлович, – добродушно рассмеялся Бенкендорф, – я здесь такой же гость, как и вы. К тому же вы скоро окажетесь в числе допущенных к *тайне*. Вы понимаете – о чем идет речь?

– Догадываюсь, – осторожно произнес Попов, – и буду весьма польщен тем, что оказался достойным быть причастным к этой вашей «тайне».

– Ну, вот и отлично, – кивнул граф, – кстати, хочу вам напомнить, что обо всех этих делах государь знает и оказывает полное содействие.

– Тогда я весь во внимании, – кивнул отставной мичман...

Прежде всего господин с седой бородкой, представившийся как Александр Павлович Шумилин, поинтересовался у Попова – хорошо ли он знает участок моря, прилегающий к норвежскому порту Кристиансанн.

– Нас, Степан Михайлович, интересует вот что – сможете ли вы провести наш корабль в район порта и найти там укромную бухточку, где можно стать на якорь и находиться там незамеченными в течение суток.

Попов, немного подумав, сказал, что такая бухточка есть, и он готов привести туда корабль. Он только посетовал на то, что бухточка эта небольшая и изобилует мелями. Именно потому ею практически не пользуются парусные корабли, и лишь иногда в нее заходят гребные баркасы местных рыбаков.

– Пусть это вас не беспокоит, Степан Михайлович, – сказал господин Шумилин. – Наш корабль невелик по размерам, к тому же он может двигаться и без помощи парусов. Поэтому вам придется побыть лоцманом, хотя у нас и есть приборы, которые и без помощи лота укажут нам безопасные глубины. Но мы не можем рисковать, и ваша помощь нам будет весьма кстати. И еще. Можно ли в этой бухточке найти место, к которому могла бы причалить лодка, чтобы высадить на берег несколько человек с небольшим грузом. Дело в том, что наши друзья, оставшиеся на пароходо-фрегате «Богатырь» в Кристианнсане, остро нуждаются в помощи. И предстоящая экспедиция должна эту помощь им оказать.

– Александр Павлович, – решительно сказал Попов, – помочь своим – это святое дело. Я готов сделать все возможное и невозможное для того, чтобы выручить из беды наш корабль и его экипаж.

– Я рад, что не ошибся в вас! – воскликнул граф Бенкендорф. – Надеюсь, что с вашей помощью мы сумеем спасти «Богатырь» от грозящей ему смертельной опасности.

– А когда мне следует отправиться в будущее? – поинтересовался отставной мичман. – И что для этого я должен сделать?

Господин Шумилин и граф переглянулись.

– Степан Михайлович, – сказал Бенкендорф, – вам придется отправиться в будущее прямо сейчас. Минут через сорок неподалеку отсюда откроется портал, и через него вы в сопровождении нескольких

человек попадете в ХХІ век. Что вам предстоит делать далее, вам объяснят уже на месте. С вашей шхуной все будет в порядке. Мы присмотрим за ней, а все возможные убытки, которые вы понесете из-за вашего отсутствия, вам компенсируют из казны.

Услышав последние слова графа, Попов возмущенно затряс головой, дескать, ни о какой компенсации не может быть и речи...

Бенкендорф и Шумилин еще раз многозначительно переглянулись и кивнули друг другу...

А потом, в сопровождении незнакомого Степану мужчины в странной военной форме, назвавшегося Валерием, он дождался появления на большой поляне неподалеку от старого дуба сияющего изумрудного овала, в котором были видны странные механизмы и не менее странно одетые люди. Вместе с Валерием он шагнул в немного пугающий новый для него мир...

Курс на Балтийск

...Изумрудный овал захлопнулся, и все вокруг отставного мичмана Попова завертелось и закружилось, словно в гигантском калейдоскопе. Темп жизни людей в будущем был совсем не похож на размеренную и неспешную жизнь людей XIX века.

Валерий с улыбкой посмотрел на впавшего в ступор Степана, и, подхватив его под локоток, повел к какому-то странному экипажу, который, как понял Попов, передвигался без помощи лошадей. Забравшись внутрь, они уселись на мягкие сиденья, и самобеглая коляска рванулась с места. Управлял ею человек, сидевший впереди и вращавший небольшое колесо.

Транспортное средство из будущего мчалось с огромной, по мнению Степана, скоростью, по широкому и ровному тракту. Мимо проносились такие же самобеглые экипажи, отличавшиеся друг от друга лишь цветом и размерами, вдоль дороги стояли дома необычной формы, гуляли странно одетые люди. И ни одного всадника или кареты, запряженной лошадьми.

– Куда мы едем? – поинтересовался Попов у своего визави.

– Степан Михайлович, – ответил Валерий, – следуем мы на аэродром, откуда сразу же отправимся в город Балтийск. Там нас уже ждет корабль и дальняя дорога в страну Норвегию.

– Балтийск? – Попов озадаченно почесал затылок. – Что-то я не припомню такого города. И поясните мне – что такое аэродром?

Валерий крикнул и улыбнулся.

– Аэродром – это место, откуда взлетают и где садятся самолеты. Но о них мы поговорим позднее... А Балтийск – это город в Восточной Пруссии, – сказал он. – В вашем времени он назывался Пиллау. После последней войны с немцами часть Восточной Пруссии отошла к России. И бывшие прусские города сменили свои названия. Кёнигсберг, например, сейчас называется Калининградом, а Прейсиш-Эйлау – Багратионовском.

– Надо же! – удивился Попов. – Значит, наши потомки отобрали у пруссаков часть их территории. Молодцы, ей-богу, молодцы!

– Императрица Елизавета Петровна в свое время всю Восточную Пруссию у короля Фридриха II забрала и сделала ее русской губернией, – усмехнулся Валерий. – Только вот императрица Екатерина II ее потом назад вернула. А зря...

– Екатерина Великая? – удивился Попов, – а разве это сделал не император Петр Федорович?

– Император Петр III после его свержения с престола и убийства был оболган своей супругой. А сам он вовсе и не собирался отдавать Восточную Пруссию! Согласно двум подписанным императором Петром Федоровичем и королем Фридрихом трактатам, Россия имела право вовсе остановить вывод своих войск в случае обострения международной обстановки. Сохранился указ Петра III, предписывающий ввиду «продолжающихся в Европе беспокойств» не только не выводить войска из Восточной Пруссии, но и пополнить новыми запасами армейские склады, а также отправить к ее берегам кронштадтскую эскадру, чтобы прикрывать русские торговые суда.

– Не знал, не знал... – отставному мичману оставалось лишь развести руками. В Морском корпусе на занятиях по истории им говорили совсем другое. – А что мы будем делать в этом, как вы говорите, Балтийске?

– В Балтийске мы погрузимся на боевой корабль и через портал снова вернемся в ваше время, чтобы помочь экипажу пароходо-фрегата «Богатырь» и его пассажирам. – Валерий испытующе посмотрел на Попова. – Хочу сразу предупредить вас – путешествие наше будет опасным. Кто знает – как поведет себя машина времени, и не забросит ли она относительно большой материальный объект куда-нибудь в Тмутаракань времен князя Владимира Святославича? Правда, ее изобретатель божится и клянется, что все будет в порядке. А на деле может случиться всякое... Вы, Степан Михайлович, вправе отказаться от этого рискованного путешествия. Никто вас в этом случае не осудит.

– Милостивый государь, – вспыхнул отставной мичман, – вы считаете меня трусом?! Я, кажется, не давал повода для того, чтобы вы обо мне так подумали! Я почту ваши слова оскорблением, если вы не заберете их назад!

– Извините, Степан Михайлович, – Валерий примиряюще положил ему руку на плечо. – У меня нет никаких сомнений в вашей смелости. И, если вы считаете, что я вас обидел, или, не дай бог, оскорбил, то примите мои извинения. Кстати, мы с вами вместе будем выручать из беды наших друзей, а потому я предлагаю вам перейти на «ты» и называть друг друга по имени. Вы не против?

– Извинения приняты, Валерий. Можно перейти и на «ты», – сказал Попов, искоса взглянув на своего собеседника. – Скажи мне лучше – что за корабль нас ждет в бывшем прусском Пиллау.

– Корабль маленький, но зубастый. Водоизмещение его около ста тридцати тонн, длина – 36 метров. Ну, или, по-вашему – примерно сорок ярдов. Зато скорость у него хорошая, до пятидесяти узлов...

– Сколько-сколько? – удивленно произнес Попов. – Пятьдесят узлов?

Да быть того не может!

– Может, Степан, может, – улыбнулся Валерий. – Конечно, такую скорость он может развить при относительно спокойном море. Вооружен же этот кораблик скорострельной шестиствольной пушкой калибра тридцать миллиметров.

– Тридцать миллиметров? – Попов напряг память, вспоминая метрическую систему, принятую во Франции. – Так это чуть больше дюйма? Негусто...

– Зря ты так – эта шестистволка может выпустить до тысячи снарядов в минуту и смести с палубы вражеского корабля все, что бежит, прыгает и шевелится...

Попов недоверчиво покачал головой. Но, вспомнив, что техника, а следовательно, и вооружение у потомков гораздо совершеннее, он прикинул, как должен был выглядеть залп из такой вот пушки.

– Степан, ты еще прикинь – эта пушка может стрелять по цели, находящейся на расстоянии пять километров. Причем весьма точно. Но не это его главное оружие. Самое вкусное мы прибережем для вражеских фрегатов, которые, как нам сообщили, готовятся напасть на «Богатырь», когда он выйдет в море.

– Валерий, ты считаешь, что ваш маленький кораблик сможет справиться с несколькими многопушечными британскими фрегатами? – удивленно сказал Попов. – Это же верная гибель!

– Ну, это мы еще посмотрим, – усмехнулся старший лейтенант Нестеров. – Хочу лишь тебе сказать, что я бы не хотел оказаться на месте британских моряков, когда им повстречается наш корабль. В этом случае их можно заранее считать кандидатами в рундук Дэви Джонса... Кстати, вот мы и приехали.

За разговором они и не заметили, как автомобиль – Степан узнал, что так называются в будущем самобеглые коляски – въехал на аэродром. Здесь Попов увидел огромные крылатые аппараты. Как пояснил ему Валерий, на одном из них им и предстоит лететь в Балтийск. Причем лететь в прямом смысле этого слова – по небесам, аки птицы Божьи. Степан уже перестал удивляться – за эти несколько часов он увидел столько чудес, что их вполне хватило бы ему на целую жизнь.

В чреве железной птицы они расположились в креслах, пристегнулись ремнями, и стали ждать, когда самолет взлетит в воздух. Ждать пришлось довольно долго. Наконец, когда шум его двигателей стал оглушительно громким, самолет, словно горячий жеребец, пришпоренный седоком, рванулся вперед. В окнах, которые здесь, как и на корабле, назывались

иллюминаторами, замелькали сооружения, машины, люди и стоявшие на аэродроме летательные аппараты. Потом самолет оторвался от земли, и Попов ощутил никогда еще не испытанное им чувство полета.

Самолет поднимался все выше и выше. Люди внизу превратились в едва видимые точки, а дома – в маленькие коробочки.

– Ну вот, скоро мы будем в Балтийске, – сказал ему Валерий и, вежливо прикрыв рот ладонью, зевнул. – Сейчас мы войдем в облачность, где ничего интересного больше не увидим. Можно и нужно поспать – кто знает, удастся ли нам это сделать следующей ночью...

Завтра будет завтра...

Перед тем как отправиться в Норвегию, мистер Говард встретился с премьер-министром Британии виконтом Мельбурном. Глава правительства хорошо знал и полностью доверял ему – одному из руководителей английского шпионажа в Европе. Говард долгое время жил в Стамбуле и обеспечивал снабжение мятежных горцев, уже много лет сражавшихся на Северном Кавказе с российской армией, оружием, боеприпасами и польскими волонтерами. Официально считавшийся офицером Королевского флота при Английском посольстве в Стамбуле, он находил и фраговал небольшие быстроходные суда, которые тайно загружались в турецких портах, пересекали Черное море и разгружались в какой-нибудь укромной бухточке на побережье, находящемся во владениях русского царя.

Мистер Говард несколько раз лично участвовал в таких рискованных экспедициях, и один раз едва не был перехвачен русским патрульным бригам. Лишь наступившая ночь и выпавший на море туман позволил британской шхуне оторваться от преследования. Мистер Говард активно сотрудничал в деле снабжения оружием с таинственно исчезнувшим сэром Дэвидом Урквартом. И месть за похищение его агентами русского императора – в этом мистер Говард уже почти не сомневался – была и его личной местью.

– Помните, мой друг, – сказал ему на прощание виконт Мельбурн, – вы обязаны во что бы то ни стало поймать этих таинственных русских, которые совершенно спутали все наши карты в Петербурге. Там, в ужасной столице северных варваров, уже бесследно исчезло несколько опытных британских агентов, которые пытались разобраться в неожиданном, резком изменении политического курса русского императора. Мы даже не знаем – живы ли они. Может быть, они томятся в каменных мешках русской тюрьмы, или тайком закопаны на кладбище, подобно безымянным бродягам.

И во всех случаях в их исчезновении оказались замешаны некие странные люди, неизвестно откуда появившиеся, ранее никому не знакомые, но почему-то сразу сумевшие стать советниками царя. Мы пытались познакомиться с ними поближе, но они ускользнули от наших людей, которые были хорошо вооружены и никого не боялись: ни бога, ни черта. Наши же люди были или арестованы, или таинственно исчезли, и об

их дальнейшей судьбе нам ничего неизвестно. Сейчас нам подвернулся счастливый случай – в Норвегии по причине срочного ремонта застрял русский фрегат, на котором, как сообщил наш агент в Кристиансанне, находится несколько человек, по описанию очень похожих на тех, кто так сильно нагадил нам в Петербурге.

Мистер Говард, я надеюсь, что вы воспользуетесь этим счастливым шансом. Помните, что ваша дальнейшая карьера напрямую зависит от успешного проведения операции по захвату этих людей. В случае удачи вы можете рассчитывать на высокий пост в Адмиралтействе или в правлении Ост-Индской компании, в случае же неудачи...

Тут виконт Мельбурн развел руками, показывая своему собеседнику, что, дескать, тогда ваша судьба, мистер Говард, незавидна, и в этом вы будете виноваты только сами...

Если премьер-министр таким способом рассчитывал напугать «рыцаря плаща и кинжала», то он сильно ошибался. Тот и без накачки премьер-министра был готов выполнить задание. Но он хотел установить пределы свободы рук, которую ему дадут для того, чтобы он сделал то, что не удалось сделать его коллегам.

– Сэр, – спросил мистер Говард у премьер-министра, – не сообразите ли вы разъяснить мне – насколько я свободен в своих действиях? Дозволено ли будет мне использовать любые способы для достижения поставленной передо мной цели? Я имею в виду, что в ходе захвата людей, которые так интересуют наше правительство, мне, возможно, придется вступить в вооруженную схватку с русским военным кораблем. Как вы мне ранее сказали, в моем полном распоряжении будут три фрегата и быстроходная яхта. Сэр, я хотел бы услышать от вас следующее – могу ли я отдавать приказы командирам этих кораблей? Ведь, как вы понимаете, мне придется брать ответственность на себя. Но насколько будут готовы командиры фрегатов беспрекословно выполнить все мои распоряжения?

Виконт Мельбурн хмуро посмотрел на своего собеседника, но тот не отвел взгляд. Хмыкнув и пожав плечами, премьер-министр Британии произнес:

– Мистер Говард, как я уже вам сказал, вы можете отдавать командирам переданных в ваше распоряжение кораблей королевского флота ЛЮБЫЕ приказы. И их отказ от выполнения ВАШИХ приказов будет рассматриваться в этом случае как государственная измена. Со всеми вытекающими из этого последствиями, вплоть до... Вам понятно это, мистер Говард?

– Понятно, сэр! Но я все же хотел бы получить от вас письменные распоряжения – ведь командиры фрегатов могут сослаться на то, что им прямо никто не отдавал приказа напасть на русский военный корабль в нейтральных водах. И они могут попросту отмахнуться от моих указаний.

– Я лично переговорю с ними, мистер Говард, – недовольно пробурчал виконт Мельбурн. – И пусть они только попробуют уклониться от выполнения ВАШИХ ПРИКАЗОВ. А насчет письменных распоряжений... Давайте не будем обременять канцелярию Адмиралтейства лишними бумагами. Думаю, что для вас вполне достаточно моего слова джентльмена.

Что же касается потопления русского фрегата... Пусть вас не мучают угрызения совести. В последнее время эти северные дикари совсем обнаглели, и их необходимо как следует проучить. Я не думаю, что даже если их военный корабль и будет потоплен, то это станет поводом к началу войны между Британией и Россией. В конце концов, мы сможем свалить всю вину на русских, которые первыми напали на фрегаты Ее Величества. И они вынуждены были от них защищаться. Думаю, что Европа скорее поверит нам, чем этим варварам, которые твердят на каждом углу о каких-то там правилах ведения войны. Глупцы, они не понимают, что война не имеет правил. Суть войны – насилие. Самоограничение в войне – идиотизм. Бей первым, бей сильно, бей без передышки. Вы хорошо поняли меня, мистер Говард?

Одним словом, вы можете поступать, как вам будет угодно. Но чтобы эти таинственные русские в самое ближайшее время были доставлены в Лондон! Как вы это сделаете – меня не касается! А теперь ступайте. Все необходимые распоряжения в отношении ваших полномочий будут завтра переданы тем, кого это касается. И да поможет вам Бог!

Мистер Говард вспомнил об этом разговоре, когда еще раз встретился с Питером Бенсоном, чтобы уточнить план по захвату двух русских, так сильно озаботивших британское правительство. Кажется, что было предусмотрено все. Головорезы Бенсона, узнав, что в случае удачи они получат щедрую награду, рвались в бой. Три британских фрегата – паровой – 30-пушечный «Эссекс», и два парусных – 44-пушечный «Гринвич» и 48-пушечный «Бристоль», уже вошли в пролив Скагеррак и встали на якорь в порту небольшого норвежского городишка Гримстад. Это совсем рядом с Кристиансанном.

По плану, Питер Бенсон с нанятыми им местными бандитами вечером завтрашнего дня должны пробраться на русский пароходно-фрегат «Богатырь», перебить вахтенных и прочих, оставшихся на корабле матросов, после чего захватить тех двух русских, по возможности, целыми

и невредимыми. Сам мистер Говард будет ожидать результатов операции на быстроходной парусной яхте «Свифт». Как только Бенсон доставит на борт яхты захваченных пленных, она сразу же поднимет якорь и направится в Британию.

В случае неудачи наземной части операции, начнется морская ее часть. На яхте «Свифт» он выйдет в море и направится в Гримстад, чтобы занять свое место на мостике флагманского корабля его эскадры – фрегате «Эссекс», и попытаться захватить, а в случае неудачи – потопить – русский корабль.

Мистер Говард рассчитывал на внезапность – по его плану «Эссекс» должен будет внезапно сблизиться с «Богатырем», имитируя неисправность рулевого управления, и попытаться сойтись с ним борт о борт. Находящийся на «Эссексе» отряд морских пехотинцев должен взять на абордаж «Богатырь». Двух русских, которые, собственно и были основной целью всей этой операции, переведут на «Эссекс», а «Богатырь» будет подожжен и потоплен. Всех, кто попытается с него спастись, следует безо всякой жалости уничтожить. Два других фрегата должны были подстраховать «Эссекс» на случай неудачного абордажа, и потопить огнем из пушек русский корабль.

Мистер Говард еще раз внимательно перечитал составленную им диспозицию завтрашней операции. Вроде бы все предусмотрено и ничего не забыто. Но автор этого хитроумного плана почувствовал какое-то смутное беспокойство. Что-то его тревожило, но что именно, он так и не мог понять.

Решив немного проветриться, мистер Говард открыл окно гостиничного номера, выходящее на море, и стал любоваться темным небом, золотой половинкой луны и звездами, усыпавшими небосклон. Внимание британца привлекло странное изумрудное сияние, исходившее, как ему показалось, прямо из морских глубин. Впрочем, через несколько минут это таинственное сияние замерцало и вскоре потухло.

«Говорят, что это к удаче», – подумал мистер Говард. Он еще немного полюбовался небом, звездами, морем. Потом вздохнул, закрыл окно и, раздевшись, улегся в постель. Завтра предстоял трудный день, и надо было хорошенько отдохнуть и выспаться, чтобы наутро голова была свежей, а тело – бодрым...

«Здесь продается славянский шкаф?»

В тот самый момент, когда мистер Говард в гостинице, закончив обдумывать план нападения на русский корабль, любовался морем и звездами, в XXI веке открылся межвременной портал, и в XIX век проскользнул российский патрульный катер проекта 14310 «Мираж». На его борту, помимо дюжины членов экипажа, находилось несколько водолазов-разведчиков из 561-го ОМРП СпН, базировавшегося в поселке Парусное неподалеку от Балтийска, за что их неофициально называли «парусниками». Выбор пал на них не случайно. Эти «ихтиандры» умели действовать не только под водой, но и на суше. Их учили захватывать на берегу средства ядерного нападения, командные пункты противника и прочие особо важные объекты.

Руководство, посылая в прошлое боевых пловцов, предполагало, что они могут уничтожить британские корабли, стоявшие на якоре с помощью подрывных зарядов. Для этого на патрульный катер погрузили два подводных буксировщика «Протон-1У». На случай, если «парусникам» придется действовать на берегу, они прихватили с собой комплект вооружения для «спецов». Так что банда, которую нанял мистер Бенсон, могла заранее считать себя покойниками.

Степан Попов, который вместе со старшим лейтенантом Нестеровым тоже находился на борту патрульного катера, с изумлением взирал на все происходящее вокруг него. Да, потомки умели действовать быстро и целеустремленно. Отставной мичман прикинул в уме – сколько примерно времени потребовалось бы, чтобы организовать нечто подобное в Петербурге, даже если бы приказ на проведение экспедиции отдал бы лично император Николай Павлович. Одни согласования у столоначальников заняли бы недели две, а то и поболее. А здесь, лишь только он с Нестеровым оказались на аэродроме в Балтийске, как прямо на поле подкатил военный автомобиль, который и доставил их в Парусное. Там у пирса их уже ждал патрульный катер, на который водолазы-разведчики – Степан так и не понял, что это такое – спешно грузили какие-то ящики и большие сумки.

Потом катер в сопровождении еще одного корабля вышел в море. В точке назначения они сбавили ход до самого малого, и тихо покачивались на серой балтийской волне. Все чего-то ждали. Наконец, где-то на расстоянии четверти кабельтова над водой появился пульсирующий

изумрудный сгусток света, который постепенно стал увеличиваться в размерах. Скоро он стал похож на большую арку, сквозь которую можно было увидеть участок моря и черное ночное небо. Катер прибавил ход и двинулся в сторону этой арки. Попов понял, что это и есть портал, через который можно из прошлого попасть в будущее и наоборот. Сердце у него забилось часто-часто.

Патрульный катер тем временем подошел к portalу, проскользнул сквозь него и оказался в полной темноте. Яркая арка, оставшаяся у них по корме, начала медленно сворачиваться, превратившись снова в небольшой изумрудный сгусток. Потом погас и он.

– Вот те раз, – раздался удивленный голос водолаза-разведчика, стоявшего рядом со Степаном. – Это что же, мы уже в XIX веке оказались?

– Да, Сергей, мы сейчас – если наши ученые не перемудрили, – ответил Нестеров, – находимся в 1840 году, неподалеку от Кристиансанна. Степан Михайлович, – старший лейтенант повернулся к Попову, – вам незнакомы эти места?

– Так что, Валера, этот парень из прошлого? – снова удивился Сергей. – Слушай, дружище, как тебя зовут? – обратился он к Попову. – Меня – лейтенант Алексеев, для друзей – просто Сергей. Мне почему-то кажется, что мы с тобой станем друзьями...

– Мичман Российского флота Попов, – ответил Степан. – Правда, я уже два года как ушел в отставку, и в настоящее время – капитан шхуны «Ласточка». Не знаю, Сергей, как насчет дружбы, но вашим, извините, твоим врагом, мне не хотелось бы быть.

– Ну, вот и отлично, – сказал Нестеров. – Только давайте о любви и дружбе поговорим потом. А сейчас, Степан, я попрошу вас определиться – где мы находимся, и где стоит в порту «Богатырь»?

Попов осмотрел берег в ночной бинокль. Ему уже довелось пользоваться этим замечательным прибором из будущего. Внимательно присмотревшись, он определил место, неподалеку от которого оказался катер. Степан узнал маяк Грэннинген, расположенный неподалеку от Кристиансанна.

– Да, мы попали именно туда, куда надо было, – сказал он старшему лейтенанту Нестерову. – Хорошо бы с помощью ваших радиостанций связаться с «Богатырем» и узнать – как там у них дела. Пока же можно отвести катер к острову Оксёй. Места там малолюдные, местные рыбаки туда редко заходят, и можно надеяться, что ваш корабль там никто не заметит.

– Хорошо, – кивнул Валерий и отправился в командирскую рубку, где

находилась радиостанция.

– Слушай, Степан, – спросил у Попова лейтенант Алексеев, – как ты думаешь – британцы могут напасть на наш фрегат прямо в порту?

Попов задумался. Он вспомнил, с каким гонором, можно сказать, даже с наглостью, вели себя английские моряки, общаясь со своими иностранными коллегами. Только себя они считали настоящими морскими волками, а на всех прочих смотрели с презрением. Так же они пренебрежительно относились к соблюдению правил войны на море. К примеру, чтобы обмануть противника, они могли вести разведку под чужим флагом. Или напасть на порт государства, с которым официально не находились в состоянии войны. Достаточно вспомнить Копенгаген или Ревель, куда без приглашения в 1801 году вломилась эскадра адмирала Нельсона. Дело едва не дошло до стрельбы. А жаль – Степану очень хотелось, чтобы наши моряки и артиллеристы с береговых батарей как следует влупили бы этому одноглазому наглецу.

– Знаешь, Сергей, – задумчиво сказал он, – все может случиться. Но все же я думаю, что если на наш корабль и произойдет нападение, то произойдет это не в порту, а в открытом море. Но об этом должны узнать те из твоих современников, кто остался в Кристиансанне на «Богатыре». Вот, кстати, идет старший лейтенант Нестеров, который расскажет нам о том, что ему удалось узнать.

– Значит так, – произнес Валерий, подойдя к Попову. – Обстановка накалилась. Скорее всего, завтра британцы попытаются захватить «Богатырь». Сведения достаточно точные. Потому я полагаю отправить на наш фрегат «парусников», а катер будет находиться в полной боевой готовности у острова Оксёй. По данным русской разведки, три британских фрегата находятся в гавани Гримстада – это недалеко отсюда, примерно миль двадцать пять. Думаю, что в случае неудачи захвата «Богатыря», конный посыльный за несколько часов доберется до Гримстада и сообщит командирам фрегатов о провале сухопутной миссии. Британцы выйдут в море и попытаются перехватить наш корабль у входа в Скагеррак. Тогда катеру придется сразиться с этими фрегатами.

– А может, – спросил лейтенант Алексеев, – рвануть на хрен эти фрегаты прямо в Гримстаде? Мы их скоренько заминируем... Будет неслабый «бадабум»...

– А кто будет отбиваться от бандюков Бенсона? – произнес Валерий. – Ведь твои ребята не могут быть одновременно в двух местах. Нет, Сергей, видно, твоим «ихтиандрам» придется повоевать на суше, а не под водой.

– Пожалуй, ты прав, – кивнул головой «парусник», – а как мы попадем

на «Богатырь»?

– Сейчас мы спустим надувную лодку, погрузим на нее вашу снарягу, и вы отправитесь в порт, – сказал Нестеров, – там вас будут ждать. С «Богатыря» вам подсветят инфракрасным фонариком. Так что не промахнетесь. Ну, а как действовать – завтра вы решите с Вадимом Шумилиным и Игорем Пироговым. Ну и, естественно, с командиром «Богатыря» капитан-лейтенантом Глазенапом. Держите нас в курсе происходящего. Не хотелось бы врываться в норвежский порт на катере из XXI века, но если прижмет... Впрочем, будем надеяться, Сергей, что твои орлы справятся с британскими головорезами.

– Справимся, Валера, – усмехнулся лейтенант Алексеев. – Не ударим в грязь лицом перед предками...

На резиновой лодке с едва слышно потрескивающим двигателем «парусники» вместе с Поповым подплыли к борту парохода-фрегата.

– Эй, на лодке, – услышали они чей-то голос, прозвучавший с палубы корабля, – назовите пароль!

– Здесь продается славянский шкаф? – насмешливо крикнул лейтенант Алексеев.

– Шкаф продан, осталась лишь никелированная кровать с тумбочкой, – рассмеялись наверху. – Свои! Давайте, карабкайтесь к нам!

– Сначала примите наше приданое, – сказал Сергей. – Без него завтрашний день может не задаться. И аккуратнее – чай, не дрова привезли...

Пиф-паф, и вы покойники...

По прибытии на «Богатырь» капитан-лейтенант фон Глазенап пригласил всех гостей в свою каюту, чтобы обсудить план действий по отражению нападения на корабль британских наемников.

– Господа, – начал он, – как мне уже доложил уважаемый Вадим Александрович, – командир «Богатыря» кивнул Шумилину-младшему, – бандиты попытаются захватить фрегат ближе к вечеру. Мой матрос – а ваш лазутчик – Семен Самохин сообщил, что он договорился с предводителем английских головорезов о том, что тот принесет после обеда к трапу фрегата бочонок с ромом. Дескать, этот самый Бенсон, очарован лихостью и дружелюбием русских моряков, и на прощание решил угостить их. Мне почему-то кажется, что в ром этот мерзавец подмешает какую-то гадость.

– Думаю, что вы правы, – кивнул головой Алексеев, – знать бы только – что именно он подмешает – просто снотворное или смертельный яд. Впрочем, хрен редьки не слаще. Я полагаю, что они постараются потом взорвать или сжечь «Богатырь», чтобы таким способом скрыть следы.

– Может быть, не стоит тогда отпускать матросов на берег, а господ офицеров попросить воздержаться от увольнений? – с сомнением в голосе спросил фон Глазенап. – Мы просто выйдем вечером в море и попытаемся в темноте проскочить мимо Гримстада с таким расчетом, чтобы к утру быть уже в проливе. Там всегда много кораблей и рыбачьих судов. Возможно, что тогда англичане не решатся напасть на нас.

– За полторы сотни лет британцы мало изменились, – криво усмехнувшись, произнес Сергей. – Они остались такими же наглыми и высокомерными. Думаю, что даже присутствие иностранных судов их не остановит. Нет, все же лучше будет, если мы перебьем на борту «Богатыря» английских наемников, захватив при этом главного из них. Случись чего, он может быть допрошен в присутствии иностранных дипломатов, и расскажет им о том, как британское Адмиралтейство готовилось к нападению на русский корабль в норвежском порту.

– Ну, как знаете, господа, как знаете, – пожал плечами капитан-лейтенант фон Глазенап, – поймите меня правильно – я всего лишь забочусь о безопасности моего корабля и экипажа. Я вижу, что ваши люди прекрасно подготовлены и вооружены, и они, несомненно, дадут достойный отпор этим нахальным островитянам. Скажите, а что произойдет, если британские фрегаты все же нападут на нас в море?

– Я думаю, что «Богатырю» даже не придется заряжать свои орудия, – лейтенант Алексеев постарался успокоить фон Глазенапа. – С фрегатами у нас есть кому разобраться.

– Господа, – командир пароходо-фрегата, видимо, принял окончательное решение. – Я помню, что государь, отправляя меня в поход, сказал: «Прошу вас внимательно относиться к тому, что вам будут говорить те люди, которых вы возьмете на борт. Помните – я им во всем доверяю. Надеюсь, что и вы тоже будете относиться к ним с таким же доверием!» Поэтому я готов оказать вам свое полное содействие в осуществлении ваших планов.

– Тогда мы сделаем вот что... – понизив голос, сказал Сергей.

И все невольно подались ближе к нему...

На следующий день, как и было ранее оговорено, к стоящему у портового кабака Семену Самохину подошел сияющий, как медный таз, мистер Бенсон. На деревянной тачке, которую он катил, возлежал солидных размеров бочонок.

– О, Сэм, – радостно воскликнул «голландский негоциант», – прошу меня извинить за небольшое опоздание. Вот тот самый ром, о котором я тебе говорил. Выпей его со своими товарищами и вспомни еще раз о нашей встрече и о славном парне Питере Бенсоне, который полюбил ваш корабль и ваш народ! Кстати, Сэм, возможно, что ближе к вечеру я загляну к тебе. Надеюсь, что ты не откажешься поднять стаканчик-другой за здоровье своего старого друга?

– Да что ты, Петро, – Самохин от избытка чувств полез обниматься к мистеру Бенсону, – спасибо тебе большое... А если ты вечером забежишь на «Богатырь», то я с удовольствием выпью с тобой, как говорят у нас, «на посошок»...

– Ребята, запомните эту морду, – сказал лейтенант Алексеев на инструктаже, показывая «парусникам» тайно сделанную Шумилиным-младшим фото Бенсона. – Его желательно получить относительно целым и с признаками жизни. Остальных можете отправить на корм шпротам.

Вечером мистер Бенсон с одним из своих головорезов не спеша подошел к трапу «Богатыря». Метрах в тридцати сзади, старательно изображая компанию подвыпивших матросов, пошатываясь, шли остальные.

– Хэллоу, бой! – крикнул Бенсон вахтенному у трапа, который, наплевав на все морские обычаи, сидел на кнехте, прислонившись к фальшборту, и пренаглейшим образом дрых.

Не дождавшись ответа, британец улыбнулся, махнул рукой своим

бандитам – дескать, все в порядке! – и с хозяйским видом стал подниматься на борт «Богатыря». На палубе было пусто. Лишь у грот-мачты, свернувшись калачиком на бухте пенькового троса, громко храпел в стельку пьяный матрос.

– Эти русские не умеют пить, – брезгливо заметил спутник британца, здоровенный рыжеволосый парень по имени Свен. – Выпили они совсем ничего, а уже не стоят на ногах...

– Так ром у меня особенный, – хохотнул Бенсон. – С него и африканский слон на ногах не устоит...

Он и Свен осторожно подошли к каюте, где, как помнил Бенсон, жили люди, которые так интересовали британское правительство. Бенсон приложил палец к губам и достал из кармана небольшой двустольный капсюльный пистолет. Свен кивнул и поднял к груди руку с зажатым в ладони большим ножом. Бенсон, стараясь не шуметь, приоткрыл дверь и шагнул внутрь. Свен успел увидеть, как мелькнула какая-то тень, и британец, всплеснув руками, рухнул на пол. Потом из глаз Свена посыпались искры, и он провалился в черную бездонную пропасть...

Десяток головорезов, крадучись, поднялись на палубу пароходо-фрегата и сбились в кучу, озираясь по сторонам. Наконец, вспомнив, что им говорил нанявший их британец, они достали ножи и направились к спящим русским морякам. Но те, как оказалось, совсем не спали. Русские с удивительным проворством выхватили из-под длинных форменных рубах странные пистолеты с какими-то непонятными цилиндрами на конце ствола, и...

– Чпок, чпок, чпок, чпок... – раздались странные звуки. Даже не успев удивиться, наемники мистера Бенсона, обливаясь кровью, один за другим повалились на палубу «Богатыря». Несколько человек в панике бросились к трапу, но неведь откуда появившийся человек, одетый во все черное, с лицом, закрытым маской с прорезями для глаз и рта, расстрелял их в упор из такого же, как у его товарищей, пистолета.

Через пару минут все было кончено. «Парусники» знали свое дело туго. Отряд, который собирался захватить и уничтожить русский военный корабль, оказался уничтоженным сам. Причем все было сделано так, что со стороны никто ничего не увидел и не услышал.

Волоча за шиворот по палубе труп Свена, к «парусникам» подошел лейтенант Алексеев. Он посмотрел на живописно разбросанные по палубе трупы бандитов.

– Хорошо сработано, – сказал он. – С моим – одиннадцать. Главаря их упаковали, так что можно подвести баланс. Теперь надо извиниться перед

моряками – ведь им убирать за нами всю эту грязь.

– Лихо вы их! – удивленно сказал Семен Самохин, поднявшийся по трапу с нижней палубы. – Сейчас позову вахтенных – надо срочно прибрать палубу, пока нет никого.

Через пару часов, когда на корабль пришли матросы с увольнения, а офицеры – с банкета, который устроил в их честь магистрат Кристиансанна, на «Богатыре» не осталось и следов недавнего побоища. Трупы были упакованы в мешки и погружены на баркас, пришвартованный к обращенному к морю борту парохода-фрегата. Для тяжести в каждый мешок положили по пушечному ядру. Когда окончательно стемнеет, баркас выйдет в море, где избавится от своего страшного груза. Палуба «Богатыря» была тщательно вымыта и выдраена камнем-песчаником. Она сияла чистотой и белизной.

Капитан-лейтенант фон Глазенап, которому доложили о случившемся, лишь крикнул и приказал готовиться к выходу в море. Ранним утром «Богатырь» должен попрощаться с гостеприимной Норвегией и отправиться к родным берегам...

* * *

Мистер Говард проводил банду головорезов Бенсона почти до самого русского фрегата. Там он уселся в укромном уголке рядом со штабелем пустых бочек на кем-то оставленный старый деревянный ящик и, запахнувшись в темный плащ, стал наблюдать за тем, что происходило на палубе «Богатыря». Увиденное разочаровало мистера Говарда. Хваленые сорвиголовы – во всяком случае, так их разрекламировал Бенсон – на деле оказались обычными портовыми жуликами, которым по силу было лишь вывернуть в кабаке карманы у подвыпившего матроса. К тому же русские оказались не такими уж простаками. Они явно ожидали нападения и хладнокровно перебили всех бандитов, которых привел на фрегат Бенсон.

Когда надежда на удачное завершение операции окончательно приказала долго жить, мистер Говард вздохнул, выбрался из своего укрытия и отправился в сторону своей гостиницы. Там он передал запечатанное письмо груму и приказал ему во весь опор скакать в Гримстад, найти commodора Николса – командующего небольшой британской эскадрой, и передать ему это послание. В нем был приказ срочно выйти навстречу русскому фрегату и, в случае обнаружения его, атаковать и захватить в плен. Мистер Говард таким способом подстраховывался – он собирался

выйти навстречу британским кораблям на яхте «Свифт», но она могла попасть в штиль, ей мог помешать встречный ветер или еще какие-нибудь непредвиденные обстоятельства, которые часто случаются в море.

Посланник ускакал, а мистер Говард направился к дальнему причалу, где была пришвартована яхта «Свифт». Наступило время морской части запланированной операции. За несколько часов мистер Говард рассчитывал добраться до Гримстада.

«Английские моряки – это не жалкий сброд, наспех наберёванный этим пройдохой Бенсоном в портовых тавернах, – подумал Говард. – В нас еще силен дух повелителей морей времен великого адмирала Нельсона. Тогда Британия смогла устоять перед натиском всей Европы, покорно задравшей лапки перед Бонапартом. Мы победили этого корсиканского выскочку. Победим и русских, которые почему-то имеют наглость заявлять везде, что это якобы они разбили Бонапарта. В наших жилах течет кровь победителей при Трафальгаре и Ватерлоо, и мы должны показать, что наши славные предки вправе гордиться нами».

С такими мыслями мистер Говард взошел на мостик яхты «Свифт», которая по его команде снялась со швартовых, вышла в море и, подняв все паруса, помчалась на северо-восток...

Углубленный в свои мысли, британский резидент не заметил на горизонте силуэт странного кораблика, который, не имея ни мачт, ни парусов, но тем не менее с довольно большой скоростью скользил вслед за яхтой. Не увидел этот кораблик и впередсмотрящий «Свифта», наблюдавший за тем, что происходит прямо по курсу. Уже почти стемнело, но видимость была хорошая, и мистер Говард рассчитывал к рассвету быть на месте. Там он переберется со «Свифта» на капитанский мостик фрегата «Эссекс» и поведет свою небольшую эскадру против «Богатыря».

«Трое против одного, – подумал мистер Говард, – этого вполне достаточно для того, чтобы пустить на дно этот проклятый корабль и захватить таинственных русских, которые попортили нам столько крови. И пусть все потом говорят о случившемся все что угодно – Британии это будет малоинтересно. Джентльмен должен играть по правилам, но если эти правила ему не подходят, то тем хуже для правил».

А о чем думал в этот момент бывший мичман российского флота Степан Попов, стоя на палубе патрульного катера из будущего?

Прежде всего, он был взволнован предстоящим сражением с британскими фрегатами. Да, он служил какое-то время на российском флоте и воспитывался на славных традициях адмиралов Спиридова, Ушакова и Сенявина. Но он еще ни разу не был в бою, не слышал грохота

вражеских пушек, не видел, как умирают раненые морские служители, с которыми только сегодня утром ты беззаботно разговаривал и шутил, как с отчаянными воплями тонут моряки с кораблей, уходящих в пучину. А то, что такой бой обязательно произойдет, он уже не сомневался.

Командир патрульного катера старший лейтенант Бобров получил по радио известие о том, что «парусники» уничтожили британских наемников, попытавшихся захватить «Богатырь», и что пароходо-фрегат утром собирается выйти из Кристиансанна. Посоветовавшись со старшим лейтенантом Нестеровым, командир катера приказал сниматься с якоря и двигаться в сторону Гримстада.

– Нельзя позволить британцам напасть на «Богатырь», – сказал Нестеров. – Поэтому вражеские корабли нужно уничтожить еще до того, как они приблизятся к нашему фрегату. Победит тот, кто нанесет первый удар. Как вы на это смотрите, Андрей Иванович? – спросил Нестеров у старшего лейтенанта Боброва.

– Надо нанести – нанесем, – коротко ответил Бобров. – Пора поставить этих наглых островитян на место, а то они, не получая отпора, вообще оборзели до невозможности.

Командир катера поднес ко рту микрофон и по трансляции передал команду: «Боевая тревога! Корабль к бою приготовить!» Катер увеличил ход и вышел из-за острова Оксёй. Вскоре на экране радиолокатора появилась точка, двигавшаяся на расстоянии примерно мили от катера, курсом норд-ост. «Парусники», докладывая об обстановке в Кристиансанне, сообщили, что через час после уничтожения на «Богатыре» воинства мистера Бенсона порт неожиданно покинула британская яхта «Свифт».

– Возможно, что на ней везут сообщение британцам, находящимся на рейде Гримстада, о том, что попытка захвата нашего пароходо-фрегата провалилась, – предположил лейтенант Алексеев. – Во всяком случае, такого же мнения придерживается и капитан-лейтенант фон Глазенап. Так что я бы посоветовал вам приглядеть за этой шустрой яхтой.

– Может быть, нам ее просто потопить, – спросил Нестеров. – Глядишь, до британских главных сил и не дойдет приказ о нападении на «Богатырь»?

– А ты уверен в том, что самый главный англичанин не продублировал свой приказ каким-либо другим способом? – вопросом на вопрос ответил старший лейтенант Бобров. – К тому же командиры фрегат могут иметь индивидуальный план действий на случай непредвиденных случайностей. Впрочем, минуснуть британскую эскадру – идея хорошая. Как вы считаете,

Степан Михайлович?

Попов замялся. Он догадался, что неизвестное для него слово «минуснуть» означает – «уничтожить» один из кораблей английской эскадры. А именно – быстроходную яхту «Свифт». Степан не сомневался, что ее появление здесь не случайно, и вполне может быть, что на этой самой яхте сейчас находится один из тех, кто подготовил нападение на русский пароходо-фрегат. Но, с другой стороны, взять и отправить на дно корабль страны, которая формально не находится с Российской империи в состоянии войны?

– Господа, вы что, действительно хотите вот так просто потопить эту яхту? – спросил Попов у людей из будущего. – Но ведь это... – отставной мичман стал тщательно подбирать слова, чтобы не обидеть своих собеседников.

– Именно так-с, Степан Михайлович, – произнес старший лейтенант Нестеров с неожиданно серьезным лицом. – Вы ведь не сомневаетесь в том, что эти англичане нам враги, и что они готовят нападение, а, возможно, и потопление нашего пароходо-фрегата?

– Наверное, это так, – растерянно сказал Попов, – но...

– Если они враги, то никаких «но» быть не может, – вступил в разговор командир катера. – И чем меньше у России будет врагов, тем будет лучше для нее. Ну что, Валера, почнем помолясь?

– Давай, – кивнул Нестеров. – Только жалко на нее тратить «Шквал». Может, ты ее уконтропуишь из шестистволки?

– Надо попробовать, – согласился Бобров. – Я думаю, что очередь из осколочно-фугасно-зажигательных снарядов наверняка придется ей по душе.

Он передал по трансляции: «Будем работать короткими очередями – снарядов по пять в каждой».

– Ну, тогда тебе и карты в руки, – кивнул Нестеров. – Догоняй этого британского «стрижа»^[3] и работай.

Взревели дизеля, и патрульный катер пошел на сближение с британской яхтой.

* * *

Попов не успел даже удивиться. Из маленького купола, стоявшего на носу катера, вырвался сноп ослепительного пламени. Через несколько секунд на палубе британской яхты гроыхнули взрывы. Моряков, стоявших

у планширя и с удивлением рассматривавших приближающийся к ним необычный корабль, разбросало в стороны, словно кегли. Следующий залп угодил в носовую часть «Свифта». Бушприт яхты надломился и свесился за борт, болтаясь, словно маятник.

– Малый ход, – скомандовал Бобров. – Пулеметчикам приготовиться к ведению огня!

Катер, легко покачиваясь на волнах, подходил к британскому кораблю. По палубе «Свифта» беспорядочно метались люди, а сквозь рокот двигателя до стоящих на палубе катера доносились панические вопли. Но, видимо, командовал яхтой смелый человек, который самыми решительными мерами пытался навести на ней порядок. Донеслось несколько негромких хлопков. «Из пистолета стреляли», – машинально отметил Попов. После чего паника улеглась, и передвижения экипажа на палубе яхты стали более или менее осмысленными.

С кормы «Свифта» прогремел пушечный выстрел, и небольшое ядро плюхнулось в воду в кабельтове от катера.

– Полный вперед! – скомандовал Бобров. – Орудие и пулеметчики – огонь на поражение!

Снова из носового орудия вырвалось яркое пламя, а с борта катера застрочил пулемет. Попов уже знал – что это за оружие, и с интересом наблюдал, как пули, словно огромные светлячки, летели в сторону британской яхты.

На корме «Свифта» раздалось несколько взрывов, потом что-то ярко полыхнуло и начался пожар. «Наверное, взорвался порох, который лежал рядом с орудием, – подумал Попов. – Вряд ли они смогут потушить пожар».

Действительно, огонь, вспыхнувший на корме яхты, постепенно охватывал весь корабль. Моряки стали в панике бросаться в море.

– Зря они это делают, – отставной мичман покачал головой, – хотя, наверное, все же лучше утонуть, чем сгореть заживо.

Увидев недоуменный взгляд Боброва, Попов пояснил – английские моряки обычно не умеют плавать. И никто их этому не учит. Так что, если кто и окажется за бортом, то долго не протянет. Ну, если кому повезет ухватиться за обломок мачты или реи, то он получит шанс спастись. А так – как у них говорят – неудачник прямиком угодит в «рундук Дэви Джонса».

Тем временем яхта продолжала пылать. На ее палубе не было видно ни одной живой души. Бобров обеспокоенно оглянулся. Видимо, он опасался, что британские фрегаты могут заметить огонь и приготовиться к бою.

– Валерий Алексеевич, добейте этого подранка, – сказал он, – и

желательно побыстрее.

– Сейчас все сделаем, – Нестеров что-то прикинул, потом спустился по трапу внутрь катера и вскоре вернулся оттуда, неся на плече какую-то странную трубу.

– Угостим сейчас этого бедолагу «Шмелем», – ухмыльнулся он. – Думаю, что для яхты этого хватило за глаза и за уши.

– Хорошо, – кивнул Бобров и скомандовал рулевому: – Подойди поближе на малом ходу.

Катер на малой скорости, почти «на цыпочках», подкрался к пылающей яхте. Нестеров положил трубу на плечо, прицелился, и...

Раздался хлопок, что-то зашипело, как сотня разъяренных змей, сзади из трубы вырвалось пламя, и «нечто», похожее на огромное веретено, помчалось к обреченному британскому кораблю. Это «нечто» ударило в борт «Свифта»... От последовавшей за этим яркой вспышки Попов зажмурился. Когда же он открыл глаза, то увидел, что яхта накренилась на левый борт и быстро погружается в морскую пучину. Еще пара минут, и пламя, зашипев, потухло. Британский корабль был уничтожен.

– Будем подбирать тонущих? – поинтересовался Бобров. – Хотя, а куда нам их потом девать? Не тащить же их в будущее...

– Да, Андрей Иванович, вы правы, – кивнул Нестеров. – Давайте пройдем над местом потопления британца, возьмем одного или двух «языков». Ну, а остальные... Будем считать, что они оказались на свою беду не в том месте и не в то время.

С плававшего неподалеку обломка реи моряки катера сняли двух англичан. Один из них, судя по мундиру, рядовой – был сильно обожжен, и Нестеров, наскоро осмотрев его, покачал головой. А вот второй, похоже, был из офицеров. Хотя он и сильно наглотался морской воды, но при внешнем осмотре телесных повреждений на нем обнаружено не было. Британцев оттащили в кубрик, и там, оказав им первую помощь, привели в чувство. Но времени на допрос уже не было.

– Прямо по курсу три цели, – доложил помощник командира катера, – похоже, что это те самые фрегаты.

– Надо бы в этом точно удостовериться, – озабоченно произнес Бобров. – А то возьмем грех на душу – утопим мирных купцов. Когда они примерно будут здесь?

– Часа через полтора, – ответил помощник. – Будем ждать или пойдем им навстречу.

– Пойдем навстречу. Только на малом ходу – надо подойти к ним тихонечко, чтобы убедиться в национальной принадлежности. Командиру

БЧ-2 еще раз проверить комплекс «Штурм». Работать будем сериями, по две ракеты на корабль. Если промахнемся – придется добивать британцев из пушки. А это не яхту топить – у фрегатов шкура потолще будет.

Через час на фоне серого предрассветного моря со стороны Гримстада появились силуэты трех больших парусных кораблей, идущих в кильватерной колонне. В ночной бинокль Попов долго разглядывал их, после чего уверенно заявил, что это и есть те самые британские фрегаты. Он видел похожие корабли в Портсмуте и Девонпорте.

Оператор наведения ракетного комплекса, получив команду, прильнул к наглазнику прицельного приспособления. Вот он совместил фиксированную метку с целью и нажал кнопку пуска. Из транспортно-пускового контейнера на рубке катера с хлопком сорвалась ракета и с шипением, оставляя за собой огненный хвост, понеслась в сторону головного фрегата. Через несколько секунд страшный взрыв проделал огромную брешь в борту британского корабля. БЧ комбинированного, фугасного и объемно-детонирующего действия не только разворотила борт фрегата, но и вызвала на нем пожар. Когда в «Эссекс» – а это именно он шел головным – попала вторая ракета, тот уже пылал, охваченный огнем до топов мачт.

– Неплохо, неплохо, – пробормотал Бобров, – а теперь займемся следующим британцем. Расход боеприпасов тот же – по две ракеты на корабль...

Степан Попов с ужасом наблюдал за методичным и неторопливым истреблением британской эскадры. Только теперь он поверил в могущество пришельцев из будущего. Один их маленький кораблик – шхуна «Ласточка» и то была по размерам больше этого катера – легко справился с тремя могучими фрегатами, вооруженными мощными пушками. А ведь у пришельцев есть и большие корабли, которые, как рассказал ему смешливый лейтенант Алексеев, могут испепелить целые города с миллионами жителей. Степан тогда посчитал, что все, о чем рассказал ему лейтенант, – это просто шутка, и не принял услышанное всерьез. И вот теперь, наблюдая за пылающими и тонущими английскими фрегатами, Степан понял, что его новый приятель Сергей говорил ему истинную правду. И ему вдруг стало страшно... Что будет, если эти люди станут не друзьями России, а ее противниками? Но нет, они все же русские, и искренне помогают императору Николаю Павловичу справиться с врагами...

– Ну, вот, кажется, и все, – устало произнес старший лейтенант Бобров, когда последний британский корабль лег на борт, опрокинувшись,

показав оббитое медью днище, и затонул. – Кому повезет – тот спасется... А кому нет... – и он развел руками, показывая, что, дескать, все в руках Божьих...

– Нам же пора идти домой. «Богатырь» теперь может в полной безопасности добраться до самого Кронштадта. Британцы же пусть гадают – что за таинственная сила погубила их корабли. Думаю, что для них это станет хорошим уроком, и они будут вести себя не так нагло в отношении русских кораблей. А если урок не пойдет впровод, то его можно будет повторить еще разок...

* * *

Пароходо-фрегат «Богатырь» вышел из норвежского порта Кристиансанн на рассвете. К тому времени все убитые на его борту бандиты уже встали на мертвые якоря на дне Северного моря, а их захваченный в плен главарь мистер Бенсон, связанный по рукам и ногам, мирно почивал в корабельном карцере. На «Богатыре» уже узнали – что произошло этой ночью неподалеку от Гримстада. Капитан-лейтенант фон Глазенап никак не мог поверить в то, что небольшой кораблик, по размерам почти в два раза меньший, чем «Богатырь», сумел один расправиться с тремя грозными британскими фрегатами. Причем, судя по описанию боя, все закончилось в течение получаса.

– Господа, это же просто ужасно, – фон Глазенап был не удивлен, а скорее расстроен. – Что же такое получается – все флоты морских государств в один прекрасный день могут превратиться в простые плавучие мишени для таких вот корабликов?

– Это рано или поздно должно случиться, – меланхолично заметил Игорь Пирогов. – Паровой броненосный флот скоро будет господствовать на морях и океанах. Для этого имеются все предпосылки: паровые машины, бомбические пушки и стальная броня. То есть основа для создания броненосных кораблей в самом ближайшем будущем. И было бы совсем неплохо, чтобы Россия в этой гонке вооружений не оказалась в роли аутсайдера.

– Я уповаю на мудрость нашего императора и на талант наших кораблестроителей, которые – я уверен – уже в самое ближайшее время начнут строительство новых типов кораблей, – вздохнул капитан-лейтенант фон Глазенап. – Только ведь ваш катер не был вооружен бомбическими пушками и, судя по его водоизмещению, не имел толстой брони. Как же он

тогда сумел справиться с тремя британскими фрегатами?

Пирогов развел руками, показывая, что есть вещи, которые положено знать лишь императору и лицам, на то уполномоченным. Фон Глазенап еще раз вздохнул, извинился, надел фуражку и вышел из каюты. Он понимал, что пассажиры, с которыми ему пришлось совершить это полное опасностей путешествие в Британию и насчет которых он получил персональный инструктаж от самого государя – люди необычные. Они являются носителями какой-то страшной тайны, которую ему, капитан-лейтенанту фон Глазенапу, знать не по чину. У него, конечно, были некоторые предположения насчет их происхождения, однако капитан-лейтенант предпочитал держать свои догадки при себе, здраво рассудив, что каждый сверчок должен знать свой шесток.

По расчетам фон Глазенапа пароходо-фрегат должен был вскоре оказаться на месте ночного сражения. Возможно, что, если повезет, то можно будет найти там оставшихся в живых британских матросов. Но усилившийся холодный северный ветер и сильное волнение сделали шансы на спасение кого-либо из команд потопленных кораблей равными нулю.

Впередсмотрящие внимательно осматривали бурное море, но так ничего и не сумели обнаружить. Похоже, что волны и ветер угнали обломки погибших фрегатов в сторону побережья Дании. «Богатырь», подгоняемый попутным ветром, вошел в пролив Скагеррак и ходко направился в сторону Копенгагена...

Спасенные с разгромленной британской эскадры все же были. Ранним утром, когда волнение на море еще не было столь сильным, датский торговый барк «Гекла», следовавший с грузом в английский порт Лоустоф, подобрал в проливе семь британских матросов и одного офицера с фрегата «Гринвич». Они плавали на поверхности моря, мертвой хваткой вцепившись в обломок мачты. Датчанам с большим трудом удалось разжать их пальцы, чтобы поднять моряков в свою шлюпку.

Все спасенные были едва живы, дрожали от холода и находились в невменяемом состоянии. Двое из них, похоже, сошли с ума. Онинесли явную околесицу, рассказывая спасшим их датчанам про страшные огненные стрелы, которые внезапно обрушились ночью на их корабли, и о страшной ладье самого Владыки Преисподней, которая носилась по морю с бешеной скоростью, а потом, утопив их корабли, ушла в изумрудные ворота, вдруг открывшиеся среди моря.

В порту Лоустоф спасенные были переданы представителям британского Адмиралтейства, которые с соблюдением всех мер секретности доставили их в Лондон. Там офицера и пятерых моряков –

двух, признанных медиками сумасшедшими, поместили в Бедлам – где тщательно поодиночке допросили, стараясь выяснить все подробности ночного сражения. Полученную информацию доложили лично виконту Мельбурну, премьер-министру Соединенного королевства.

Сведения эти оказались неутешительными. Вся небольшая британская эскадра была уничтожена в течение получаса таинственным суденышком, которое, как в один голос рассказывали уцелевшие моряки, расстреляло фрегаты с огромного расстояния чем-то, напоминающим ракеты Конгрева.

– Только летают они с огромной скоростью и попадают в цель с удивительной точностью, – рассказывал лейтенант с фрегата «Гринвич», – а сила их взрыва просто чудовищна. Двух попаданий в наш фрегат вполне хватило для того, чтобы проделать в его борту две огромные пробоины и поджечь сам корабль. Он запылал, словно охалка сухого сена, брошенная в костер, и стал тонуть. Потушить его мы даже и не пытались. Мы видели, как на расстоянии трех миль от нас по морю носилось с огромной скоростью небольшое суденышко, которое и выпускало одну за другой эти страшные ракеты. Я полагаю, что скорость его была не менее тридцати узлов.

Увидев, что командер, который вел допрос, смотрит на него с недоверием, лейтенант заявил:

– Сэр, я готов подтвердить все сказанное мной под присягой. Поверьте, я не вру. Это было просто ужасно... Я не мог даже представить себе такое – два взрыва, и горящий корабль идет ко дну... Сэр, такого противника не смог бы победить даже гениальный Горацио Нельсон. У нас просто нет способов бороться с этим страшным оружием...

Виконт Мельбурн покачал головой. Если даже половина того, что рассказали чудом спасшиеся моряки с «Гринвича» – правда, то королевству угрожает смертельная опасность. Только вот откуда взялся этот корабль-убийца и куда он потом скрылся?

Поначалу премьер-министр подумал, что это все проделки странных русских с фрегата «Богатырь». Но, как сообщили в Адмиралтейство из Кристиансанна, фрегат вышел в море ранним утром, когда сражение у Гримстада уже закончилось. Следовательно, у русского корабля было полное алиби. Его невозможно обвинить в гибели сразу трех британских фрегатов, каждый из которых по отдельности был сильнее русского.

Может быть, все происходящее связано с цепью странных событий, происходивших в последнее время в России. Сначала разгром агентурной сети в Петербурге, причем неизвестно куда подевались опытные разведчики, которые до этого чувствовали себя в полной безопасности в

русской столице и имели выход на высших сановников Российской империи. Далее последовал визит в Британию фрегата «Богатырь» со странными пассажирами на борту, встреча их с известной русской шпионкой княгиней Ливен, после чего при таинственных обстоятельствах бесследно исчез один из ценнейших сотрудников секретной службы Ее Величества сэр Дэвид Уркварт. И вот теперь потопление трех фрегатов и яхты «Свифт», которые готовы были напасть на русский корабль и захватить следовавших на нем пассажиров. Значит, все завязано на этих самых русских, неизвестно откуда взявшихся и сумевших проникнуть в ближайшее окружение императора Николая I.

Виконт Мельбурн задумался. Как следовало поступить? Снова соваться в Россию и потерять еще несколько ценных разведчиков – это дело, заранее обреченное на провал. А если попробовать выйти на них через княгиню Ливен? Надо бы узнать – она еще в Англии или уже успела уехать в Париж, где она держала салон, который посещали представители высшей европейской аристократии. Если она еще в Британии, то следует аккуратно расспросить княгиню и попробовать получить в ходе разговора информацию о ее недавних гостях. Ну, а если удастся узнать, что княгиня Ливен что-то знает о них, но не желает поделиться своими знаниями с британцами, то тогда...

Премьер-министр поморщился, вспомнив, что в свое время княгиня имела интимную связь с принцем-регентом Георгом, будущим королем Георгом IV, и своего сына, рожденного от этой связи, назвала его именем. Король даже согласился стать крестным отцом своего бастарда. С этой светской дамой надо вести себя вежливо. Ну, а если что-то во время их беседы пойдет не так, то всем известно, что Англия – страна со скверным климатом, и смерть русской княгини никого особо не удивит...

Итак, решено. Виконт Мельбурн взял с письменного стола колокольчик и позвонил. Вошедшему секретарю он приказал:

– Джеймс, срочно выясните – где сейчас находится княгиня Ливен. Если она все еще в Лондоне, то передайте ей, что я желал бы видеть ее сегодня вечером у себя...

* * *

Подробности разгрома британской эскадры императору Николаю первым рассказал Степан Попов. Домой, в Петербург XIX века, он вернулся тем же путем, каким попал в XXI век. Через портал, который

открылся недалеко от Балтийска, «Мираж» снова попал в свое время. Степана посадили на самолет – он теперь знал, что так называется железный летательный аппарат будущего – который доставил его в Санкт-Петербург, где пройдя уже через другой портал, он оказался в усадьбе отставного майора Сергеева. Там его с нетерпением ждал граф Бенкендорф.

– Поздравляю вас, господин лейтенант, – сказал граф, пожимая руку несколько опешившему от неожиданности Попову. – Да-да, я не ошибся – вы теперь лейтенант флота Российского. Государь соблаговолил принять вас снова на службу, с присвоением вам следующего чина. Он остался весьма доволен вашим участием в разгроме эскадры этих наглых британцев, которые готовились напасть на российский военный корабль. Весь экипаж катера, который так лихо разделался с четырьмя кораблями страны, возомнившей себя владычицей морей, будет награжден императором. Вас, господин лейтенант, тоже ждет награда. Какая – я вам не скажу, пусть это будет для вас сюрпризом.

Попов почувствовал, что у него за плечами выросли крылья. Как военный человек – а он себя считал таковым, даже несмотря на то, что уволился с военной службы и занялся коммерцией, – Степан мечтал о блестящей карьере, высоких чинах и наградах. И, кажется, мечты его, наконец, начали сбываться. Он знал, что достаточно было хотя бы раз попасться на глаза государю и удостоится его благосклонности, как можно потом было надеяться на новые высокие должности, титулы и завидное положение в обществе.

Граф предложил Степану немедленно отправиться в Петербург, чтобы лично рассказать императору о славном сражении, в ходе которого один маленький кораблик без какого-либо ущерба для себя утопил быстроходную яхту и три могучих фрегата Ее Величества королевы Виктории.

– Ваше сиятельство, – воскликнул Попов, – я и сам был поражен всем произошедшим. Это просто восхитительно и... И ужасно. С катера взлетала ракета, которой управляли до самого момента попадания ее во вражеский корабль. Точность была просто удивительная. Через считанные секунды после выстрела она достигала цели, следовал чудовищной силы взрыв, после которого корабль, в который она попадала, охватывало пламя. Мне кажется, что вторую ракету можно было и не пускать. Но люди, которые обстреливали британские фрегаты, не хотели рисковать и старались побыстрее уничтожить противника. Шесть ракет – три фрегата.

– А яхту они тоже утопили ракетой? – поинтересовался Бенкендорф. – Господин лейтенант, я человек сухопутный, воевал все больше на суше, и в

ваших флотских делах разбираюсь скверно.

– Нет, ваше сиятельство, – ответил Попов, – британская яхта была уничтожена артиллерийским огнем. Но это тоже было что-то удивительное. Небольшая по калибру пушка стреляла с удивительной скоростью. Как мне сказал командир катера, старший лейтенант Бобров, эта пушка выпускает около пятисот снарядов в минуту...

Заметив удивленные глаза Бенкендорфа, Попов добавил:

– Я считаю, что это соответствует действительности. К тому же старший лейтенант Бобров пояснил, что есть и еще более скорострельные пушки. Но беднягам британцам хватило и того орудия, которое было установлено на катере. Правда, окончательно они утопили яхту с помощью другого своего оружия – трубы, из которой вылетел снаряд, разворотивший борт яхты. Старший лейтенант Нестеров – ну, вы его, ваше сиятельство, уже видели – назвал это смертоносное оружие «Шмелем». А другой офицер, лейтенант Алексеев, сказал, что какие-то «духи» в Афганистане дали ему прозвище «Шайтан-труба». Я не стал расспрашивать его ни про Афганистан, ни про живущих там «духов». Честно говоря, мне вполне хватило того, что я увидел в ту ночь.

– Вы правильно поступили, господин лейтенант, – кивнул граф Бенкендорф. – Не стоит спешить с расспросами – можно показаться излишне назойливым. Думаю, что со временем люди из будущего расскажут вам и о «духах», и об Афганистане. Кстати, туда полтора года назад вошла британская армия, захватившая Кабул. Знаете, чем закончилось это вторжение в истории наших потомков?

Попов отрицательно покачал головой.

– Восставшие афганцы осадили британцев в Кабуле, – криво усмехнулся Бенкендорф. – А когда 16 тысяч британцев попытались вырваться из окружения, афганцы истребили их всех. 14 января 1842 года до передовых постов английской армии в Британской Индии добрался лишь один человек – израненный и истомленный голодом военный врач Брайден. И вообще, как рассказал мне наш общий знакомый, отставной майор Сергеев, который, кстати, тоже воевал в Афганистане: «В эту страну легко войти, но очень трудно выбраться из нее».

– Ваше сиятельство, – удивленно воскликнул Попов, – вы полагаете, что эти дикари действительно истребили 16-тысячное британское войско?! Быть того не может...

– Может, господин лейтенант, может, – граф внимательно посмотрел на Степана. – Ведь наша армия воюет на Кавказе с такими же, как вы говорите, дикарями вот уже больше четверти века. И пока не видно конца и

края этой войне, которая стоит России огромных денег, а нашей армии ежегодно – тысячи погибших.

– Так в чем же дело, ваше сиятельство, – спросил Попов, – разве государь не может направить на Кавказ необходимое количество войск, чтобы раз и навсегда замирить мятежных горцев?

– Эх, господин лейтенант, – вздохнул Бенкендорф, – если бы это было все так просто. В горах не всегда побеждает тот, кто имеет большее по численности войско. Даже персидский шах Надир, разгромивший многотысячное войско Великих Моголов и разграбивший Дели, направившись в Дагестан, чуть было не остался там навсегда. А войско свое он там все же потерял. А еще, господин лейтенант, быстрому окончанию войны на Кавказе мешает помощь, которую оказывают немирным горцам британцы и турки. Они тайком высаживают в укромных бухтах Черного моря советников, помогающих им лучше воевать с нами, выгружают порох, боеприпасы, оружие. Тот человек, которого вы вывезли в бочке из-под селедки из Кристиансанна, как раз из числа таких советников. Причем один из самых главных. Теперь вы понимаете – почему за ним в Британию был снаряжен целый фрегат?

Попов понимающе кивнул, и граф продолжил:

– Так вот, если мы сумеем надежно блокировать побережье и не допустить подвоз горцам оружия и боеприпасов, то мятеж на Кавказе можно будет подавить гораздо быстрее. Только наши корабли Черноморского флота пока не могут надежно перехватывать быстроходные шхуны, которые, пользуясь туманом, заходят в уединенные бухты и там передают немирным горцам свой груз. Два брига и несколько вооруженных шхун не могут надежно перекрыть все побережье, на котором почти нет наших наблюдательных пунктов.

– Да, – Попов озадаченно почесал затылок, – действительно, заблокировать побережье – это непростое дело...

– А как вы полагаете, господин лейтенант, – граф усмехнулся и хитро посмотрел на Попова, – если вместо парусного брига на перехват турецких и британских кораблей выйдет катер, подобный тому, на котором вам довелось поучаствовать в недавнем бою?

– Ну, это же совсем другое дело, ваше сиятельство! – воскликнул Степан. – Такой катер сможет обнаружить в любую погоду и в любое время суток подозрительный корабль, догнать его и, в случае сопротивления, расстрелять из своих скорострельных пушек. Ему для этого даже и ракеты не понадобятся.

– Вот это я и хотел услышать от вас, – кивнул Бенкендорф. – Мне

удалось договориться с одним из высших чинов России XXI века о том, что на Черное море через портал во времени будет переброшено несколько быстроходных и хорошо вооруженных патрульных катеров. Они займутся перехватом кораблей, везущих оружие и подкрепление немирным горцам. Службе, которой предстоит согласовывать совместные действия этих катеров и кораблей нашего Черноморского флота, требуется человек, который разбирался бы в морском деле, знал – что представляют собой корабли из будущего. Кроме всего прочего, он должен быть скромным, умным, решительным и абсолютно надежным. Господин лейтенант, я хочу предложить государю вашу кандидатуру, как человека, который возглавит эту службу. С моей точки зрения, вы вполне соответствуете всем необходимым требованиям. Мне хотелось бы знать – согласны ли вы занять эту должность?

Степан вздохнул, словно перед прыжком в воду, и закивал головой, показывая, что он готов хоть сей момент отправиться на Черное море, чтобы приступить к выполнению своих обязанностей.

Бенкендорф ободряюще похлопал его по плечу, дескать – не бойся, лейтенант, – не боги горшки обжигают и, заметив, что за разговорами они доехали до Зимнего дворца, стал шарить по сиденью экипажа в поисках своей треуголки...

* * *

Только когда «Богатырь» дошел до траверза Гельсингфорса и встретил высланный навстречу ему, то ли в качестве охраны, то ли в качестве почетного караула, отряд фрегатов Балтийского флота, все, кто участвовал в походе за «скальпом» мистера Уркварта, почувствовали себя в полной безопасности. Между Петербургом и пароходно-фрегатом поддерживалась все это время устойчивая связь, и Пирогов успел вкратце рассказать Щукину обо всем, что произошло с момента выхода «Богатыря» из Норвегии.

В свою очередь, Щукин рассказал о взрыве эмоций, который вызвало в Европе сообщение о таинственной гибели четырех английских кораблей. Никто прямо Россию в этом не обвинял, но некоторые газеты весьма прозрачно намекали о причастности некоего корабля под Андреевским флагом к разгрому британской эскадры. Но все же большинство газет не склонны были считать, что это был именно корабль Российского флота. Ведь это просто было уму непостижимо – могучие фрегаты «Владычицы

морей» уничтожил один маленький кораблик, по словам уцелевших английских моряков, размером не больше средних размеров яхты, который к тому же двигался без парусов с огромной скоростью, методично, один за другим, отправляя на дно британские фрегаты.

Русская дипломатия пока отмалчивалась, так же, как и император Николай I, который хранил спокойствие и невозмутимость, словно ничего особенного и не произошло. Морякам «Богатыря», которые знали обо всех этих чудесах намного больше, чем некоторые адмиралы, капитан-лейтенантом фон Глазенапом было строго-настрого велено держать язык за зубами, намекнув также, что язык порой доводит не только до Киева, но и до таких далеких и плохо приспособленных для жизни мест, как Сибирь и Якутия.

В Петербурге же шел подсчет трофеев, точнее, той информации, которая уже была получена от переправленных в XXI век британских пленников – Уркварта и Говарда – именно его экипаж катера подобрал на месте потопления яхты «Свифт». Последний оказался на удивление осведомленным человеком. В молодости он служил на кораблях Ост-Индской компании, а точнее, в ее отделении, отвечавшем за разведывательную деятельность в районах Азии, примыкавших к южным рубежам Российской империи. Возможно, что некоторые сведения, которые сообщил «заплечных дел мастерам» из будущего мистер Говард, и устарели, но многое рассказанное им было актуально и в 1840 году.

Ну, а то, что сообщил мистер Уркварт, представляло огромный интерес для российских спецслужб. Коллеги графа Бенкендорфа из XXI века обещали обобщить полученные сведения, добавить кое-что из рассекреченных к тому времени архивов и в виде обширной обзорной записки предоставить императору Николаю Павловичу. Причем сделать это они обещали в самое ближайшее время.

Император был рад, что экспедиция в Англии закончилась благополучно. Не сказать, чтобы он очень-то боялся британцев, но все же лишний раз вступать в конфликт с этой островной супердержавой он все же остерегался. К тому же недоброй памяти бывший глава российской дипломатии Карл Нессельроде десятилетиями внушал императору, что с британцами нужно вести себя аккуратно, инапоминал о богатстве Англии и о ее могучем флоте. Нессельроде у руля русской внешней политики уже не было, но его влияние в доме у Певческого моста все же ощущалось.

Но как бы то ни было, Нессельроде навечно покинул российскую политику, и с ним из нее постепенно уходили все страшилки о несокрушимости и непобедимости Британии. Король, в общем-то, оказался

голый. Нет, флот ее и в самом деле превосходил флот России, как количеством кораблей, так и пушек. Только урок, преподнесенный британцам одним маленьким катерком из будущего, показал императору, что не так страшен черт, как его малюют.

– Ваше императорское величество, – рассказывал Николаю лейтенант Российского флота Степан Попов о том, что произошло ночью недалеко от маленького норвежского городка Гримстад, – это было что-то невероятное. Я бы никогда не поверил, что такое возможно, если бы не видел все собственными глазами.

– Скажите, лейтенант, – задумчиво произнес император, – а если бы английских кораблей было больше – сумел бы этот катер со всеми ими управиться?

– Как я понял из того, что рассказал мне командир этого корабля, старший лейтенант Бобров, – начал Попов, – после того, как были израсходованы все ракеты, катер мог вести только артиллерийский бой. Ну, и использовать те стреляющие трубы, которые они называли «Шмелями». Старший лейтенант Бобров заявил, что он смог бы еще потопить два-три фрегата, но не более того. С его слов, корабли, подобные его катеру, предназначены для охраны морских границ, перехвата контрабандистов, а не для сражения против боевых кораблей противника. Для этого у них есть другие корабли, более крупные и более мощные.

– А могут ли такие корабли быть переправлены к нам с помощью их машины времени? – поинтересовался Николай.

– Об этом следует спросить у людей из будущего, – уклонился от прямого ответа Попов. – Мне кажется, что все заключается лишь в способности их удивительной машины создавать достаточных размеров ворота, ведущие из будущего в наше время, чтобы сквозь них прошли большие корабли.

Ваше величество, мне дали полистать несколько альбомов из библиотеки старшего лейтенанта Боброва. В этих альбомах с множеством цветных изображений рассказывалось о кораблях военного флота России. Чего я там только не увидел. Там были и подводные лодки – так назывались их корабли, способные двигаться под водой, которые по размерам превосходили любой наш линейный корабль, и которые, как пояснил мне командир катера, могут, не всплывая на поверхность, совершить кругосветное путешествие.

Было там изображение огромного корабля, с палубы которого могут взлетать и садиться боевые самолеты. Что такое самолеты – я знаю. На одном из них, правда не боевом, а транспортном, я совершил перелет из

Петербурга в Пиллау, точнее Балтийск – так сейчас у них называется этот прусский город.

Боевые самолеты, как рассказал мне старший лейтенант Бобров, могут летать по воздуху со скоростью, превышающей тысячу верст в час, и нести огромные бомбы общим весом в сотни пудов на расстояние нескольких сотен верст, и сбросить их на неприятельское войско. У этого корабля, названного в честь неизвестного нам адмирала Кузнецова, есть и боевые вертолеты, которые могут также поднимать в небо бомбы, а также ракеты, с помощью которых и были уничтожены британские фрегаты...

– Ну, что такое вертолеты, я знаю, – сказал император, внимательно слушавший рассказ Попова. – Мне уже сообщали, что несколько таких летательных аппаратов могут превратить в пепел и дымящиеся обломки любой, даже самый сильный флот в мире. Я поначалу думал, что наши потомки немного преувеличивают, но после того, что произошло у Гримстада... – Николай о чем-то задумался.

Попов, стоявший перед императором по стойке смирно, невольно затаил дыхание, ожидая решения самодержца. Степан прекрасно понимал – о чем сейчас думает царь. Если люди из будущего окажут России реальную помощь в борьбе с Британией, то империя, не опасаясь английской угрозы, может действовать более решительно на южных или на восточных своих рубежах и, не боясь вмешательства Англии, решить наконец пресловутый «турецкий вопрос».

Попов разговаривал со своими бывшими сослуживцами, которые время от времени приезжали в Петербург из Севастополя по своим личным делам или по служебной надобности. Они рассказывали, что, несмотря на ранее подписанные договоры с турками, те продолжают тайком помогать мятежным горцам, воюющим на Кавказе против России. С этим надо было немедленно покончить.

Но история со шхуной «Виксен», случившаяся четыре года назад, показала, что Британия готова в подобных случаях доводить дело до крайности и даже угрожать России войной. Ведь из-за задержанной в наших территориальных водах на вполне законных основаниях шхуны с грузом военной контрабанды, Британия пригрозила России войной и всерьез собралась ввести в Черное море свои военные корабли. Османская империя, политика которой стала окончательно проанглийской, не собиралась препятствовать этому. И тогда...

Конечно, Черноморский флот под командованием такого славного адмирала, как Михаил Петрович Лазарев, всегда сможет дать достойный отпор обнаглевшим британцам. Но те, как это случилось в их истории во

время Крымской войны, могут попытаться взять количеством и, разгромив русский флот, разрушить путем бомбардировки Севастополь...

А вот, если у выхода из Босфора британский флот встретят корабли из будущего...

Степан даже зажмурился, представив – что произойдет в случае подобной встречи. Он снова вспомнил шипение стартующих ракет, пылающие во тьме британские фрегаты и отчаянные крики о помощи тонущих в холодных водах Балтики английских моряков.

Видимо, о чем-то подобном подумал и император. Он поднял голову и неожиданно произнес фразу, сказанную адмиралом Чичаговым бабке Николая – императрице Екатерине Великой в 1790 году, накануне Ревельского сражения. На опасения Екатерины о том, что из-за малочисленности русского флота в сравнении со шведским, он может потерпеть поражение, Чичагов, усмехнувшись, ответил: *«Ничего, матушка, не проглотят, подавятся!»*

– Спасибо, лейтенант, – добавил чуть позже император, – можете идти. Но готовьтесь в скорой командировке в Севастополь. Там у вас будет много работы...

* * *

Итоги сражения патрульного катера из XXI века с британскими парусными фрегатами проанализировали не только в Петербурге XIX века. По прибытии в Балтийск на катер пришли особисты и изъяли видеорегистратор, установленной на рубке, и вахтенный журнал. У всех членов экипажа была взята подписка о неразглашении, в которой строго-настрого предупреждалось, что за любые разговоры о путешествии в прошлое болтуну может грозить вполне реальный и достаточно большой срок.

Командира катера, старшего лейтенанта Боброва, после того, как и он в числе прочих подписал грозную бумагу, усадили за стол и заставили написать подробнейший отчет о своей командировке в прошлое. Изложив на двух десятках листов все, что он делал с момента перехода через портал в XIX веке, Бобров посчитал, что на этом все и грозные особисты наконец-то отпустят его душеньку на покаяние. Но не тут-то было!

Из Москвы пришло предписание – старшему лейтенанту Боброву немедленно вылететь в столицу, для чего в Балтийск за ним направили персональный самолет. Причем полковник, «обрадовавший» Боброва этой

новостью, на вопрос о том – кем подписано это предписание – ничего ему не ответил и лишь выразительно поднял глаза вверх, показывая, что со скромным командиром патрульного катера желает пообщаться некто из руководства страной.

Бобров, оказавшись в Москве, рассчитывал, что его повезут прямым на Мясницкую, в Управление Пограничной службы ФСБ России. Но машина, на которой он ехал, выехала за пределы КАД и, поколесив по подмосковным дорогам, остановилась у хорошо охраняемого коттеджного поселка.

После проверки документов на КПП и нескольких звонков куда-то, молодой человек в штатском предложил Боброву следовать за ним. Войдя в один из коттеджей, старший лейтенант замер от удивления. В большой освещенной солнцем комнате он увидел САМОГО...

Доложив, как положено по уставу, о своем прибытии, Бобров с любопытством посмотрел на первое лицо государства. А тот, в свою очередь, с таким же интересом рассматривал своего гостя.

– Знаете, Андрей Иванович, – хозяин кабинета первым нарушил затянувшееся молчание, – я завидую тем, кому посчастливилось побывать в прошлом и увидеть там наших предков. К моему глубокому сожалению, я лишен такой возможности. Хотя... Хотел бы спросить у вас – каковы ваши впечатления о людях XIX века? Насколько они искренне сотрудничают с нами, и сможем ли мы понять их? Ведь нас разделяет более полутора сотен лет. Нравы и порядки того времени совершенно не похожи на наши.

– Товарищ Верховный Главнокомандующий... – начал было Бобров, но заметив, как его собеседник поморщился, поправился: – Владимир Владимирович, мне довелось близко познакомиться лишь с немногими из числа наших предков. Но из общения с ними я сделал вывод, что они глубоко порядочные люди, которые с благодарностью принимают нашу помощь и готовы, в свою очередь, отплатить нам добром на добро. Вот только что они могут для нас сделать?

– Об этом, Андрей Иванович, нам еще не время думать, – заметил президент. – Но то, что вы с нашими предками нашли общий язык и помогли спасти русский корабль от неминуемой гибели – это очень хорошо. Я внимательно просмотрел то, что было отснято видеорегиистратором во время вашего ночного сражения с британцами. Надо сказать, что я мало что понял: какая-то тьма египетская, стартуют ракеты, пылают корабли на горизонте. Но, как мне объяснили, наши ракеты прекрасно себя показали, уверенно поражая британские парусные корабли.

– Да, Владимир Владимирович. Даже такой сравнительно слабый

боевой корабль, как мой патрульный катер, с помощью управляемых ракет поджигал британские фрегаты. Но, по моему мнению, этот способ борьбы с деревянными парусными кораблями не совсем экономичный. В данном случае лучше было бы использовать артиллерию калибра не менее 76-миллиметров. А 100-миллиметровые орудия вообще – то, что доктор прописал. Все вражеские корабли можно будет расстреливать с запредельных дистанций.

– А вы, Андрей Иванович, не хотели бы снова отправиться в прошлое и помочь нашим предкам в борьбе с врагом? – неожиданно спросил президент. – Ведь, как я понимаю, даже после такого сокрушительного поражения Британия не успокоится. Что для нее какие-то три фрегата? Это просто капля в море. В 1840 году на Северном Кавказе и в Средней Азии русская армия ведет войну с местными племенами, которых подстрекают к нападению на границы империи британские советники. В конечном итоге в нашей истории Россия сумела замирить эти племена. Но это стоило нашему народу огромных жертв и больших материальных потерь. Как вы полагаете, стоит ли помочь предкам побыстрее закончить эти войны и обезопасить свои границы?

– Конечно, помочь предкам – святое дело! – воскликнул Бобров. – Я готов для этого снова вернуться в прошлое. Только, как мне кажется, британцы вряд ли в ближайшее время рискнут снова сунуться на Балтику. Они сейчас проводят «разбор полетов», опрашивая уцелевших моряков с потопленных нами фрегатов. И то, что им удастся узнать, вряд ли вдохновит на повторную вылазку. Боюсь, что англичане попытаются повторить то, что они проделали с отцом императора Николая I. Только вместо «апоплексического удара табакеркой в висок» может последовать выстрел снайпера или взрыв царской кареты.

– Я тоже полагаю, что главные неприятности для императора Николая еще впереди, – кивнул президент. – И об этом нам тоже следует подумать. Но сейчас речь пойдет о другом. Необходимо лишить воюющих на Кавказе горцев моральной и материальной поддержки. Скажите, Андрей Иванович, вам не хочется отправиться служить на Черное море? – неожиданно спросил он у старшего лейтенанта.

Бобров понял намек президента. Он усмехнулся и в свою очередь спросил своего собеседника:

– Если речь идет о командировке в прошлое, то да – я согласен. Технические вопросы, касаемые переброски боевых кораблей на Черное море и строительство там соответствующей инфраструктуры, как я понял, меня не будут касаться?

Президент кивнул, и Бобров продолжил:

– Владимир Владимирович, только для этого нужны корабли более крупные, чем мой патрульный катер. И артиллерия у них должна быть более солидная.

– Я посоветовался со специалистами, и они предложили мне использовать сторожевые корабли проекта 10410. Их еще называют «Светлячками». У нас на Черном море есть несколько таких кораблей, которые к тому же находятся в составе Пограничного управления Южного Федерального округа. Надо только выбрать подходящий сторожевик и тщательно отобрать для него команду. Возможно, что вам, Андрей Иванович, придется командовать не только им, но и несколькими другими боевыми кораблями, которые мы со временем направим к вам для усиления. Так что с сегодняшнего дня вы – капитан-лейтенант.

Бобров, которому все сказанное стало настоящим бальзамом на душу, восторженно и браво воскликнул: «Служу России!»

– Ну, вот и отлично, – с улыбкой сказал президент. – Главное, что вы должны помнить – это то, что, служа России там, в XIX веке, вы будете служить и Российской Федерации. Я попрошу вас подумать о том – как вы видите свою новую службу на Черном море, и набросать план действий на самое ближайшее время. По всем вопросам вы можете обращаться ко мне или начальнику отдела, занимающегося взаимодействием с прошлым – подполковнику Олегу Щукину. А потом мы вам организуем ознакомительное путешествие в Петербург XIX века. Все, товарищ капитан-лейтенант, можете быть свободны. Работы теперь у вас много, так что не теряйте время зря...

Возвращение «Одиссеев»

Прибывший из дальнего плавания «Богатырь» на Родине встретили скромно – без салюта и духового оркестра. Однако в Кронштадт, для того чтобы приветствовать команду парохода-фрегата и поблагодарить ее за отличную службу, прибыл сам император Николай I. Вместе с ним в главную базу Балтийского флота отправились Шумилин-старший, Николай Сергеев, Адини, которая проводила теперь почти все свободное время со своим женихом, подполковник Щукин с дочерью Надеждой и майором Соколовым.

Сначала на горизонте показалось облачко черного дыма. «Богатырь» шел под парами, потому что дул встречный ветер и добираться под парусами до родного причала было слишком долго. Немного погодя стал виден и сам пароходо-фрегат. Щукин посмотрел в свой 24-кратный бинокль, а потом протянул его императору. Николай долго разглядывал шлепавший плицами колес по воде «Богатырь», а потом, вернув бинокль Олегу, вздохнул.

– Жаль, что время этих красавцев скоро закончится, – сказал император. – У вас, наверное, уже и не осталось парусных кораблей. – Я прекрасно все понимаю – прогресс, новая техника – но, с другой стороны, уж очень они красивые.

– Ваше величество, – усмехнулся Щукин, – парусные корабли – это игрушка ветра и волн. Вспомните, как во время войны с Турцией в 1828 году вы на линейном корабле отправились из Одессы в Варну. Вы тогда попали в шторм, и ветер едва не унес вас к Босфору. Еще немного, и случилось бы непоправимое – в плен к османам мог попасть сам российский император! Слава богу, когда все уже потеряли надежду на спасение, шторм неожиданно стих, а ветер сменился на противоположный.

– Да, было такое дело, – поморщился Николай. – И я ни перед кем не скрываю то, что в отличие от моего великого предка Петра Великого, я хотя и люблю море, но море почему-то не любит меня. Так уж как-то получилось. Господа, однако «Богатырь» уже совсем близко. Сейчас он подойдет к причалу и начнет швартовку. Думаю, что нам пора отправиться к нему и поприветствовать наших героев.

Пароходо-фрегат, нещадно дымя трубой, осторожно подгрел к пирсу. Швартовая команда на берегу вывалила плетеные кранцы и приготовилась ловить бросательные концы. На «Богатыре» переливисто засвистели

боцманские дудки и раздались громкие команды офицеров. Матросы начали швартовку и стали готовить к спуску трап. На палубе, среди царящей на «Богатыре» суеты, стояли гости из будущего и радостно махали руками встречающим.

Когда швартовка закончилась и трап был спущен, раздалась команда вахтенного офицера на общее построение.

– Господа, давайте поднимемся на этот славный корабль и поблагодарим его экипаж за блестящее выполнение им своего долга, – сказал император. – Я полагаю, что надо отметить и наших друзей из будущего, которые, рискуя жизнью, нашли, поймали и доставили в Россию этого мерзавца Уркварта.

Все направились к трапу. Шумилин-старший внешне старался держаться спокойно, но сердце у него громко билось в груди от радости – ведь его сын вернулся живым и невредимым из опасного путешествия. Император же гордился тем, что его подданные так лихо утерли нос этой мерзкой Британии, возомнившей о себе невесть что. Пусть все теперь на этом острове знают, что и на них, если понадобится, найдется управа.

Николай легко взбежал по трапу на борт парохода-фрегата. Снова засвистели боцманские дудки, а командир «Богатыря» капитан-лейтенант фон Глазенап и стоящие рядом с ним офицеры отдали честь монарху.

– Здравствуйте, молодцы-богатырцы! Благодарю вас за службу, – громко произнес Николай, отдавая честь, – вы блестяще выполнили свой долг, как и положено русским морякам! Вы заслужили мое благоволение и, конечно, награды!

– Здравия желаем, ваше вичство! – браво ответили императору моряки...

Император обошел строй, а потом поздоровался за руку с командиром парохода-фрегата.

Из Кронштадта на баркасе с царским штандартом все – и встречавшие и прибывшие из плавания – отправились в Ораниенбаум. Именно там, во дворце своего брата, Николай решил в неофициальной обстановке отметить возвращение парохода-фрегата и гостей из будущего. Он приветливо поговорил с Игорем Пироговым и Вадимом Шумилиным, а потом похвалил Шумилина-старшего за то, что тот вырастил такого храброго и умного сына.

– Александр Павлович, – сказал Николай, – было бы неплохо, если Вадим окончательно переберется к нам. Как я понял, с его начальством этот вопрос теперь легко можно уладить. Он мог бы получить достойное его место в ведомстве графа Бенкендорфа и соответствующий чин. Думаю, что

ваш сын быстро сделает карьеру, а я, в свою очередь, помог бы ему найти невесту из хорошей семьи. Правда, и в вашем времени хватает красивых женщин. Вот взять, к примеру, Ольгу Валерьевну...

– Кстати, – поинтересовался Пирогов, – а почему она не пришла встретить нас на причале? Надеюсь, с ней ничего не случилось?

– Нет, слава богу, – царь поспешил успокоить Игоря, – просто госпожа Румянцева отправилась в ваше время вместе со своим возлюбленным, Карлом Брюлловым. У нас кто-то – Александр Христофорович сейчас разбирается, кто именно – распустил о ней и господине Брюллове мерзкие слухи. Нашлись два юных дурачка из гвардейцев, которые, изрядно подвыпив, стали публично оскорблять Ольгу Валерьевну и Карла Павловича. Кончилось тем, что госпожа Румянцева двумя ударами своей очаровательной ножки уложила наземь этих наглецов. – Император усмехнулся. – И как у нее все это ловко получилось! Недоброжелатели тут же замолкли, но от греха подальше мы с графом Бенкендорфом решили на какое-то время убрать Ольгу Валерьевну и господина Брюллова из Санкт-Петербурга. Они отправились в Петербург XXI века, где и проведут недели две вместе. Думаю, что они будут этому только рады.

– Да, с нашей бравой кузиной-белошвейкой мужчинам следует держать ухо востро, – улыбнулся Шумилин, – в свое время она занималась восточными единоборствами и достигла в этом деле немалых успехов.

– А вообще, ваше величество, – Александр Павлович вдруг стал серьезным, – я заметил, что вокруг нас – тех, кто прибыл из будущего – происходит какая-то нехорошая возня. Вокруг моего дома стали околачиваться подозрительные личности, к Николаю Сергееву несколько раз подходили молодые офицеры, заводили с ним дерзкие разговоры, явно напрашиваясь, чтобы он вызвал кого-нибудь из них на дуэль. Коле я строго-настрого запретил посылать или принимать вызовы на поединок.

В поместье его отца раза два пытались въехать экипажи с незваными гостями. Правда, слуги Виктора Ивановича были им заранее проинструктированы, и они гнали враз всех приехавших без его приглашения из поместья. Все это, вместе взятое, говорит о том, что против нас начинается тайная война. Мы, конечно, сумеем за себя постоять, но Александру Христофоровичу и его команде следует заняться тщательным расследованием всех этих странных происшествий.

Император внимательно выслушал монолог Шумилина-старшего. Лицо его стало озабоченным. Николай прекрасно понимал, что многие из представителей высшего света ненавидят его новых приближенных из будущего, прекрасно понимая, что вслед за графом Нессельроде и

некоторыми другими сановниками, отправленными им в отставку, и они тоже могут лишиться милости императора. И разогнать их всех к чертовой матери тоже вряд ли удастся.

Но, с другой стороны, не обращать на все происходящее внимания тоже нельзя. Отпустишь вожжи, и кони тотчас же помчатся галопом. Все может закончиться новым четырнадцатым декабря. Николай вдруг вспомнил вечер того страшного дня, окровавленный снег на Сенатской площади, крики раненых, трупы, лежащие на льду Невы...

– Александр Павлович, – сказал он тихо Шумилину, – я понимаю ваше беспокойство и обещаю принять все надлежащие меры для того, чтобы найти зачинщиков всей этой смуты. Виновные обязательно будут наказаны. До поры до времени я бы посоветовал вам вести себя поосторожней и поберечься. Может быть, кое-кого из вас следует на время отправить к вам в будущее? Адини, например, надо будет снова показаться врачу.

– Пожалуй, так оно будет лучше, – согласился Шумилин. – Я хотел бы тоже на день-другой вернуться в будущее, чтобы утрясти кое-какие свои личные дела. Да и надо встретиться кое с кем... А пока давайте отпразднуем возвращение наших «Одиссеев», которые, рискуя жизнью, прошли между Сциллой и Харибдой и снова оказались на родной Итаке...

* * *

Шумилин решил посетить XXI век, чтобы прояснить обстановку, которая сложилась в прошлом после возвращения «Богатыря» из изрядно затянувшегося британского вояжа. Император Николай решил всерьез взяться за Англию. А это грозило со временем перерасти в вооруженное противостояние.

Правда, до открытых боевых действий на суше дело, скорее всего, не дойдет. Сколотить коалицию, направленную против России, у королевы Виктории не получится. Сейчас в Европе вряд ли можно было найти тех, кто согласился бы за английские деньги посостязаться с Российской империей на поле боя. Союз нынешней Франции с Британией был маловероятен, Австрия и Пруссия же просто не рискнут начать войну с Россией.

Но вот в тайной войне англичане могут изрядно нам напакостить, особенно в Средней Азии и на Кавказе. Да они и так уже на протяжении многих лет ведут необъявленную войну против России, подстрекая ханов, эмиров и прочих беков к нападению на наши южные рубежи, снабжая их

оружием, помогая финансово и обеспечивая военными советниками.

Британия, имеющая самый сильный военный флот в мире, может начать боевые действия против русских торговых кораблей в Средиземном море, в Атлантике, напасть на владения Российской империи на Тихом океане. А вот это будет весьма опасно, потому, что русский флот из-за своей малочисленности не способен всерьез тягаться с британским.

На эту тему Шумилин решил переговорить с Антоном Ворониным, который продолжал активную работу по усовершенствованию своей машины времени. Александру хотелось бы знать – каких размеров материальные объекты смогут теперь проходить через портал, и на какое расстояние можно будет перемещать предметы и людей от того места, где установлена машина времени. И самое главное – удалось ли его однокласснику превратить временной портал в «улицу с двусторонним движением», то есть – нельзя ли теперь открывать портал в прошлом, чтобы попадать в будущее.

Вместе с Шумилиным в XXI век отправились и две юные особы – Адини и Надежда Щукина. Если Адини попросил на время убраться в будущее сам император – под предлогом необходимости показаться врачу – то Надежду подполковник Щукин отправил в качестве компаньонки царской дочери. Дело в том, что великая княжна не могла теперь, как это она обычно делала, остаться у Ольги Румянцевой. «Кузина белошвейка» жила сейчас в своей квартире с Карлом Брюлловым. У них был своего рода «медовый месяц». И, соответственно, Адини находиться рядом с двумя влюбленными друг в друга людьми не совсем прилично.

Но, с другой стороны, Адини нельзя было оставаться одной в чужом для нее мире. Потому-то подполковник Щукин и отправил свою дочь вместе с Адини, чтобы великая княжна пожила в их питерской квартире. Две девушки, чья разница в возрасте была не такой уж большой, давно уже нашли общий язык и подружились. Адини завидовала Надежде, которая, как считала царевна, жила интересной, полной приключений жизнью. Адини с удовольствием согласилась погостить у своей подруги.

Переход в XXI век был осуществлен через портал на Черной речке. В ангаре, превращенном в перевалочную базу, Шумилина встречали Антон Воронин и Алексей Кузнецов. Они крепко обняли его и повели переодеваться. Вместо отгородок и ширмочек в нем теперь имелись достаточно просторные комнатки с вешалками, диванами и большим зеркалом. Теперь здесь можно было с достаточным комфортом переодеться и привести себя в порядок. Адини с Надеждой, сопровождаемые Ольгой Румянцевой, приехавшей встретить их, отправились в другую комнатку,

чтобы сменить юбки и корсеты на одежду, принятую в ХХІ веке. Карл Брюллов остался в квартире Ольги. Он вдохновенно работал над очередным портретом своей возлюбленной.

На дворе уже стояла ранняя осень, которая в Питере часто случается довольно прохладной. Потому для своего друга Антон привез куртку-ветровку и кепку. А для девушек Ольга захватила джинсы и джемперы. Время легких летних платьиц и сарафанов уже закончилось.

Адини долго с недоумением разглядывала серые мужские «пantalоны» – так она окрестила джинсы – не зная, как их надеть. К тому же, с ее точки зрения, в таких штанах она должна весьма неприлично выглядеть. Но, во время своих предыдущих путешествий в будущее она уже успела насмотреться не только на девиц, но и на вполне солидных дам, которые без тени смущения разгуливали по улицам в подобных «пantalонах». У некоторых штанины были изорваны, словно их порвала зубами злая собака. И никто из встречных не смотрел с удивлением или осуждением на женщин, одетых в обтягивающие ноги и зад портки. Тяжело вздохнув, Адини осторожно просунула в штанину свою стройную ножку...

Когда процесс переодевания закончился, девицы и Ольга Румянцева уселись в машину Надежды Щукиной, ожидавшую свою хозяйку у входа в ангар. Они отправились по домам. А мужчины, приняв по традиционной рюмочке коньяка – за встречу, решили немного прогуляться. При выходе из ангара их приветствовали двое молодых людей, которые, закрыв железные двери, ненавязчиво последовали вслед за друзьями.

– Вот так я и живу, – со вздохом сказал Антон, – теперь меня охраняют, как особо важного секретносителя. Парни эти ходят за мной с утра и до вечера. А дома, на Гагаринской, «конторские» выкупили квартиру напротив моей, и теперь там круглосуточно сидит группа, ведущая наблюдение за моим входом, а также за всем, что происходит поблизости. Камер видеонаблюдения вокруг понатыкали, так что теперь и никого из знакомых дам к себе не приведешь – будут, паразиты, фиксировать, как я с ней кувыркаюсь в постели. Помните, как у Высоцкого? – И Антон пропел, стараясь сделать голос хриплым, как у прославленного барда:

Побледнев, срываюсь с места, как напудренный я, —
До сих пор моя невеста целомудренная.
Про погоду мы с невестой ночью диспуты ведем,
Ну, а что другое если, – мы стесняемся при нем.
Обидно мне, досадно мне, ну, ладно.

В общем, ребята, пришлось на какое-то время придушить свой «основной инстинкт». Ну, не желаю я заниматься сексом под наблюдением «кровавой гэбни». А они еще мне при этом твердят: «Все ради вашей же, Антон Михайлович, безопасности»... Издеваются, сволочи «конторские»... Тьфу на них!

Шумилин и Кузнецов от души посмеялись над злоключениями приятеля, а потом разговор пошел уже о более серьезных вещах.

– Слушай, Тоха, – спросил Александр, – ты уже добился того, чтобы из Питера XIX века можно было открывать портал в наше время? Это очень важно – порой случаются ситуации, когда требуется экстренная связь, а время открытия портала еще не наступило. У нас там дело пахнет керосином. Возможно, что придется воевать с Англией, и без нормальной двусторонней связи будет совсем хреново.

– Друзья, – ухмыльнулся довольный Воронин, – ведь вы же не станете отрицать, что я гений? Так вот, не далее как вчера я, кажется, решил эту проблему. Чтобы проверить, как все это будет выглядеть в натуре, надо закинуть к вам мою усовершенствованную машину, лучше всего в усадьбу Иваныча, и оттуда попытаться открыть портал в XXI век. Оператором там пусть пока побудет Юра Тихонов. Мне надо будет только согласовать с ним некоторые технические моменты.

– Тоха, ты гений! – воскликнул Шумилин. – Я никогда не сомневался в этом. А как насчет повышения «грузоподъемности» твоего агрегата?

– Мы над этим тоже работаем, – Антон зевнул, культурно прикрыв рот ладошкой. – Первые результаты вы уже видели. Я о том катере, который у вас накостылял англичанам. Мои кураторы шепнули мне, что ребята, которые это сделали, были отмечены САМИМ... – Антон выразительно поднял указательный палец вверх. – И теперь богоугодное дело по опусканию лимонников ниже плитуса будет продолжено.

Антон опять зевнул, да так смачно, что чуть не вывихнул челюсти.

– Ребята, я сплю всего по три-четыре часа в сутки, – попытался оправдаться он. – Если бы вы только знали – как мне хочется отдохнуть! Просто лечь и нагло проваляться в постели сутки. И ведь никто меня не заставляет трудиться по-стахановски – это я сам так себя загоняю... Выберу денек-другой, да и свалю к вам в прошлое... Закачу пир горой в каком-нибудь шикарном трактире, напьюсь вина до поросычьего визга, прокачусь на тройке с бубенцами, да устрою «железное болеро» в борделе с местными «веселыми девицами». Они вроде у вас в Коломне обитают?

– Ага... А потом мы с графом Бенкендорфом будем отмазывать тебя в полицейском участке, – Шумилин рассмеялся, представив себе на минуту

своего друга в залитом вином и соусами сюртуке, с растрепанной шевелюрой, с бланшем под глазом, сидящим на лавочке в полицейском околотке, среди петербургских босяков.

– Хорошо, сварганим тебе «день здоровья» в XIX веке, – улыбнулся Александр, – только без явных nepотpeбств. Император еще тебе орден какой-нибудь повесит, чин пожалует, богатую невесту из знатного рода сосватает. Он умных людей привлекает. А уж такого гения, как ты...

Друзья рассмеялись и продолжили тот обычный мужской треп, который так любят мужчины.

* * *

Надежда Щукина вела машину осторожно, стараясь не превышать скорость и тщательно соблюдать правила дорожного движения. За время пребывания в прошлом она немного отвыкла от вождения авто в большом городе с кучей светофоров, знаков, чокнутых пешеходов, бросающихся под колеса, и не менее чокнутых водителей, которым на эти знаки и светофоры откровенно наплевать.

Закинув на Лиговку Ольгу Румянцеву и с трудом отбрыкавшись от ее предложения «зайти в гости и попить чайку», Надежда добралась до своего «дома на куриных ножках» на Бассейной.

– Все, Адини, приехали, – сказала она, заглушив двигатель. – Вылезай, пойдем домой.

Девушки договорились, что, находясь в будущем, они будут обращаться друг к другу на «ты», чтобы со стороны их беседа не выглядела, мягко говоря, странной.

Войдя в квартиру Щукиных, царская дочь внимательно осмотрелась по сторонам. Она уже знала, что люди в XXI веке жили в помещениях, с точки зрения людей ее круга, тесных и довольно бедно обставленных. Но двухкомнатная квартира, в которой подполковник Щукин обитал со своей дочерью, выглядела уж совсем по-спартански. Присутствие в ней представительницы прекрасной половины рода человеческого угадывалось здесь лишь по небольшому настенному зеркалу, висевшему в углу одной из комнат, и полочке с духами, губной помадой и прочей косметикой.

– Вот, Адини, там мы и живем с папой, – со вздохом сказала Надежда. – То его нет неделями дома, то меня. Папа, после того как погибла мама, больше не женился и занимался моим воспитанием. Правда, когда он понял, что из меня получилась амазонка, а не кисейная барышня,

было уже поздно. Только я из-за этого не очень-то и расстраиваюсь. Мне такая жизнь нравится.

– Надин, – робко поинтересовалась Адини, – так ты здесь живешь совершенно одна? И тебе не страшно?

– А чего бояться-то? – пожала плечами Надежда. – У меня вполне достаточно сил и умения, чтобы постоять за себя. К тому же здесь столько разных смертоносных штучек, что я не позавидовала бы тому жулику, который сдуру вломился бы к нам. Вот только еды у нас, наверное, совсем нет. Придется мне сбегать в магазин и купить что-нибудь поесть, чтобы не умереть с голода. Ты пока не скучай, я быстро. Одна нога здесь, а другая там. Ну, а ты чувствуй здесь себя, как дома.

Надежда убежала, а Адини стала с любопытством разглядывать картины, фотографии и какие-то бумаги, висевшие в рамках на стенах квартиры. Тут были изображения самого подполковника Щукина, в военной форме и в штатской одежде, фотографии красивых видов в горах, а также дипломы, в которых говорилось о том, что Надин отличилась в соревнованиях по высшему пилотажу – надо потом будет спросить у нее, что это такое – и по рукопашному бою.

Последнее весьма удивило Адини. Она даже не могла представить свою подругу, дерущуюся на кулаках с такими же, как и она, девицами. Но рядом с дипломом висела фотография, на которой Надин была изображена в странных белых одеждах. Ладони ее были сжаты в кулаки, а на лице – такое свирепое выражение, словно Надин готовилась сию же минуту броситься в драку.

Адини покачала головой. Нет, она слышала, конечно, про девиц, вроде Жанны д'Арк, или штабс-ротмистра Надежды Дуровой. Но вот Надин, такая красивая и славная – и машущая кулаками, словно мужики на Масленицу на Фонтанке... Да, удивительные нравы у здешних девиц.

И тут Адини вдруг подумала о том, что если она выйдет замуж за Николя, то ей тоже придется стать такой же, как и ее новая подруга, и жить в таких же тесных комнатах без огромных зеркал, без слуг и горничных. Придется все делать самой. Конечно, в мире будущего есть умные машины, которые помогают хозяйкам стирать и готовить. Но за продуктами надо будет самой ходить в магазин. Наверное, ей все же не нужно будет учиться драться. Но научиться постоять за себя, похоже, придется.

Хлопнула входная дверь, и в квартиру вбежала покрасневшая от быстрой ходьбы Надежда. В руках у нее были два объемистых разноцветных пакета.

– А вот и я, Адини, – радостно воскликнула она. – Сейчас я переоденусь и быстренько сготовлю что-нибудь поесть. Мы с тобой закатим пир горой. Ты пирожные любишь?

– Люблю, – со вздохом ответила Адини, – только папá недоволен и ругает нашего метрдотеля, если он дает нам что-нибудь сладкое к столу. А конфеты и мороженое мы едим только на праздники. – Великая княжна еще раз тяжело вздохнула.

– Ну, – заговорщицки шепнула ей Надежда, – наши папы остались в прошлом, так что мы без них немного пошалим. Устроим праздник непослушания. – И девушки залились веселым смехом...

Надежда приготовила универсальное холостяцкое блюдо – пельмени, а потом они с удовольствием сидели и ели вкусные пирожные с заварным кремом, запивая все ароматным чаем. И, естественно, они болтали обо всем или не о чем, как все женщины во все времена.

Адини расспрашивала Надежду о ее детстве, учебе в школе, об увлечениях и симпатиях. Хозяйка квартиры призналась, что ей очень нравится Дмитрий Соколов. Похоже, что и она понравилась этому молодому достойному человеку.

– Скажу честно, Адини, – призналась Надежда, задумчиво поглядывая на блюдце с лежавшим на нем одиноким эклером, – Дмитрию будет со мной нелегко. У меня нрав далеко не идеальный. Хотя я внешнеюстью очень похожа на маму, но характер у меня отцовский, то есть упрямый и своевольный. Намучается он со мной, бедняжка...

– А я вот очень люблю Николая, – по-бабьи пригорюнившись, сказала Адини. – И я никогда не буду с ним спорить. Он такой умный и добрый. Скорее бы он перебрался сюда, в будущее.

– Да, Коля воин, – вздохнула Надежда. – Только и Дима тоже воевал. Оба были ранены, да и сражались они примерно в одних и тех же местах, только в разные века. А, ладно, не будем о грустном... Тебе когда надо будет быть у врача?

– Надо позвонить по этому, как его, телефону, Алексею Игоревичу и спросить у него, – спохватилась Адини. – Только это все завтра, сегодня, наверное, уже поздно, и не стоит беспокоить такого занятого человека.

– Позвоним, позвоним... – зевнула Надежда. – А не пора ли нам на боковую? Завтра день может быть хлопотный, а потому следует хорошенечко выспаться.

– Знаешь, Надин, – немного подумав, ответила Адини, – мне что-то не хочется спать. Если ты не против, то я немного полежу в кровати, почитаю? У тебя на полке много книг. Я пороюсь в них, может быть, найду что-

нибудь интересное для меня.

– Ну, как хочешь, – опять зевнула Надежда. – Я сейчас пойду в ванную, сполоснусь и лягу баиньки. А книги, что ж, посмотри. Правда, половина из них – чисто специальная литература, типа: «Основы высшего пилотажа», или «Справочник по холодному оружию». Но есть и для тебя кое-что интересное. Вот, возьми и почитай двухтомник «Путешествие в страну Поэзия». Это сборник стихотворений, как твоих современников – Пушкина и Лермонтова, так и наших. Видишь, из этих книг торчат закладки – это там, где мои любимые стихи. Думаю, что они и тебе понравятся. Так что, иди, сполоснись первая, а я пока застелю тебе диван. Будешь спать в моей комнате...

Приняв душ, Надежда накинула халатик и направилась в комнату отца, где расстелила себе постель. В ее комнате горела настольная лампа. Осторожно заглянув в чуть приоткрытую дверь, она увидела, что лежащая на широком диване Адини с увлечением читала книгу, порой шевеля губами, словно произнося про себя наиболее понравившиеся ей строки.

«Бедняга, – пожалела ее Надежда, – теперь она точно до утра не уснет. Зря я ей дала такой совет. Ну, да уж ладно – что сделано, то сделано. Впредь умнее буду».

Надежда с удовольствием растянулась на отцовской тахте, закрыла глаза и моментально уснула...

Наука побеждать

Поутру Шумилин решил провести Лермонтова, который две недели назад отбыл в будущее, чтобы пройти стажировку в одном из подразделений ССО – Сил Специальных операций. Конечно, поручика не отправили в Кубинку, где, собственно, и готовили «вежливых людей», а решили ограничиться обучением его азам работы спецподразделений в тылу противника.

Учитывая, что инструкторам придется иметь дело с абсолютным «чайником», а время на учебные занятия ограничено, подготовка шла практически без выходных и по очень плотному графику. Те, кто курировал стажировку Лермонтова, боялись, что импульсивный и своевольный поэт может не выдержать нагрузок и выбросит белый флаг, заявив, что с него хватит.

Но поручик оказался человеком на удивление упрямым и, несмотря на то, что к концу дня он падал с ног от усталости и еле доползал до койки в офицерском общежитии, «просить пардону» Лермонтов не собирался.

Обо всем этом Шумилину рассказал подполковник Гаврилов, который сейчас находился в Петербурге XXI века и координировал работу Отдела «Х» с подполковником Щукиным, оставшемся в XIX веке и оттуда руководившим своими подчиненными.

– Александр Павлович, – Гаврилов посмотрел на часы и встал из-за стола своего кабинета на Литейном, – если вы желаете посмотреть на успехи поручика в боевой и политической подготовке, то можете проехать со мной в учебное подразделение. У них сегодня как раз занятия на полигоне.

Шумилин согласился, потому что ему было весьма любопытно понаблюдать – как чувствует себя Лермонтов в столь непривычной для него обстановке.

Через два часа они уже были на месте. Обучаемые в «цифровом» камуфляже на полигоне занимались на штурмовой полосе. Все они были похожи друг на друга, и Шумилин не сразу узнал среди «спецов» Лермонтова. Поручик ловко преодолевал лабиринт, сигал в траншеи и проползал под натянутой над землей колючей проволокой.

Потом начались занятия по рукопашному бою. Здесь Лермонтов выглядел слабовато, но с учетом того, что он не так давно вообще не имел представления о том, чем он сейчас занимался, получалось у него в общем-

то неплохо.

– Кураторы говорят, что поручик делает успехи, – сказал подполковник Гаврилов. – Труднее всего у нашего поэта получается работа в группе. Все же он по натуре своей индивидуалист, больше полагающийся на интуицию, чем на опыт и холодный расчет. Поэтому мы заставляем его работать в составе отделения. Вроде получается. К тому же из наших ребят – тех, с которыми ему чаще всего приходится работать, мы готовим ядро его будущего отряда. У многих из них уже есть боевой опыт. Кстати, занятия вроде закончились. Давайте подойдем поближе и поговорим с нашим «прикомандированным из XIX века».

Шумилин и Гаврилов подошли к группе молодых парней, горячо обсуждавших недавние занятия по огневой подготовке, и увидели Лермонтова, с улыбкой слушавшего собеседника – высокого белобрысого парня со шрамом на щеке.

– Миша, ты не спеши, целься лучше – в бою «бэка» расходуется на удивление быстро. В самый неподходящий момент патроны могут закончиться. К тому же сам магазин кое-что весит. Вот и прикинь – сколько ты можешь взять с собой боеприпасов, учитывая, что помимо штатного оружия и магазинов к нему, ты потащишь на своем горбу еще много чего нужного в боевом походе.

– Серж, да это мне все понятно, – ответил Лермонтов. – Только вот никак не могу справиться с собой. Стреляешь – и все пули летят прямо в цель. К тому же мне порой кажется, что это не мишени, а враги. Хочется быстрее их всех убить...

– И в этом тоже твоя ошибка, Миша, – сказал белобрысый, – в бою важно не количество, а качество поражаемых целей. В первую очередь следует уничтожать самых опасных противников. То есть хорошо вооруженных или из числа командного состава. Собственно, в этом и заключается принцип снайперской стрельбы.

– Значит, получается, что следует убивать наиболее храбрых и доблестных джигитов, – поморщился Лермонтов. – Как-то все это мне не по душе. Хотя я не стану с тобой спорить...

– Странные вещи ты говоришь порой, Миша, – покачал головой белобрысый, – словно ты с луны свалился... А, впрочем, ладно, – он махнул рукой, видимо, что-то вспомнив, что говорило ему начальство о новеньком.

Тут поручик заметил нас и, извинившись перед своим собеседником, направился в нашу сторону.

– Здравствуйте, Александр Павлович, здоровья желаю, господин

подполковник, – поздоровался он с Шумилиным и Гавриловым. – Как там дела у нас дома? Все ли в порядке? Я полагаю, что ваш визит сюда связан с обычным человеческим любопытством?

– Здравствуйте, Михаил Юрьевич, – рассмеялся Гаврилов, – в России XIX века много произошло интересного, но я вам потом обо все расскажу. Что же касается вас лично, господин поручик, то могу лишь сказать одно – вам предстоит еще недели две позаниматься здесь, обучаясь основам боевых действий в горах, с учетом нашего богатого опыта и нашей техники.

– Вот, значит, как, – задумчиво произнес Лермонтов, – что ж, у вас здесь действительно есть чему поучиться. Я за эти две недели узнал много полезного для себя. И ваши люди мне тоже очень понравились. Они настоящие воины, храбрые, умелые и... беспощадные. Впрочем, после того, что мне довелось услышать про Буденновск и Беслан, я стал их понимать. В наше время так не воевали. А не скажете ли вы мне, Владимир Николаевич, чем мне придется заниматься, когда я вернусь в Петербург XIX века?

– В Петербурге, скорее всего, ничем, – сказал Гаврилов. – Вы снова вернетесь на Кавказ, где займетесь – конечно, с нашей помощью – созданием спецгруппы, которая, после соответствующей подготовки, станет выполнять задачи по пресечению снабжения немирных горцев боеприпасами, деньгами и людьми. В самое ближайшее время мы намерены установить на Черном море плотную блокаду кавказского побережья. Но, скорее всего, некоторые мелкие суденышки все же сумеют прорваться через эту завесу.

Задачей вашей спецгруппы, Михаил Юрьевич, будет обнаружение и перехват тех, кто перевозит боеприпасы от места выгрузки в мятежные районы, и тем самым лишение немирных горцев подпитки боеприпасами и наемниками извне. Работа эта будет нелегкая и опасная. Как-никак те, кто будет по тайным тропам везти свой груз в горы, хорошо знают местность, умеют маскироваться в «зеленке» – вы уже знаете, что это такое. – Лермонтов, внимательно слушавший Гаврилова, кивнул. – А потому вам надо уметь ориентироваться в той самой «зеленке» не хуже, чем местные жители, научиться избегать засад и, в свою очередь, самим устраивать засады на пути движения караванов.

В своей деятельности вам придется взаимодействовать с нашими кораблями, которые будут осуществлять блокаду кавказского побережья. А это значит, что понадобятся люди, которые должны хорошо разбираться в нашей электронике и уметь эксплуатировать средства связи. Поэтому вы

отправитесь на Кавказ с двумя-тремя помощниками из числа наших военнослужащих. Возможно, это будут те, с кем вы сейчас обучаетесь в этом центре.

Поэт, услышав последние слова подполковника, непроизвольно обернулся, посмотрев на своих сослуживцев, которые, закончив перекур, уже строились на площадке перед учебными классами, чтобы отправиться в аудиторию, где должны были начаться новые занятия.

– Да-да, Михаил Юрьевич, – понимающе кивнул Гаврилов, – не будем отрывать вас от учебы. Ступайте и хорошенько обдумайте наше предложение. Мы снова встретимся с вами недели через две, где обсудим его более подробно. Можете быть свободны.

Поручик Лермонтов лихо отдал честь, повернулся через левое плечо и бегом помчался догонять строй «вежливых людей», бодро замаршировавших в сторону учебного корпуса.

Легендарный Севастополь...

Капитан-лейтенант Бобров принимал гостя из прошлого. Во время очередного сеанса связи с XIX веком в Петербург был переброшен его старый знакомый по приключениям у берегов Норвегии, Степан Попов.

Слова графа Бенкендорфа оказались вещими. Уже на следующий день после памятного для лейтенанта разговора с императором его вызвал к себе подполковник Щукин и после недолгой беседы, в общем-то ни о чем, неожиданно заявил:

– Вот что, Степан Михайлович, хочу, как цыганка из табора, немного погадать вам о вашем ближайшем будущем. Золотить ручку не надо, а потому слушайте меня внимательно. Предстоит вам, золотой-яхонтовый, дальняя дорога – сегодня вечером вы отправитесь в XXI век. Только на этот раз не в Петербург, и не в Балтийск, а в Севастополь. Надеюсь, вам знаком этот город?

Степан усмехнулся – знаком, очень даже знаком. В Севастополе на Черноморском флоте служил его родной дядя, старший брат отца – капитан 2-го ранга Александр Алексеевич Попов. В молодости, будучи еще мичманом, он участвовал в Средиземноморском походе адмирала Ушакова, штурмовал в 1800 году неприступный остров Корфу, а потом, в составе русского гарнизона, служил на Ионических островах. Там он пробыл без малого пять лет, после чего вернулся в Севастополь с женой – гречанкой с острова Занте.

Дядя еще долго бороздил воды Черного моря на военных кораблях, участвовал в сражениях с турками во время войны 1828–1829 года, в составе эскадры адмирала Гейдена блокировал Босфор.

Капитан 2-го ранга Попов к тому времени успел построить домик неподалеку от Севастополя, а его жена-красавица родила ему двух сыновей. Он считал себя счастливейшим человеком на земле.

Но в 1829 году в Одессе неожиданно вспыхнула эпидемия чумы. От страшной болезни тогда умерло более двухсот человек. В их числе оказались жена Александра Попова и его сыновья. На свою беду они отправились в Одессу, чтобы навестить родственников, и стали жертвами эпидемии «черной смерти». Дядя Степана тогда в один момент поседел от горя. Он с трудом перенес свалившееся на него несчастье. К тому времени здоровье уже стало подводить его, и он написал прошение об отставке.

Получив ее, Александр Попов поселился в своем домике в районе

Килен-Балки. Он переписывался с племянником и очень был расстроен, когда узнал, что тот решил оставить военную службу и выйти в отставку. Старик – а ему уже было под семьдесят, не раз приглашал к себе в гости Степана, желая отписать на него свой домик с участком – ведь других близких родственников у него не осталось.

Как-то раз по коммерческой надобности Степан посетил Севастополь и навестил дядю. Тот был несказанно рад увидеть племянника и был очень огорчен от того, что он заглянул к нему всего на пару дней. Степан подумал, что дядя скоро будет очень обрадован не только тем, что увидит племянника, но и тем, что тот снова вернулся на военную службу и получил чин лейтенанта.

Рассказав подполковнику Щукину о своем родственнике, Попов стал собираться в путешествие. Он был рад снова оказаться в будущем и увидеть удивительный мир, в котором живут их потомки. К тому же, как понял Степан, в Севастополе XXI века он долго не загостится. Путь его будет лежать опять в свое время, где он, вместе с адмиралом Лазаревым, приступит к организации надежной блокады Кавказского побережья Черного моря.

* * *

...Сияющий изумрудный овал снова превратился в яркую точку. Лейтенант осмотрелся по сторонам. Помещение, в котором он оказался, было ему незнакомо. Скорее всего, он находился в пещере, причем рукотворного происхождения. Степан вспомнил, что однокашник по Морскому корпусу, сам родом из Севастополя, рассказывал ему о пещерах, которые были в городе еще со времен византийского Херсонеса. Похоже, что люди из XXI века установили свою хитроумную машину в одной из подобных пещер.

Но Попов ошибался – машина времени была установлена в одном из помещений объекта «Крот», сооруженного еще в 1950 году в районе Георгиевской балки. Это была подземная тепловая электростанция, заглубленная в скальные породы на четыре-пять этажей. В одном из изолированных помещений этого объекта и разместили оборудование для перемещения во времени и пространстве.

В подземелье гостя из прошлого, помимо механика, сидевшего за пультом управления, встретил улыбающийся капитан-лейтенант Бобров. Он был одет в форму, не совсем похожую на ту, которая была у него, когда

он командовал патрульным катером. На этот раз на нем была надета светлая рубашка без рукавов, черные брюки и черная шапочка с кокардой.

– Рад приветствовать вас, Степан Михайлович, – воскликнул Бобров, – в городе-герое Севастополе. Сейчас вы переоденетесь, и мы пойдем с вами туда, где можно будет обговорить все, что касается выполнения поставленной перед нами задачи.

– Вот, кстати, и ваша форма, – он указал на вешалку, на которой висел такой же костюм, какой был на нем.

– И еще, – улыбнулся Бобров. – Я хочу предложить вам перейти на «ты» и обращаться друг к другу по имени. Меня, как вам известно, зовут Андреем. Ну что, Степан, ты согласен?..

Попов, с любопытством рассматривавший форму, которую ему предстояло носить в этом мире, кивнул. Ему был симпатичен этот веселый морской офицер. Но Степан хорошо помнил о том, как решительно и безжалостно он действовал, когда уничтожал британские фрегаты у Гримстада.

Андрей помог Попову разобраться с формой, которая пришлась тому впору, и кратко объяснил – как и кого следует приветствовать при встрече. В общем, ничего мудреного в рассказанного им не было, лишь Степана немного удивило то, что при обращении к старшим по званию не следовало их титуловать согласно Табели о рангах. Еще больше удивило его, что в будущем вообще отсутствовала подобная табель.

Когда Попов оделся, Андрей достал из нагрудного кармана рубашки какой-то документ и протянул его Степану.

– Думаю, что удостоверение личности тебе вряд ли потребуется – нас будут все время сопровождать люди, которые ответят на любые вопросы, любому начальнику, который, паче чаяния, заинтересуется лично тобой. Но пусть будет, так, на всякий случай...

Они вышли из помещения в длинный коридор. Побродив по подземным лабиринтам, Степан со своим сопровождающим выбрались, наконец, на свет божий. От яркого южного солнца, ударившего им в лицо, они зажмурились. Рядом с выходом из подземелья стоял служебный автомобиль. Андрей открыл его дверцу и пригласил Попова занять место на заднем сиденье. Потом сел в него сам, захлопнул дверцу и приказал человеку, который управлял самобеглой коляской:

– На объект «Х», быстро, но без экстрима.

Степан хотел было спросить у Боброва – что такое «объект Х» и «экстрим», но, подумав, решил сделать это попозже. Пока же он сидел на мягком сиденье и глазел по сторонам. Машина вскоре вывернула на дорогу,

идущую вдоль Северной бухты.

Попов узнавал и не узнавал Севастополь. Хотя бухты и холмы вокруг них остались такими же, какими они были и в XIX веке, все остальное выглядело для него непривычно и незнакомо. В гавани вместо красавцев 100-стопушечных парусников застыли стальные громады серых боевых кораблей без мачт с реями и вантами, но зато с какими-то непонятными сооружениями вместо них. Единственно, что Степану бросилось в глаза, так это то, что улицы города, как и в его время, были полны морскими служителями, пусть одетыми в непривычную форму.

Свернув на тихую улочку, автомобиль подъехал к глухим железным воротам, которые открылись сами собой. Они свернули в глухой закуток, где несли службу два солдата со странными короткими ружьями в руках. Откуда-то сбоку к автомобилю подошел офицер, который о чем-то тихо спросил у Боброва. Тот в ответ показал какую-то бумажку, тщательно изучив которую, офицер разрешающе поднял руку. Открылись другие железные ворота, и они попали в воинскую часть – Степан уже знал, что именно так подобные объекты обычно выглядят в будущем.

Автомобиль остановился у небольшого двухэтажного домика, у входа в который стоял солдат, вооруженный автоматом, – так Андрей называл эти странные ружья. Бобров подошел к часовому, тот что-то сказал в небольшой черный ящик у входа в домик. Вскоре из двери вышел офицер, сделавший им приглашающий жест. Они вошли в помещение.

В просторном прохладном кабинете их встретил старший офицер – адмирал, как понял из обращения к нему Боброва, – который, впрочем, отнесся к гостям весьма радушно и пригласил их присесть на мягкие стулья, стоявшие у большого рабочего стола.

– Я в общих чертах знаком, гм... со спецификой вашего задания, – обратился он к ним, – как и о том, что его курирует лично... – тут адмирал кивнул головой в сторону портрета, на котором был изображен человек в морской форме. Степан уже знал, что это правитель Российской Федерации – так в XXI веке называли Россию.

– Я хочу, – продолжил адмирал, – предложить вам мое видение того, как решить вашу проблему. Вот, смотрите, – и он расстелил на столе большую карту Черного моря, – ситуация на данный момент складывается следующая...

Беда пришла, откуда ее не ждали. Ранним утром подполковнику Щукину, который все это время находился на положении почетного гостя в Аничковом дворце, доложили, что его желает видеть посетитель.

– Он сказал, что является вашим хорошим знакомым по Лондону, – заговорщически произнес лакей, нагнувшись к его уху.

«Интересно, кто бы это мог быть?» – подумал Олег. Он велел лакею привести раннего визитера. На всякий случай подполковник достал из кобуры пистолет Ярыгина, передернул затвор и сунул оружие под расшитую бисером бархатную подушку, лежавшую на диване.

Лакей ввел в комнату мистера Джейкоба Уайта. Лицо помощника княгини Ливен осунулось и заросло черной щетиной. Одежда гостя из Лондона была изрядно помята и припорошена дорожной пылью. Похоже, что мистер Уайт не один день находился в пути, и ему приходилось спать не раздеваясь.

Олег поздоровался с гостем. Джейкоб виновато взглянул красными от бессонницы глазами на Щукина, и у того сжалось сердце от нехорошего предчувствия.

– Что-нибудь случилось с княгиней? – неожиданно охрипшим голосом спросил подполковник.

Мистер Уайт молча кивнул, потом неожиданно всхлипнул и отвернулся в сторону. По его небритой щеке потекли слезы.

– Они убили ее, – хриплым голосом произнес Джейкоб. – Эти ублюдки убили самую умную и самую прекрасную женщину в мире. Британцы – мерзкая и подлая нация!

Щукин предложил своему гостю сесть в кресло и, не говоря ни слова, налил ему стакан вина. Сделав несколько глотков, мистер Уайт немного успокоился и с жадностью начал поглядывать на блюде с печеньем, стоявшее рядом с графином с вином. Олег понял, что Джейкоб несколько дней ничего не ел. Он колокольчиком вызвал лакея и попросил его накрыть в столовой обед на две персоны. А пока Щукин решил расспросить своего гостя о подробностях произошедшей трагедии.

Мистер Уайт, с трудом сдерживая себя, начал свой рассказ.

– Господин подполковник, как вы уже догадались, я родился не на проклятых Британских островах. Моя родина – остров Корсика. Да, я земляк Наполеоне Буонапарте, который прославил наш остров, но которого я люто ненавижу.

Мой род был сторонником Паскуале Паоли, перед которым в свое время пресмыкался этот выскочка Буонапарте, и которого Наполеоне предал вместе со своими мерзкими братьями – Люсьеном и Жозефом,

написав на него донос в якобинский Конвент. Корсиканцы не простили этой подлой семейке измены, и род Буонапарте был изгнан с Корсики, а их родовая усадьба разрушена.

Паскуале Паоли был сторонником английских порядков и даже объявил главой Корсики британского короля Георга III. Но англичане, как всегда, оказались обманщиками – они не стали защищать Корсику от французов, предводителем которых был этот мерзавец Буонапарте, и эвакуировали свои гарнизоны с острова. Вместе с ними родную Корсику покинули и мои родители. Британский парламент назначил Паскуале Паоли пенсию – две тысячи фунтов стерлингов в год. Моя же семья осталась без средств к существованию. Мы все давно бы умерли в нищете от голода и холода, если бы не княгиня Ливен...

Голос мистера Уайта дрогнул, и он, достав из кармана сюртука замызганный клетчатый носовой платок, шумно высморкался.

– Эта святая женщина стала для нас поистине ангелом-хранителем. Она помогла нам найти крышу над головой, благодаря ее протекции я получил хорошее образование и смог зарабатывать достаточно денег для того, чтобы мои родители прожили остаток своих дней в сытости и достатке. Я платил княгине своей преданностью и готов был идти за нее и в огонь, и в воду.

Вы, господин подполковник, прекрасно понимаете, что некоторые поручения княгини Ливен были весьма опасными для тех, кто их выполнял. Но меня это не пугало. От своих родителей я получил крепкое здоровье, умение думать и принимать верное решение в самых трудных ситуациях. К тому же я готов был умереть под самыми страшными пытками, но не выдать свою благодетельницу. И вот, они ее убили...

Мистер Уайт замолчал, с трудом сдерживая рыдания. Щукин сочувственно посмотрел на него и снова наполнил вином стакан.

– Выпейте, может быть, вам станет немного легче, – сказал он. – Кстати, как ваша настоящая фамилия – сеньор Бьянко? И расскажите поподробней о том, что же произошло с Дарьей Христофоровной?

Джейкоб (или Джакопо?) благодарно кивнул Олегу, отхлебнул вина из стакана и продолжил свой рассказ:

– Да, господин подполковник, вы угадали. Моя фамилия действительно Бьянко. А с княгиней произошло вот что.

Сразу же после того, как ваши моряки разгромили и сожгли британскую эскадру у берегов Норвегии, старый мерзавец виконт Мельбурн пригласил ее к себе на ужин. Мне это приглашение ужасно не понравилось, но княгиня сказала, что ей бояться нечего, и, скорее всего,

виконт просто решил расспросить ее о таинственных гостях, которые несколько раз навещали ее. Я попробовал отговорить ее от этого визита, но княгиня лишь рассмеялась и заверила меня, что все будет в порядке... Эх, почему я не настоял на своем и отпустил ее к этому высокородному подонку! – воскликнул мистер Уайт. – Ведь я хорошо знал, что британский высший свет в большинстве своем состоит из таких мерзавцев, что душегуб и растлитель малолетних по сравнению с английским лордом – образец добродетели!

В общем, господин подполковник, от виконта Мельбурна княгиня явилась поздно и с порога заявила мне, что ей нехорошо, что ее тошнит и что она задыхается. Княгиня велела горничной помочь ей раздеться, побыстрее разобрать постель и подать горячего чая. А к утру она умерла... Они отравили ее! Этот виконт Мельбурн, подобно какому-то Гонзаго, Медичи или Борджиа, угостил княгиню отравой! До последней минуты она была в сознании и, задыхаясь, все же успела приказать мне уничтожить документы, которые хранились у нее в особом бауле, а потом взяла с меня слово, что после того, как она навеки закроет глаза, я должен отправиться в Россию и встретиться с вами. И я выполнил последнюю волю княгини...

– Вот так, значит, – только и сказал Щукин. – Царствие Небесное этой замечательной женщине, – он перекрестился, и вслед за ним перекрестился Джейкоб, только не по-православному, а по-католически, бормоча при этом: «Патер ностер, кви эс ин целис, санкцифизатур номен тум...»

– Аминь, – произнес Олег, когда его гость закончил читать молитву. – Вы, надеюсь, выполнили то, что вас просила перед смертью княгиня?

– Да, господин подполковник. Я сжег в камине все документы из ее саквояжа и тщательно перемешал кочергой пепел. Сделал я это вовремя. Утром в дом княгини ввалились полицейские во главе с коронером, которые заявили, что начато следствие по поводу внезапной кончины княгини Ливен, и что все ее бумаги будут изъяты, чтобы проверить – нет ли в них улик, которые пролили бы свет на причину смерти этой знатной и богатой женщины. Я был задержан полицией – «для выяснения всех обстоятельств дела». Прекрасно понимая, что это лишь предлог для моего ареста, и что я, скорее всего, вряд ли когда-нибудь выйду на свободу, а также то, что меня будут пытаться, чтобы узнать о тех, кто недавно был в гостях у княгини, я решил бежать.

– И как же вам удалось вырваться из рук полиции? – поинтересовался Щукин.

– Я убил двух сопровождавших меня полицейских, – просто и без затей заявил мистер Уайт. Он ловко выхватил из рукава своего сюртука

острый и тонкий стилет. – Таким оружием умеет пользоваться каждый корсиканец. У нас на Корсике этому искусству учатся с детства. Потом я тайком добрался до Дувра, где мои знакомые контрабандисты переправили меня в голландский порт Флиссинген, а оттуда через германские государства добрался до границ России. Три дня назад у меня кончились деньги...

Мистер Уайт сглотнул слюну, и подполковник вспомнил, что стол, наверное, уже накрыт, и вышколенные царские лакеи ожидают его команду начать подавать блюда.

– Идемте, друг мой, – сказал от Джейкобу. – Сейчас мы с вами перекусим, потом вы приведете себя в порядок, немного отдохнете, и мы продолжим нашу беседу...

* * *

Мистер Уайт всячески старался не показать Щукину, что умирает от голода. Он ел не спеша, тщательно пережевывая пищу, но жадность, с которой он глотал еду, показывала, что корсиканец с трудом сдерживает себя, чтобы не начать яростно орудовать вилкой и запихивать в рот крупные куски.

Щукин за обедом молчал, чтобы не отвлекать своего гостя от процесса насыщения организма.

«Бедняга, – подумал он, – пусть хорошенько поест и выспится. А потом я продолжу с ним беседу. Надо его как следует, во всех подробностях, расспросить об убийстве княгини Ливен...»

Когда мистер Уайт наконец наелся и глаза его осоловели от сытости, Щукин велел лакею отвести корсиканца в спальню, дать ему умыться, уложить в постель и не будить.

– Пусть спит, пока сам не проснется, – предупредил он лакея. – А вы пока приведите в порядок его одежду. И поменьше болтайте обо всем, что увидели. Помните – язык доводит не только до Киева, но и до более северных мест... Например, до Якутска или Березова...

– Ну, что вы, Олег Михайлович, – обиженно произнес лакей. – Нас сам граф Бенкендорф предупреждал, чтобы мы были немые как рыбы и никому ничего не рассказывали о том, что мы здесь увидели и услышали. Неужто мы сами себе враги?

– Вот и хорошо. А вы, друг мой, – Олег повернулся к мистеру Уайту, – сейчас должны как следует отдохнуть. Поверьте мне, вам необходимо

хорошенько выспаться и набраться сил. А мы пока подумаем – как отомстить за смерть княгини Ливен. У вас, корсиканцев, существует такая традиция, как вендетта. Только и у славян в свое время была кровная месть. Мы не простим подлым убийцам ее смерть, и они скоро пожалеют о том, что подняли руку на такую замечательную женщину, как Дарья Христофоровна.

Джейкоб, засыпая на ходу, отправился вслед за лакеем. А Щукин по рации связался с Виктором Сергеевым и вкратце рассказал ему о сегодняшнем раннем госте, и о той печальной новости, которую тот принес.

– Вот такие дела, Иваныч, – закончил он. – Видимо, придется проводить зачистку в Соединенном Королевстве. Такое скотство прощать нельзя. Иначе джентльменам понравится убивать, и они совсем берега потеряют.

– Да, Михайлыч, – голос Сергеева был хриплым – похоже, что он немного простыл. – У меня сегодня будет сеанс связи с будущим и я передам весточку для Шурика Шумилина. Надо будет вытащить сюда его и Алексея с коллегами. Если рассказать все Бенкендорфу, то, возможно, у графа случится инфаркт или инсульт. Хорошо бы, чтобы они были наготове и в случае чего оказали Александру Христофоровичу первую помощь. Ну, а нам с императором следует обсудить – как наказать британцев. Естественно, что подробности самого процесса вразумления джентльменов Николаю Павловичу знать не стоит. Для нас главное – получить на то принципиальное согласие. Так что, Михайлыч, вы уж там сами решайте – будете вы там чаек с полонием заваривать для разных сэров и пэров или обойдетесь более традиционными средствами?

– Все зависит от вкуса и наклонностей пациента, – усмехнулся Щукин. – Может, кое-кто и чайку хлебнет со вкусом бергамота. Вообще же такие вещи должны выглядеть поэкзотичней. Британцы – народ впечатлительный, и если кое-кто из власть предержащих сыграет в ящик при весьма загадочных обстоятельствах, то повсюду начнутся разговоры про «карающую руку провидения», наказывающую нехороших людей за плохие поступки. А вообще же, Иваныч, пусть операцией «Возмездие» займутся люди, коих этому учили. Мы же пока подумаем с тобой – как доложить обо всем этом императору и Александру Христофоровичу...

Вечером информация об убийстве княгини Ливен во время очередного сеанса связи ушла в будущее. Там она тоже вызвала весьма неоднозначную реакцию. Хотя к политическим убийствам в XXI веке уже успели привыкнуть, но убийство женщины... На самом верху была произнесена

знаменитая фраза про то, что кое-кого следует «замочить в сортире», и дано указание помочь предкам соответствующими кадрами и оборудованием, чтобы сие «гигиеническое мероприятие» прошло на должном уровне.

Кроме того, подполковнику Щукину предложили подумать о кардинальной зачистке политического ландшафта Европы. Например, явно зажился на свете племянник Наполеона Бонапарта некий принц Луи-Наполеон. В настоящий момент он сидит под арестом во Франции и ждет суда и пожизненного приговора за попытку государственного переворота в августе 1840 года. Почему бы этому неугомонному племяннику великого дяди не попытаться сбежать из-под стражи и не получить при этом пулю в затылок. Не появится тогда в этом мире император Наполеон III, не будет Крымской войны, ни разгрома Франции при Седане и Меце.

После революции 1848 года во Франции будет провозглашена нормальная республика – кажется, вторая по счету – со всеми прелестями парламентской демократии, во главе которой будут стоять президенты разной степени продажности. Пусть галлы бездарно тратят свои силы и ресурсы в разных колониальных авантюрах, ссорятся с бриттами и опасливо поглядывают на усиливающуюся Пруссию.

В общем, специалисты в XXI веке были озадачены и, получив соответствующие цэу, приступили к изучению исторических документов и хроник, выискивая самых злейших врагов России – кандидатов на умножение на ноль. А Щукин, дождавшись возвращения в прошлое Шумилина, связался с императором и сообщил, что им необходимо встретиться по очень серьезному делу.

Николай, обеспокоенный неожиданным предложением Олега, сказал, что подъедет в Аничков дворец через полтора часа. Он хорошо знал, что такие люди, как Щукин, не будут докучать ему по мелочам, и если они желают срочно встретиться с ним, значит, на то имеются веские причины...

Император был взволнован и даже не пытался скрывать своего волнения.

– Олег Михайлович, у вас что-то произошло?! С Адени все в порядке?!

– С Адени все хорошо, – успокоил его Щукин, – да и у всех, кто сейчас находится в нашем времени, дела обстоят нормально. Неприятные известия мы получили из Англии. Британцы отравили княгиню Дарью Христофоровну Ливен...

– Какой ужас! – воскликнул Николай. – А ваши сведения, Олег Михайлович, не ошибочны? Может быть, княгиня умерла, ну, как говорят в таких случаях, естественной смертью? Ведь, как я слышал, после

трагической кончины своих сыновей она сильно болела...

– Нет, ваше величество, – жестко сказал Щукин, – Дарья Христофоровна была именно отравлена. Причем не какой-нибудь служанкой, обидевшейся на хозяйку за отказ повысить ей жалованье, а самим виконтом Мельбурном, премьер-министром Британии. Поводом же для ее убийства стала помощь, которую оказала нам княгиня во время нашего путешествия в Англию. Подробности всего произошедшего в Лондоне мне рассказал Джейкоб Уайт, который был доверенным лицом княгини. Перед смертью Дарья Христофоровна велела ему ехать в Россию и сообщить нам обо всем случившемся.

– А этот, как вы говорите, Джейкоб Уайт – честный человек? Ему можно доверять? Не придумал ли он это все, чтобы возвести напраслину на виконта Мельбурна? Ведь трудно поверить в то, что этот весьма уважаемый человек собственноручно убил женщину, с которой был знаком не один десяток лет.

– Джейкоб Уайт нас не обманул. – Олег говорил твердым и ровным голосом, хотя внутри его все кипело. – Он сообщил истинную правду. Сейчас этот человек находится здесь, в Аничковом дворце, и если вы, ваше величество, пожелаете, то он ответит на все ваши вопросы...

Вызванный лакеем корсиканец, успевший немного отдохнуть и привести себя в порядок, вошел в кабинет, и, увидев императора, почтительно поклонился ему. Но он не заробел и толково ответил на все вопросы царя. Похоже, что Николай действительно поверил во все им сказанное, и после того, как беседа закончилась, погрузился в тягостное молчание. Потом он подошел к окну и, постояв немного, достал платок и вытер набежавшие на глаза слезы.

– Бедный Александр Христофорович, – тяжело вздохнул Николай. – Вы ему еще не сообщили о смерти сестры?

Олег покачал головой, царь помрачнел и произнес:

– Похоже, что этим неприятным делом придется заняться мне. Боюсь, что это печальное известие может пагубно сказаться на самочувствии графа. Олег Михайлович, не пригласите ли вы сюда своих друзей медиков, которые намного опытнее наших.

– Уже, ваше величество, – сказал Щукин. – Доктор Кузнецов прибыл сегодня вечером в имение Виктора Ивановича Сергеева и к утру будет в городе.

– Значит, как только он приедет, мы и сообщим графу печальную для него весть. А пока, Олег Михайлович, наверное, нам стоит подумать – чем мы сможем ответить британцам на их подлый поступок. У вас ведь уже

есть предложения на этот счет?

– Ваше величество, – ответил Щукин, глядя в глаза императору, – мы можем предложить вам следующее...

«Самое синее в мире...»

Степан Попов стоял на палубе сторожевого корабля «Изумруд». На нем он вышел в море вместе с капитан-лейтенантом Бобровым. Вчера, во время совещания в кабинете у адмирала было решено совершить ознакомительный поход к Кавказскому побережью на корабле Крымского пограничного управления ФСБ России. Как объяснил ему Андрей Бобров, ФСБ – это что-то вроде III отделения СЕИВК. То есть служба, которая занимается безопасностью государства. У него имеются свои войска, свои корабли, которые ходят под флагом, похожим и в то же время не совсем похожим на Андреевский.

Одним из таких кораблей и был «Изумруд». Бобров, узнав о том, что сторожевой корабль проекта 22460 будет флагманом его отряда, пришел в восторг. Помимо солидной дальности плавания – 3500 миль, «Изумруд» имел хорошую мореходность, скорость, достаточную для того, чтобы легко настигать парусники контрабандистов, а также, что немаловажно, взлетно-посадочную площадку и складной ангар для вертолета Ка-226ТМ. С его помощью можно было вести воздушную разведку и, в случае необходимости, атаковать противника с воздуха. Кроме того, сторожевые корабли этого типа славились отличной обитаемостью. Они имели кондиционеры в каждой каюте, сауну и даже небольшой бассейн.

Все это Бобров позднее рассказал Попову. Во время той памятной встречи в штабе адмирал предложил перебросить в XIX век через портал несколько сторожевых кораблей и все необходимое для их базирования. Портами, где они могли бы отставиваться в случае штормовой погоды, дозаправляться, и куда приводили бы захваченные в море призы, должны стать Анапа, Сухум и Поти. В две последние точки, которые в XXI веке находились вне территории Российской Федерации, грузы могут быть переброшены через портал дистанционно.

Степана Попова ошеломило известие о том, что полученная Россией по Адрианопольскому мирному договору береговая линия Черного моря теперь не вся принадлежит России. А с Грузией, которую русские когда-то спасли от полного уничтожения турками и персами, даже пришлось повоевать. Правда, войсками грузины оказались никудышными, и их вдребезги разбитая армия с позором бежала, бросая оружие и снаряжение.

– Сейчас в тех краях вроде все успокоилось, – сказал Бобров. – Но сие не означает, что нашему брату можно расслабиться и греть пузо, лежа на

пляже и попивая сухое винцо. Наши заклятые друзья нам это не позволят. Запомни, Степа, у России нет на свете друзей, кроме ее армии и флота. Это сказал внук императора Николая Павловича, и жизнь подтвердила правоту сказанного...

Им повезло с погодой. Соленый морской ветерок приятно овеивал лицо, а солнышко ярко светило на синем небе. «Изумруд» ходко бежал по волнам, разваливая их своим острым форштевнем. Степан и Андрей, пользуясь случаем, облазили весь корабль, заглянув во все его закоулки.

Увиденное потрясло Попова. Правда, носовая шестиствольная артиллерийская установка ему уже была знакома. С ее помощью у берегов Норвегии на глазах Степана была отправлена на дно британская яхта «Свифт». Он на миг представил – что будет, если смертоносная очередь из такой чудо-пушки угодит в борт шхуны контрабандистов. Представленное впечатлило его.

Попов удивил наклонный скос в кормовой части «Изумруда». Как пояснил капитан-лейтенант Бобров, этот скос был предназначен для того, чтобы в случае необходимости можно было быстро спустить на воду скоростной катер с вооруженной досмотровой группой.

– Ты представляешь, Степа, – Бобров оживленно жестикулировал, показывая своему собеседнику, как все произойдет, – раз-два, и катер с нашими «волкодавами» на огромной скорости помчится к шхуне, на которой британцы везут немирным горцам оружие и деньги. А если все же они попытаются рыпнуться, то очередь из пушки в один момент снесет им напрочь паруса и мачты.

Попов лишь покачал головой. Действительно, если такой небольшой кораблик может смело потягаться с вражеским фрегатом, то обычная шхуна, или каик, пусть даже и вооруженный, будет уничтожен в один миг.

– Надеюсь, что потеряв несколько кораблей и экипажей, – сказал Бобров, – британцы прекратят снабжение мятежных горцев, и нашим войскам на Кавказе будет легче справиться с ними. Сколько при этом будет спасено жизней русских солдат и кавказских джигитов! Только ради этого стоит начать патрулировать Черноморское побережье...

Они подошли к стоящему на кормовой взлетно-посадочной площадке вертолету. Степан с интересом осмотрел винтокрылую машину. Ему уже приходилось летать по небу. Но его полет проходил на большом самолете, которому для того, чтобы взлететь, требовалось много места для разбега. А этот забавный летательный аппарат, внешне похожий на огромного головастика, как объяснил ему Бобров, мог взлететь прямо с корабля, приземлиться на берегу на небольшую лужайку, и при этом следить сверху

за передвижением подозрительных кораблей, чтобы, в случае чего, навести на них сторожевые корабли.

– Знаешь, как в одной нашей песне поется, – улыбнулся Бобров, – «Мне сверху видно все, ты так и знай...» Эх, с каким удовольствием мы будем отлавливать в море всех этих сэров! До чего они всем нам осточертели – ни в прошлом, ни в настоящем британцы не давали и не дают нам покоя. Да и в будущем тоже, наверное, не дадут... Такая наша планида, Степа. Эти сволочи прут на Россию, получают по зубам, но все равно продолжают на нас насакивать, словно мы у них что-то отобрали. Никак они не могут понять – ну, не нужны нам их земли – своей девать некуда.

– Они нас ненавидят, потому что боятся, – ответил Попов. – Довелось мне как-то в Гамбурге толковать с одним британцем. И вот что я понял: все они – от простого матроса до члена палаты лордов – считают нас, русских, белыми дикарями, для которых самая большая радость на свете – сделать пакость Британии. Сами же они хотят, чтобы все прочие народы признали их превосходство. Они в свое время требовали от каждого иностранного корабля, чтобы тот первым салютовал английским кораблям в «Британских морях», границы которых, как они считали, простираются от мыса Финистерре в Испании до мыса Статен в Норвегии и мыса Скаген в Дании. В инструкции кораблям английского военного флота, изданной в 1643 году, прямо предписывалось: «Если случится встретить в водах Его Величества суда или флот любой иностранной державы и если они не приспустят флаг или марсея, вы должны заставить их сделать это».

А ведь спуск флага военным кораблем одной страны перед таким же кораблем другой означал явное унижение, подчеркивал подвластность первого второму. Дело доходило то того, что британские капитаны требовали приспустить флаги даже тем иностранным кораблям, на стенах которых развевались штандарты иностранных монархов. В 1606 году, возвращаясь после визита к королю Якову I, на выходе из Темзы датский король был принужден капитаном небольшого английского корабля отдать салют британскому флагу. Правда, после Трафальгара Британия отказалась от принятого ею в 1651 году закона «о первом салюте», и признала равенство военных кораблей суверенных государств в открытом море.

– Британцы – нация торгашей и пиратов, – кивнул Бобров. – И поднялась она на грабежах и разбоях. Достаточно вспомнить бедную Индию, из которой уже больше сотни лет этот британский паук безжалостно высасывает жизненные соки.

– И при этом дрожит от страха, опасаясь, что кто-то отберет у него

добычу, – кивнул Попов. – «Вы хотите отобрать у нас нашу Индию», – заявил мне как-то раз один негодник из Ливерпуля. – Да какая она ваша-то? – не выдержал я. – Это вы, а не мы, подлостью и обманом захватили огромную страну, обобрали ее до нитки и уморили голодом миллионы индийцев. А стоило только нам попытаться приструнить степных разбойников, нападавших на наши города и казачьи станицы, как вы тут же подняли вой, обвиняя нас во всех смертных грехах. У Британии скоро будет несварение желудка от проглоченных ею государств и народов.

– Будет, обязательно будет, – кивнул Бобров. – К середине XX века вся Британская империя затрещит по швам и начнет расползаться на части, словно гнилой кафтан. И Индия от них уйдет, и прочие колонии, как когда-то ушли Североамериканские Соединенные Штаты. А сама Британия будет, словно послушная собачка, таскать в зубах тапки американских президентов. Но это все у них еще впереди. А пока, в вашей истории, надо сделать так, чтобы Англия перестала совать свой нос в российские дела. Ведь через тринадцать лет начнется...

Что начнется через тринадцать лет, Бобров так и не успел рассказать своему собеседнику. Подошедший к нему вахтенный матрос передал капитан-лейтенанту бланк радиограммы. Андрей прочитал ее, нахмурился и стал о чем-то думать.

– Значит так, Степан, – наконец произнес он, – нам приказано срочно возвращаться в Севастополь и через портал отправиться в XIX век. Похоже, что там произошло нечто из ряда вон выходящее...

* * *

На графа Бенкендорфа было страшно смотреть. Боевой генерал, отчаянный рубака, человек, повидавший за свою долгую жизнь тысячи смертей, не смог сдержать слез. Рядом с ним со скорбным выражением на лице стоял император со стаканом вина в руке.

– Успокойся, друг мой, я скорблю вместе с тобой. Ведь Долли была мне как родная сестра. Ты помнишь, как моя матушка, вдовствующая императрица Мария Федоровна, после смерти твоей матушки взяла вас всех на воспитание. И она не делала никаких различий между нами, царскими детьми, и тобой, твоим братом Константином, сестрами – Марией и Долли. Поверь мне, я так же, как и ты, оплакиваю покойную княгиню и готов отомстить за ее смерть всем виновным в совершении этого подлого преступления.

– Боже мой, боже мой, – с тоской в голосе произнес Бенкендорф. – Бедная Долли! Какая ужасная смерть! Неужели все это правда, и эти подлые британцы посмели поднять руку на женщину?! Если это так, то нет им прощения...

– Да, Александр Христофорович, это правда, – со вздохом ответил Олег Щукин, – британцы во все времена с легкостью необычайной совершали самые бесчестные поступки. Для них было все равно – кто перед ними: женщины, дети, духовные лица или царственные особы. Британцы ведь судили и казнили своего короля. Так кто для них княгиня, тем более чужестранка?

– Увы, это так, – согласился Николай. – Но не время осуждать их. Давайте все вместе подумаем – что нам делать дальше. Только я должен вас сразу предупредить, что нам вряд ли удастся доказать причастность кого-либо персонально к смерти княгини. Показания господина Уайта будут приняты во внимание английским правосудием. К тому же господина Уайта сейчас разыскивает лондонская полиция, и ему не стоит появляться в Британии, хотя он и мечтает лично отомстить тем, кто убил бедную Долли.

– Ваше величество, – сказал Щукин, – я уже говорил вам, что мы готовы помочь наказать тех мерзавцев, которые убили княгиню. Вы ведь не считаете, что их надо простить, а об этой женщине, которая столь много сделала для России полезного, забыть, словно ее и не было вообще?

– Ну уж нет! – возмущенно воскликнул граф Бенкендорф. – Я готов на все, чтобы отомстить за смерть сестры! Ваше величество, – обратился он к императору, – прошу вас, позвольте мне своими руками покарать убийц...

– Граф, вы уже немолоды и лично вряд ли сможете наказать этих подлых лордов. Но я согласен с вами, что смерть вашей сестры не должна остаться неотомщенной и сам буду просить Олега Михайловича, чтобы он с помощью своих людей совершил акт правосудия.

Александр Христофорович согласно кивнул. Он-то знал, что у людей из будущего слова редко расходятся с делом, и они хорошо умеют наказывать тех, кто рискнул покуситься на безопасность их державы.

– Ну, вот и славно, – кивнул Щукин. – Но, кроме мести, мы намерены предложить вам еще кое-что. А именно мы хотим создать в самое ближайшее время на Черном море небольшую флотилию, которая займется блокадой Кавказского побережья. Скоро в Петербург вернется из нашего времени лейтенант Попов, который уже побывал в Севастополе и обсудил там с одним из наших адмиралов план сотрудничества. Вполне вероятно, что в самое ближайшее время в будущее отправится командующий Черноморским флотом вице-адмирал Михаил Петрович Лазарев.

– Ну что ж, пусть будет так, – кивнул император. – Я уже приглашал адмирала Лазарева в Петербург, но он не приехал, сославшись на болезнь. Я знаю, что Михаил Петрович сторонится придворной суеты, и, как мне кажется, болезнь его в данном случае была не настолько серьезна, чтобы она могла помешать ему посетить столицу. На этот раз я пошлю ему не приглашение, а приказ. Адмирал Лазарев человек военный и к приказам начальства относится с должным уважением.

– Ваше величество, – продолжил Щукин, – хотелось бы попросить вас обратить должное внимание и на вашу безопасность. Мы полагаем, что британцы, начав играть в нечестную игру, могут повторить то, что произошло с княгиней Ливен и в отношении вас. Это характерно для убийцы – начав убивать, трудно остановиться. А потому мы прикомандируем к вам несколько человек из ФСО – Федеральной службы охраны. Люди из этой организации у нас занимаются охраной первых лиц государства и обеспечивают их надежной связью. Мое руководство просило вас, ваше величество, отнестись к их предложению с достаточной серьезностью.

– Гм, – император задумчиво погладил подбородок. – Мне совсем не хочется превращаться в такого восточного владыку, который гуляет по улице своей столицы в сопровождении пышной свиты и янычаров с саблями в руках. Но если, Олег Михайлович, ваше руководство так считает... Что ж, стоит прислушаться к их советам, тем более что им из будущего виднее. Скажите, а каким образом вы собираетесь покарать британцев, виновных в смерти княгини Ливен? Вы их казните?

– В общем, да, – ответил Олег, – можно сказать, что это будет казнь, так как преступление, которое они совершили, влечет за собой лишь один приговор – смерть. Я не стану описывать – как и когда лица, виновные в убийстве княгини, отправятся в ад, скажу только, что мы постараемся, чтобы смерть их была быстрой. Люди, которые все это сделают, просто орудия правосудия.

– Благодарю вас, Олег Михайлович, – граф Бенкендорф вытер мокрое от слез лицо носовым платком и постарался привести себя в порядок. – Очень жаль, что все это произойдет без меня. Вы правы – я слишком стар и болен для того, чтобы отправиться в Британию и там лично покарать преступников.

– Кстати, о вашем здоровье, – сказал Щукин. – Сейчас в имении Виктора Ивановича Сергеева находятся Александр Павлович Шумилин и Алексей Юрьевич Кузнецов. Я попрошу вас, Александр Христофорович, съездить в гости к господину Сергееву и поговорить с доктором

Кузнецовым. Поживите там немного, отдохните, Алексей Юрьевич осмотрит вас, подберет для вас необходимые лекарства. А по поводу вашей службы не беспокойтесь – я полагаю, что майор Соколов с ними прекрасно управится. К тому же вы всегда можете связаться с ним по радиостанции и на месте решить все вопросы.

– Да-да, друг мой, – произнес Николай, участливо взяв за рукав сюртука графа, – вам пойдет на пользу небольшой отдых. Я обещаю внимательно следить за работой вашего помощника. И если ему понадобится поддержка, то я немедленно окажу ему ее. А денька через два я и сам навещу уважаемого Виктора Ивановича. Я, честно говоря, немного соскучился по нему и буду рад его видеть.

– Хорошо, ваше величество, – вздохнул Бенкендорф, – я поступлю так, как вы считаете нужным. А за майора Соколова я спокоен. Этот достойный молодой человек вполне справляется со своими обязанностями. Он энергичен, умен не по годам и вполне способен, если в этом возникнет необходимость, сменить меня на моей должности.

– Ну, вот и отлично, – обрадовался император. – Надеюсь, что скоро все убийцы получают по заслугам, а Британия, как страна, в которой совершаются подобные преступления, сделает выводы из всего произошедшего.

* * *

Ну, а чем занимались все это время Адини и Надежда Щукина? А они просто отдыхали. На следующий день после перехода из прошлого в будущее Адини показала врачу, который остался очень доволен ходом ее лечения.

– Ай, маладца! – воскликнул Роберт Семенович, ознакомившись с результатами анализов. – Антибиотики просто чудеса творят! Ты, красавица, словно с ними вообще незнакома. Если так пойдет и дальше, то тебе скоро у меня нечего будет делать. Полечишься еще немного и снова явишься ко мне через месяц. А пока ступай себе с Богом. До свидания.

Обрадованная Адини со всех ног помчалась к Надежде. Та ждала ее в своей квартире, сидя за письменным столом и листая какие-то бумаги. Узнав о приятных новостях, которые сообщила ей подруга, Надежда захлопнула папку, потянулась и, с улыбкой посмотрев на Адини, неожиданно предложила:

– А не полетать ли нам сегодня по небу, аки ангелы небесные?

Заметив удивленный взгляд Адини, Надежда рассмеялась и пояснила, что речь идет о прыжке с парашютом.

– Поедем на аэродром в Горскую – это рядом с Лисьим Носом. Я там когда-то работала инструктором. Мы с тобой прыгнем вдвоем – это у нас называется tandemным прыжком. В общем, выглядит все так – мы с тобой выпрыгнем из самолета на высоте трех верст и полетим вниз под одним парашютом. Помнишь, в Выборге, стоя на смотровой площадке башни замка, ты хотела испытать чувство полета? Вот я тебе сегодня и предоставлю эту возможность...

– Ой, Надин, а это не страшно? – испуганно воскликнула Адини. – Я... Я боюсь. Может, не надо?..

– Ничего, Адини, – улыбнулась Надежда. – Не будь трусихой. Я вот совершила больше сотни прыжков. Да и Николай тоже прыгал, причем с оружием, и не один раз.

– Николай? – Адини на мгновение задумалась. – Хорошо, я согласна! Поедем. Только я попрошу тебя, Надин, – не рассказывай о том, что я прыгала с парашютом отцу – он будет на меня за это сердиться. И Николая тоже ничего не говори. Пока не говори. Я ему потом сама все расскажу.

* * *

До аэродрома Надежда и Адини доехали на машине. Оставив ее на стоянке, Надежда по-хозяйски отправилась к руководству и вскоре пригласила Адини в помещение, где уладили все формальности. Девушка уже имела паспорт, выданный на имя Александры Николаевны Романовой, 1997 года рождения (Олег Щукин велел сделать Адини по документам старше на три года, чтобы не было заморочек из-за ее несовершеннолетия).

Потом она заполнила анкету – Надежда стояла рядом и подсказывала – что и где писать, прошла небольшой осмотр у местного врача, который померил у нее давление и расспросил о болезнях.

Далее девушки переоделись в прыжковые костюмы и мягкие кроссовки. Инструктаж Адини провела ее подруга. В общем, ничего особенного – Надежда лишь посоветовала девушке не паниковать и во всем слушаться ее.

Ну, а потом они направились к четырехкрылому самолету со смешным названием «кукурузник». Надежда объяснила Адини, что прыгать они будут с парашютом, называемым «крыло».

– Это такой парашют, которым можно управлять. – Впрочем, ты сама

все увидишь, – сказала Надин. – Можешь в воздухе визжать от страха или орать от восторга. Только не мешай мне и сама ничего не делай руками.

Они загрузились в самолет, где старый знакомый Надежды, инструктор по имени Сергей, помог девушкам надеть парашют и застегнуть все замки и ремни.

У Адини в груди сердце бухало от волнения, словно кузнечный молот. Она дрожала от страха, но старалась не показать Надин, что страшно боится предстоящего прыжка.

– Сейчас полетим, – сказала ей Надежда. – Да ты не трись, все будет нормально. Ведь тебе хочется почувствовать то, что чувствует орел, когда парит в небесах?

Адини кивнула. Во рту у нее пересохло, и она не могла вымолвить ни словечка.

Тем временем на самолете заработал мотор. Разговаривать стало трудно. Немного поработав на холостом ходу, пилот прибавил газу, и самолет медленно покати по рулежной дорожке в сторону взлетно-посадочной полосы. Там он развернулся, немного постоял, а потом помчался по ВПП, с каждой секундой набирая скорость.

Адини почувствовала дрожь пола под ногами. Но она внезапно прекратилась – самолет поднялся в воздух и стал набирать высоту. Девушка испытала ни с чем несравнимое ощущение полета – такое у нее было в лишь детстве, когда она во сне летала, словно на ковре-самолете. Но ковры-самолеты были только в сказках, а вот сейчас она летела в небе наяву на просто самолете.

Страх куда-то пропал, и девушка неожиданно радостно рассмеялась. Надежда и инструктор Сергей понимающе переглянулись – именно так себя ведут люди, впервые поднявшиеся в небо.

Надин предложила своей «крестнице» посмотреть в иллюминатор. Под крылом самолета мелькали маленькие, словно игрушечные, домики. А люди сверху казались букашками, спешащими куда-то по своим делам. Где-то вдалеке синел Финский залив с фортами и виднелся Кронштадт с куполом Морского собора.

Между тем Сергей помог девушкам соединиться в единую систему – тандем. При этом Надежда находилась сзади Адини и крепко была пристегнута к своей подопечной.

Когда самолет набрал нужную высоту, Сергей открыл дверь самолета. В лица ударил поток холодного воздуха. Гостеприимным жестом инструктор предложил девушкам покинуть самолет. Адини обомлела: как – взять покинуть такой надежный и уютный самолет и шагнуть в пустоту, где

внизу, на огромном расстоянии в легкой дымке виднелась земля?

Но что нужно делать, решала не она, а Надин. А та, крепко обняв Адини, вывалилась через дверной проем, и девушки камнем полетели вниз.

– И-и-и-и! – тоненько завизжала перепуганная насмерть Адини. Она смотрела, как земля стремительно несется навстречу ей, а ветер свистит в ушах.

– Не бойся, сейчас мы полетим! – гаркнула ей в ухо Надин. – Скоро откроется парашют!

Действительно, через несколько мгновений что-то рвануло ее кверху, и падение замедлилось. Начался тот самый «птичий» полет, о котором рассказывала ей Надин. Страх у Адини куда-то пропал, и она уже с удовольствием любовалась открывшейся перед ней картиной.

Внизу зеленела земля, которую пересекали серые полосы дорог. От берега залива в сторону Кронштадта была проложена дамба – гигантское сооружение, по которому сновали казавшиеся игрушечными автомашины и автобусы.

– Ну что, Адини, нравится? – спросила девушку Надин. – Поздравляю, ты совершила свой первый в жизни прыжок. И теперь ты уже не совсем та, которой была всего полчаса назад. Ты узнала, что чувствуют птицы, когда они летают по небу, и теперь тебе захочется испытать это чувство еще и еще раз.

Адини согласно кивнула головой. Действительно, так легко и свободно ей еще не было. Она уже ничуть не жалела, что согласилась с предложением Надин. И еще ей было приятно, что она теперь причислена к братству людей-птиц.

– Надин, а мы еще прыгнем с парашютом? – спросила она. – Я бы хотела в следующий раз сделать это одна.

– Хорошо, – ответила ей Надежда. – А пока приготовься – мы приземляемся. Ты не забыла, что следует делать при приземлении?

Адини кивнула и, как учила ее Надин, приготовилась принять удар о землю согнутыми ногами.

К счастью, все обошлось вполне благополучно. Правда, девушки не удержались на ногах и после приземления шлепнулись на бок. Но это было совсем не больно, и они радостно рассмеялись.

А потом они ехали из Горской домой, и Надин рассказывала Адини о всяких забавных случаях, которые у нее случались во время прыжков и полетов. Адини весело смеялась, чувствуя себя самой счастливой на свете. Эх, если бы еще и Никола был бы сейчас рядом с нею...

Щукин энергично готовился к «карательной акции» – так он назвал новую экспедицию в Британию с целью наказания убийц княгини Ливен. Он еще раз поговорил с Джейкобом Уайтом. Корсиканец тоже жаждал мести и с радостью согласился принять участие в вендетте.

– Только учти, Джейкоб, – предупредил его Щукин, – тебя в Англии разыскивает полиция, – «бобби» сбились с ног – за твою голову обещана большая награда. Боюсь, что даже твои приятели-контрабандисты могут не устоять перед соблазном и выдать тебя.

– Ну и пусть, – набычился мистер Уайт. – Во-первых, меня не так-то просто поймать, а во-вторых, у меня есть в Англии друзья, которые не выдадут меня полицейским ни за какие деньги. К тому же можно изменить внешность – отрастить бороду, надеть очки. Нет, сэр, как хотите, но, с вами или без вас, я отправлюсь в Лондон, и пусть я умру на виселице, но отомщу этим ублюдкам за убийство моей благодетельницы.

Джейкоб скрипнул зубами, достал платок и шумно высморкался. Щукин покачал головой.

– Не спеши умирать, дружище, пусть умрут наши враги, а у нас еще на этом свете немало дел, которые за нас никто не сделает. Ты отправишься в Англию вместе с двумя моими людьми. Они большие специалисты, гм, по вендетте. Думаю, что ты с ними подружишься. Они никогда раньше не были в Британии, и потому им будет нужна твоя помощь. Ведь ты знаешь все закоулки Лондона и у тебя там остались полезные знакомства и связи.

– Господин подполковник, а как мы попадем в Англию? – озабоченно спросил мистер Уайт. – Вы сказали, что во всех портах королевства развешаны мои портреты и обещание выплатить большую награду тому, кто выдаст меня властям. Очень сложно будет высадиться на берег. Конечно, я могу снова воспользоваться услугами моих старых знакомых – контрабандистов... Они не все продажны, и не передадут меня полиции за обещанную награду. Но мне потребуются деньги, причем немалые.

– Ну, насчет этого пусть у тебя не болит голова, – усмехнулся Щукин. – Ты со своими спутниками попадешь в Британию, что называется, не замочив ног. Только ты должен дать мне слово, что никому и никогда не расскажешь о том, что тебе предстоит при этом увидеть.

– Сэр, – Джейкоб вскочил с места, расстегнул рубашку и вытащил нательный крест. – Клянусь спасением души, что даже на исповеди я не расскажу падре о том, что увижу у вас. – И корсиканец приложился губами

к распятию.

– Ну, вот и отлично, – кивнул Щукин. – А пока я попрошу тебя составить мне список тех, кто непосредственно виновен в гибели княгини Ливен. Отдельно укажи адреса, по которым они проживают в Лондоне и его окрестностях, адреса любовниц, их увлечения и пороки. Опиши все подробно, любая мелочь может сыграть важную роль в планировании предстоящей акции.

* * *

Щукин и Джейкоб Уайт встретились снова через день. Корсиканец молча протянул Олегу несколько листов бумаги, исписанных убористым почерком.

– Это то, что вы просили, господин подполковник, – сказал он. – Возможно, что я что-то и упустил, но это не страшно – если я что и вспомню, то немедленно сообщу вам об этом.

– Отлично, – Щукин быстро просмотрел принесенные Джейкобом бумаги, после чего спрятал их в ящик письменного стола. – А теперь я хочу познакомить тебя с теми, с кем ты отправишься в Англию.

К удивлению мистера Уайта, он достал из кармана небольшую черную коробочку и сказал в нее:

– Борис, Герман, зайдите ко мне.

Через несколько минут в кабинет Щукина вошли двое мужчин.

«Да, эти парни – настоящие головорезы», – подумал мистер Уайт. Почему он назвал про себя этих двоих головорезами, Джейкоб не мог объяснить. Но то, что эти крепкого телосложения мужчины легко и непринужденно перережут глотку любому, кто встанет у них на пути, корсиканец понял, посмотрев им в глаза. Было в них нечто такое... Хотя внешне они выглядели вполне прилично.

Вошедшие с любопытством стали разглядывать Джейкоба.

– Вот, ребята, тот человек, с которым вы отправитесь в Лондон, – сказал по-английски Щукин. – Прошу любить и жаловать. Он станет вашим проводником в старой доброй Англии. Максимально внимательно относитесь к тому, что он вам будет говорить.

– В свою очередь, Джейкоб, – подполковник повернулся к корсиканцу, – мне хотелось бы, чтобы ты понял одну простую вещь – твоя задача – подвести моих парней к тем, кому мы должны отомстить. Все остальное – это уже их дело. Их этому учили. Как и где – это уже не столь

важно.

Мистер Уайт покосился на своих новых знакомых. Похоже, что первые впечатления о них были правильными. Ему хотелось лично расправиться с убийцами княгини, но он понимал, что без посторонней помощи ему вряд ли удастся это сделать.

– Хорошо, господин подполковник, – сказал он. – Я сделаю все так, как вы скажете.

– Ну, вот и отлично, – кивнул Щукин. – Джейкоб, я хочу, чтобы ты поближе познакомился с Борисом и Германом и, так сказать, ввел их в курс дела. Начинайте готовиться к предстоящей командировке прямо сейчас.

* * *

Джейкоб и его новые знакомые быстро подружились. Они оказались на удивление компанейскими ребятами, которые, действительно, хорошо знали свое ремесло. Один из них – Борис – был отличным стрелком, умевшим, как говорили в Сибири, откуда он был родом, попадать белке в глаз. Похоже, что в этот раз лондонские «белки» будут носить титулы лордов и виконтов. Герман, в свою очередь, рассказал, что он умеет стрелять чуть похуже, чем Борис. Но зато он может плавать, как рыба. Именно так и сказал – Джейкоб дважды переспрашивал у Германа – правильно ли он понял его слова.

– Понимаешь, Джек, – ответил ему Герман, – кое у кого из тех, кто должен будет ответить за убийство княгини, есть свои яхты. Я слышал, что некоторые из них обожают проводить свободное время на этих яхтах, путешествуя вдоль побережья Англии. Можно, конечно, попытаться достать их и там, но это будет не так-то просто. А если тихонечко подплыть под водой к яхте и заложить под ее киль мину... Ну, ты прекрасно понимаешь – что потом произойдет...

Джейкоб представил и покачал головой. Действительно, если все произойдет именно так, как планируют его новые друзья, то княгиня Ливен скоро будет отомщена.

Все оставшееся время они обсуждали варианты действий в Лондоне и подходы к тому или иному сановнику. Джейкоб был очень удивлен, что Борис намеревался отстреливать их с очень большого расстояния. Корсиканцу приходилось иметь дело с дальнобойным оружием, и он прекрасно знал, что даже из нарезного штуцера хороший стрелок вряд ли попадет в человека с расстояния триста ярдов. А Борис собрался стрелять с

впятеро большего расстояния.

– Ладно, Джек, – Борис похлопал по плечу корсиканца. – Скоро мы будем в одном месте, где я тебе продемонстрирую, как надо стрелять. Глядишь, и для тебя там найдется кое-что.

– Вот что, ребята, – сказал неожиданно вошедший в их комнату подполковник Щукин. – Давайте собираться. Сегодня вечером вы отправитесь через портал в будущее.

– Простите, господин подполковник, – удивленно спросил мистер Уайт, – куда мы отправимся?

– В будущее, Джейкоб, в будущее... – ответил Щукин. – Тебе что, твои новые друзья еще ничего не сказали? Вот конспираторы! В общем, мы из будущего. А какое оно – ты скоро сам узнаешь...

* * *

* * *

Виконт Мельбурн последнее время чувствовал себя весьма неудобно. Люди, не принадлежащие к британскому высшему свету, могли бы сказать, что его мучает совесть. Но это чувство вряд ли было знакомо Уильяму Лэму, второму виконту Мельбурну. Он ничуть не переживал из-за того, что стал убийцей своей старой знакомой, княгини Ливен. Она оказалась слишком опасной для интересов Британии и, следовательно, должна была уйти из жизни. Каким способом – это уже отдельный, не столь важный вопрос. Тем более что сам он ее не убивал...

Виконт Мельбурн считал себя счастливчиком. Он возглавлял правительство Ее Величества королевы Виктории, девчонки, которая годилась ему в дочери. Юная королева и на самом деле считала его кем-то вроде отца, хотя порой и испытывала к нему далеко не дочерние чувства. Поговаривали, что он даже состоял с Викторией в интимной связи, но это не соответствовало истине. Виконт Мельбурн знал границы, которые отделяли его от коронованных особ, и старался их не переступать. Да и зачем ему нужна плотская близость, если королева и так делает все, что он пожелает? Она советовалась с ним перед тем, как принять какое-либо важное решение, касающееся не только ее личных дел, но и связанных с управлением государством.

Именно потому-то он так смело пошел на рискованное предприятие –

отдал приказ напасть на русский паровой фрегат, на котором, как ему казалось, из Британии вывозят похищенного сэра Дэвида Уркварта. Но произошло нечто совершенно невероятное – в происходящее вмешалась некая третья таинственная сила, которая уничтожила британскую эскадру.

А княгиня Ливен?.. Она, несомненно, помогала людям, которые, как он считал, и похитили сэра Дэвида Уркварта. Видит Бог, виконт не сразу вынес ей смертный приговор – для начала он решил начистоту поговорить с княгиней тет-а-тет. Но его старая знакомая прикинулась дурочкой, старательно делая вид, что не понимает, о чем, собственно, идет речь. Поняв, что княгиня все же что-то знает и не желает делиться с ним своими сведениями, виконт сделал знак дворецкому Генри. И тот угостил ее крепким китайским чаем, в котором была не только заварка...

Очень жаль, что коронер и сыщики, которые отправились с обыском в дом княгини Ливен, оказались такими олухами. Они не только не смогли изъять документы, которые пролили бы свет на многие тайны русской политики, но и не задержали подручного княгини, этого мерзавца Уайта. Он успел уничтожить все секретные документы своей хозяйки, а потом, зарезав двух полицейских, сбежал. Как удалось выяснить, вскоре он объявился в России, и даже был удостоен аудиенции у графа Бенкендорфа – родного брата княгини Ливен.

Виконт Мельбурн прекрасно знал, какую должность занимал граф, и это беспокоило его больше всего. От этих русских дикарей можно было ожидать чего угодно. Да и беглый помощник княгини Ливен был родом с Корсики, а корсиканцы – известные всему цивилизованному миру головорезы.

Виконт не был трусом, но ему все же не хотелось, чтобы его однажды нашли в своей собственной постели с перерезанным горлом. На всякий случай он усилил охрану и теперь, ложась спать, клал на прикроватную тумбочку заряженный пистолет.

Но несмотря на все предосторожности, виконт не чувствовал себя в полной безопасности. Он не мог понять, что именно ему угрожает, но он чувствовал, что за ним наблюдают чьи-то чужие и недобрые глаза. И виконт Мельбурн не ошибался.

Первый звонок прозвенел неделю назад, когда бесследно исчез Джеймс, его адъютант, воспитанный и аккуратный молодой человек, который никогда ранее не позволял себе ничего подобного. Поиски его ни к чему не привели. Ни родные, ни друзья ничего не могли сказать полицейским сыщикам, брошенным на поиски адъютанта самого премьер-министра Соединенного Королевства.

Потом во время конной прогулки упал с лошади и разбился насмерть его секретарь – умный и подающий большие надежды молодой человек. А вчера вышел из дома и не вернулся Генри, дворецкий виконта. Он отправился к виноторговцу, чтобы договориться о покупке нескольких бочонков малаги, недавно полученной из Испании. Генри сопровождали два охранника, но пользы от этих болванов, как оказалось, было немного. Они рассказали, что у дома виноторговца их кто-то – лиц нападавшего (или нападавших?) охранники не разглядели – ударил сзади по голове. Они потеряли сознание и полностью выпали из реальности. Куда делся дворецкий – они не знают.

Виконт Мельбурн был расстроен не пропажей своего дворецкого – хотя тот служил у него лет двадцать, и сэр Уильям успел привязаться к нему, был добр и внимателен, как к своему жеребцу, на котором совершал утренние конные прогулки, а тем, что Генри много знал такого, о чем другим знать не следовало. А вот это виконту было совсем ни к чему. Если люди, похитившие дворецкого, побеседуют с ним с пристрастием, тот может рассказать им кое-что из секретов, которые серьезно навредят британской политике и дипломатии.

«Становится опасно, – подумал виконт Мельбурн, – пожалуй, придется отложить сегодняшний визит к королеве. Надеюсь, позднее я сумею объяснить ей, почему я не смог посетить Букингемский дворец».

Сэр Уильям вздохнул и подошел к окну кабинета, выходящему в сад. Ему открылся типично британский пейзаж. Темные от дождя стволы тисов и дубов, кустарник, скамейка у небольшого пруда, на которой виконт любил сидеть, размышляя о делах королевства. Уже чувствовалось приближение осени. На деревьях были видны желтые листья. Виконт приоткрыл окно, чтобы вдохнуть свежего воздуха.

«Вот такова и наша жизнь, – вдруг пришло ему в голову, – мы суеتمدны, куда-то спешим, а осень нашей жизни приходит неожиданно, а за ней к нам уже спешит зима...»

Это было последнее, о чем в своей жизни подумал Уильям Лэм, второй виконт Мельбурн. Страшный удар пули калибра 12,7 мм, ударившей в грудь, отбросил его в сторону. Охранники не услышали выстрел, сделанный из бесшумной снайперской винтовки «Выхлоп». Они подняли тревогу лишь через несколько часов, когда мистер Уайт и его спутники – Герман и Борис – уже прошли через портал, открывшийся на несколько минут в пустующей усадьбе на окраине Лондона.

Видевший таинственное изумрудное свечение местный бродяга Том Мур рассказал об этом своим собутыльникам в местном кабаке, но те

подняли его на смех, посоветовав поменьше пить можжевелевую водку. Том Мур, правда, поклялся, что в тот вечер был трезв как стеклышко, но это было еще менее правдоподобно, чем его рассказ об изумрудном кольце, в которое, словно в ворота, ушли трое мужчин с какими-то свертками в руках...

* * *

– Это была славная охота, Джек, – Борис подмигнул мистеру Уайту. – Как ты считаешь – княгиня Ливен отомщена?

– Да, Борис, – не приняв шутку, серьезно сказал Джейкоб, – если верить тому, что рассказал нам этот мерзавец – дворецкий виконта Мельбурна – княгиня была отравлена им по приказу его хозяина. Жаль, конечно, что мы не могли допросить самого виконта, но, думаю, что решение об убийстве моей благодетельницы было принято им единолично. И еще – мне кажется, что следовало взять с собой, в ваше будущее, адъютанта виконта, его секретаря и дворецкого. Самих их мне ничуть не жалко, а вот то, что они знали, могло бы очень пригодиться ее брату, графу Бенкендорфу.

– Джек, это было небезопасно – таскать их с собой по всему Лондону, – ответил Герман. – Ну, а насчет того, что знали эти подонки, так мы все их откровения записали на видео. Потом, в более спокойной обстановке люди, кои обучены анализу полученной в ходе допроса информации, изучат то, что они нам рассказали, и прикинут – как все это можно использовать.

Джейкоб пожал плечами, но спорить не стал. За время, проведенное в компании людей из будущего, он узнал столько, сколько не узнал за всю свою жизнь, полную приключений и опасностей. Отомстив убийце княгине Ливен, он мог посчитать, что тем самым выполнил долг чести и волен теперь поступать, как ему вздумается. Но корсиканец уже решил для себя, что он ни за что не покинет своих новых товарищей и будет так же верно служить России, как служила его благодетельница княгиня Ливен.

...И вот они дома. Портал за их спиной закрылся, а встречавшие подошли к ним и дружески обняли их. Потом еще один бросок, и они снова окажутся в XIX веке. Граф будет рад, что его сестра отомщена, а подполковник Щукин – информации, которую удалось получить во время очередного вояжа в Британию...

Жуткое и таинственное убийство премьер-министра Британии виконта Мельбурна потрясло все королевство. Врагов у покойного было немало, но ни один из них не смог бы так жестоко расправиться с сэром Уильямом. Его тело было буквально разорвано пополам. Сыщики из Скотланд-Ярда, прибывшие на место происшествия, даже поначалу не могли понять – каким оружием был убит виконт Мельбурн. Охранявшие его загородный дом люди ничего толкового сообщить не смогли. Ни один из них не видел ничего подозрительного и не слышал выстрелов. К тому же раны на трупе убитого больше всего походили на телесные повреждения, нанесенные топором мясника.

Лишь позднее, при более тщательном осмотре комнаты, в которой убили виконта Мельбурна, в деревянной обшивке стены было обнаружено отверстие, похожее на пулевое. По всей видимости, пуля пробила тело сэра Уильяма и вошла в стену. Сыщики попробовали ее достать, но им это удалось сделать лишь после того, как рабочие разобрали по кирпичику участок комнатной стены. Предмет, убивший премьер-министра Британии, представлял собой кусок искореженного металла – точнее, двух металлов. Один из них был похож на свинец, второй – на медь. Оружейники, осмотревшие находку, так и не пришли к какому-либо определенному выводу. Словом, тайна убийства виконта Мельбурна осталась не разгаданной.

Королева Виктория, узнав о гибели своего политического наставника и друга, побледнела, как смерть, а потом с ней случилась истерика.

– Кто посмел поднять руку на сэра Уильяма?! – кричала она. – Что за таинственные убийцы, совершившие это преступление?! Почему охрана не сумела спасти его?! Ведь эти злодеи так же могут убить и меня!

Придворные только молча пожимали плечами. В конце концов им удалось успокоить королеву, но ответить на ее вопросы никто из них так и не смог. Некоторые из «власть предержащих» тайком судачили о том, что, возможно, таинственная смерть сэра Уильяма связана с не менее таинственной смертью княгини Ливен. Кое-кто даже предположил, что граф Бенкендорф – брат княгини – таким образом отомстил виконту Мельбурну за смерть сестры. Некоторые титулованные особы из британского высшего света на всякий случай отбыли из Лондона в свои отдаленные усадьбы, а те, у кого были личные яхты, срочно отправились в дальние путешествия на неопределенный срок. И не все вернулись из

плаванья.

Те же русофобы, кто остался в британской столице, на время притихли, перестав лить грязь на Россию, ее народ и на императора Николая. Как-то неуютно они себя почувствовали... Ведь любого из них могла постигнуть печальная участь виконта Мельбурна.

* * *

В далекой России результаты работы «мстителей» оценили сдержанно. Александр Христофорович Бенкендорф, безусловно, был доволен тем, что его сестра отомщена, хотя, конечно, он предпочел бы другой способ наказания злодеев-британцев – он или лично вызвал бы этого чертова виконта на дуэль, или добился, чтобы его судили и отправили на каторгу...

В то же время граф понимал, что все задуманное им нереально, и то, что сделали для него люди из будущего, пожалуй, оказалось единственно верным вариантом. И потому он молча пожал руку Джейкобу Уайту, Герману и Борису, когда те прибыли в Петербург XIX века. Александр Христофорович тяжело вздохнул, смахнул слезу, скатившуюся по его щеке, и пробормотал что-то вроде: «Спасибо, братцы, век не забуду...»

С императором встреча не предвиделась, потому что Николай, хорошо зная о «карательной экспедиции», все же попросил не посвящать его во все ее подробности. Он мотивировал это тем, что иностранные дипломаты могут задать ему вопросы, касаемые убийства виконта Мельбурна, а он не сможет им лгать, так как этому не обучен.

Щукин ожидал от императора примерно такой ответ и потому просто принял его к сведению. Он давно уже пришел к выводу, что менталитет жителей XIX века сильно отличается от менталитета жителей XXI века. И потому, чтобы в дальнейшем у предков не возникало предубеждений против потомков, решил, что не стоит полностью информировать их о предстоящих спецоперациях. Это, понятно, будет касаться не всех поголовно, а только тех, кто находится на вершине власти. Взять того же майора Соколова – сей молодой человек прекрасно все понимает и вполне согласен с ним, что бороться по-джентльменски с противником, который поступает в отношении тебя абсолютно не по-джентльменски, просто глупо.

«Слава богу, – усмехнулся про себя Щукин, – что граф и император еще недостаточно знают наши реалии. Захваты заложников, теракты, убийства иностранных лидеров, нападения без объявления войны,

бомбежки мирных городов, больниц и школ – тут Николая Павловича просто может хватить удар. Хотя сэры и пэры в XIX веке тоже были далеко не белыми и пушистыми. Достаточно вспомнить их колониальные авантюры, и ту же бедную Ирландию, которую британцы чмырили аж до 20-х годов XX века».

Сейчас же у подполковника на повестке дня стояли другие задачи. Прибывшие из Севастополя лейтенант Попов и капитан-лейтенант Бобров доложили ему о результате своей поездки в Крым и планах развертывания блокады Кавказского побережья с помощью отряда кораблей из будущего. Впрочем, и Черноморскому флоту XIX века тоже при этом найдется работа. И чтобы согласовать совместные действия, неплохо было бы переговорить с адмиралом Лазаревым. Можно даже будет через портал отправить его в Севастополь XXI века – санкция на подобное путешествие от императора получена. Такая умная голова, как Михаил Петрович Лазарев, быстро оценит боевые возможности кораблей потомков. Ведь он вовремя понял, что будущее – за паровыми военными кораблями, и постарался сделать все, чтобы для Черного моря вступило в строй несколько десятков паровых судов. При нем же на Черном море появился первый военный корабль, построенный целиком из железа. Да и «лазаревская школа» чего стоит! Имена Нахимова, Корнилова, Истомина, Бутакова говорят сами за себя.

Щукин имел приватную беседу с мистером Уайтом. Тот, как он и ожидал, изъявил желание поступить на службу России. Олегу понравился умный, храбрый и находчивый корсиканец. Да и граф Бенкендорф, из уважения к памяти своей сестры, посчитал, что надо устроить судьбу ее верного помощника. Так что Джакомо Бьянко – мистер Уайт, попросил, чтобы он числился на русской службе под своим настоящим именем – был принят служащим в III отделение СЕИВ канцелярии и подчинен лично майору Соколову.

Сейчас Щукин вместе с Соколовым и синьором Бьянко разрабатывали очередную спецоперацию. А именно – ликвидацию арестованного и осужденного за попытку государственного переворота племянника императора Наполеона Бонапарта, Шарля Луи Наполеона. Впоследствии он станет императором Франции под именем Наполеона III. В самое ближайшее время мятежника должны отправить в крепость Гам, где по приговору суда палаты пэров он будет отбывать пожизненный срок.

Как известно, этот авантюрист доведет Францию до катастрофы под Седаном и Мецем и попадет в плен к пруссакам. Помимо этого, Наполеон III станет одним из инициаторов создания антирусской коалиции в 1853 году и сделает все, чтобы Крымская война закончилась для России

поражением.

Чтобы всего этого не случилось, нужно предпринять надлежащие меры для того, чтобы бездарный племянник великого дяди не сумел выбраться из тюрьмы. Во всяком случае, живым. Синьор Бьянко не испытывал большой любви к родственникам своего земляка Буонапарте. Скорее, наоборот. Он сразу же согласился поучаствовать в очередной зарубежной командировке. Правда, подполковник Щукин заявил, что на этот раз следует использовать традиционные для XIX века методы. Смерть арестанта должна быть не вызывающей подозрений – например, от острого пищевого отравления или от какого-нибудь заболевания. На худой конец – убийство при попытке к бегству.

– Господин подполковник, – сказал Джакопо, – думаю, что ваше задание будет выполнено без особых затруднений. У меня во Франции есть немало приятелей, которые помогут мне добраться до этого бастарда. ... Почему бастарда? Да потому, что его настоящий отец совсем не Людовик Бонапарт, а один из любовников его распутной женушки. Впрочем, мне нет никакой охоты рассказывать о ее амурных похождениях. Я готов отправиться во Францию вместе с вашими людьми, хотя, как мне кажется, их умение отправлять к праотцам людей вряд ли понадобится. Но они умеют пользоваться многими полезными вещами, которые пригодятся во время выполнения нашей миссии. Так что можно прямо сейчас начать подготовку к отъезду во Францию.

– Ну, вот и отлично, – удовлетворенно кивнул Щукин. – Джакопо, я попрошу вас завтра предоставить мне предварительный план спецоперации. А мы прикинем, чем можно будет вам помочь и как вам лучше будет завершить вашу миссию...

В гостях хорошо, а дома лучше...

– Как быстро летит время! – с удивлением констатировала Адини, узнав от Надин о том, что ей уже пора возвращаться домой. Она уже привыкла к жизни в будущем, с удовольствием слушала по вечерам музыку. У Щукиных дома было много дисков – так здесь назывались блестящие кружки, на которых была записана музыка – и она вместе с Надин рылась в них в поисках произведений, до того ей неизвестных. Она с удовольствием слушала музыку как известных ей композиторов, так и тех, кто ей еще не был известен. Особенно ей понравились произведения Чайковского и Римского-Корсакова. А вот современная музыка не пришлась Адини по вкусу. Но у каждого времени – свои песни.

Обрадовал ее и добрейший доктор Роберт Семенович. Во время ее очередного визита он был весел, мурлыкал под нос какую-то легкомысленную мелодию и с улыбкой сообщил Адини, что, судя по анализам, она, можно сказать, уже практически здорова. Но ей все же придется еще какое-то время находиться под его наблюдением, чтобы быть полностью уверенным, что болезнь больше не вернется.

Надежда была очень рада, что с ее подругой все в порядке, и на радостях предложила Адини, как она сказала, «завалиться в кабачок», чтобы отметить это событие. Созвонившись с Ольгой Румянцевой, она пригласила ее и Карла Брюллова составить им компанию. Предложение было с благодарностью принято.

И вот они вчетвером сидят за столиком, кушают экзотические блюда – ресторанчик оказался китайским – и весело беседуют друг с другом. Надежда Щукина опытным глазом обнаружила за соседним столиком двух молодых людей, которые не спеша жевали жареную свинину с ананасами и время от времени бросали на них внимательные взгляды.

«Понятно, – подумала она, – папины коллеги подстраховывают нас. Ну и пусть. За себя мы с Ольгой особо не беспокоимся – вдвоем мы можем отмахнуться от двоих-троих назойливых и дурно воспитанных мужчин, но вот Адини и Карл Брюллов... Не дай бог с ними что-нибудь случится – папа мне голову оторвет. Пусть глазают, если это им так нравится. Жаль только, что с нами нет Димы...»

Надежда тяжело вздохнула, вспомнив симпатичного майора, по которому она, если сказать честно, сильно соскучилась.

Ее тяжкий вздох и легкая грусть на лице не ускользнули от

бдительного oka Ольги Румянцевой.

«Бедная девочка. Наверное, у нее в свое время от кавалеров не было отбоя, а вот угораздило ей влюбиться в человека из прошлого. Слов нет, Дмитрий Григорьевич – достойный человек, только каково ей будет с ним – ведь они люди из разных эпох. Впрочем, я с Карлушой не чувствую дискомфорта, хотя его поступки и высказывания порой кажутся мне странными. Как и мои ему», – самокритично подумала Ольга.

Брюллов же был сейчас занят дегустацией китайской лапши под соевым соусом. Вокруг него было столько всего непривычного, яркого и экзотического – и он, как губка, впитывал все увиденное, чтобы потом отобразить это на холсте.

Ему хотелось нарисовать портрет дочери Щукина. Эта девица была не похожа на барышень, которых художнику часто приходилось видеть. Надин была прекрасна ликом и фигурой, но в то же время в ней не было той жеманности и кокетства, характерных для его современниц. Она скорее была похожа на гибкую и смертельно опасную пантеру, увиденную им в одном зверинце во время путешествия по Италии. Ему захотелось нарисовать ее, возможно даже в обнаженном виде. Он опасливо взглянул на Ольгу – как она отнесется к такому предложению.

Конечно, Карл был без ума влюблен в свою подругу из будущего, но женщины – они существа весьма странные. Бог знает, что у них в голове.

Вот Адини – а Брюллов знал от Ольги, что эта скромная и тихая девушка не кто иная, как дочь императора Николая Павловича, – та была для него более понятной и близкой. Ее портрет художнику тоже хотелось нарисовать. Великая княжна оживленно беседовала с Ольгой, рассказывая ей о своих успехах в этом мире. Карл с удивлением узнал, что Адини спрыгнула с парашютом с самолета. То есть она спускалась вниз, можно сказать даже, падала, с огромной высоты, видя сверху землю такой, какой ее видят парящие в небесах птицы. С большим удивлением он узнал, что и Ольга тоже когда-то совершила несколько таких прыжков, и теперь они делятся друг с другом своими впечатлениями об испытанных при этом чувствах.

Адини неожиданно ойкнула и с мольбой взглянула на Брюллова.

– Карл Павлович, – девушка умоляюще прижала свои прекрасные руки с узкими изящными ладонями к груди, – я вас прошу не рассказывать, что я прыгала с парашютом, моему батюшке. Он будет очень этим недоволен и станет меня ругать.

– Ваше императорское... – тут Брюллов заметил укоризненный взгляд Ольги и поправился: – Милая Адини, я клянусь вам, что все сказанное вами

здесь не узнает никто. Ни в этом мире, ни в нашем. А я восхищен вами и вашим мужеством. Я бы, наверное, умер от страха, шагнув в пустоту и полетев вниз. Хотя... – он лукаво подмигнул Ольге, – с моей прекрасной дамой я готов отправиться даже в преисподнюю.

Так за разговорами и шутками пролетел вечер. Китайский ресторанчик находился недалеко от дома, в котором жили Щукины, и Адини, выйдя на улицу, попросила Надежду прогуляться пешком, благо вечер был теплый, и дождя, такого привычного в это время года для Северной Пальмиры, не было.

Надежда согласилась, незаметно бросив взгляд через плечо и заметив, что мужчины, сидевшие рядом с ними в зале, тоже поспешили рассчитаться с официантом и вышли из ресторана.

Как она и предполагала, они прогулочным шагом двинулись вслед за ними. Ольга и Брюллов их, похоже, не интересовали.

– Скажи мне, Надин, – тихо спросила Адини, – тебе не страшно было, когда ты отправилась вместе со своим отцом в Англию? Ведь там стреляли и убивали... Как хорошо, что мой Николя, – тут она покраснела, – да-да, мой Николя, оставался на корабле...

– Адини, – задумчиво произнесла Надежда, – тебе трудно понять нас, как и нам бывает трудно понять вас. Я, к примеру, смотрю на все эти дела спокойно, хотя мне тоже стало не по себе, когда отец велел ликвидировать захваченного подручного мистера Уркварта. Вот так вот – взять и убить человека. Хотя, как выяснилось во время его допроса, он рассказал нам о некоторых своих делишках, за которые его с чистой совестью можно отправить к праотцам. Или о захвате самого Уркварта. Там пришлось стрелять – правда, не мне, слава богу – и тоже лилась кровь.

– Это ужасно, – прошептала Адини. – А нельзя было обойтись без всего этого?

– Нет, нельзя, – твердо сказала Надежда, – порой приходится делать не совсем приятные вещи, дабы предотвратить большее зло. Этим, правда, занимаются в основном наши мужчины. Я помню, как переживала моя мама, когда папа уезжал в очередную командировку, из которой возвращались далеко не все. Как, сидя за столом, папа вместе со своими товарищами поднимали тост: «За тех, кто ушел от нас!» И пили не чокаясь. Такая уж у них работа... И Николя твой, он такой же, как мой папа. И Дмитрий – ты видела его – тоже из той же породы. И мы должны им помогать, нет, не убивать, а стараться сделать их жизнь счастливой, чтобы они дома оттаивали сердцем, забывали хотя бы на время о своей работе.

– Я все поняла, Надин, – после минуты молчания произнесла Адини. –

Я очень люблю Николая. И я буду ему надежной помощницей во всех его делах. Ведь твой батюшка и мой Николай будут и дальше отправляться в свои ужасные командировки, где убивают и умирают. Я тоже буду не спать ночами, думать о нем, а потом радостно встречать, когда он вернется ко мне живой и невредимый... Надин, я так соскучилась по нему. Скорей бы наступило завтра, когда я снова окажусь в нашем мире, где меня будут ждать мой батюшка и мой любимый...

* * *

– Послушайте, мой друг, – сказал майору Соколову граф Бенкендорф, еще раз внимательно перечитав его докладную записку. – А вы не преувеличиваете, сообщая о недовольстве, высказываемом некоторыми нашими, гм, государственными деятелями из-за изменений в нашей внешней и внутренней политике?

– Нет, – майор отрицательно покачал головой, – я изложил на бумаге лишь то, что мне и моим людям удалось узнать достоверно. Возможно, что часть фрондеров открыто не выражают свое недовольство. Но в частных беседах они говорят такое, что государю наверняка не понравилось бы.

– Вы говорите – «фрондеров»? – задумчиво спросил граф. – А что, пожалуй, хорошо сказано. Только вы, майор, должны помнить, чем закончилась Фронда во Франции. Тогда королеве Анне Австрийской и кардиналу Мазарини пришлось применить силу и пролить кровь, чтобы навести в стране порядок. Нам же вполне хватит и мятежа 14 декабря, о котором, похоже, кое-кто уже успел позабыть.

Дмитрий Григорьевич, я попрошу вас серьезно отнестись к сведениям, которые вам удалось добыть. Стояние на Сенатской площади тоже зарождалось в светских салонах и на вечерних посиделках гвардейских офицеров. Скажите, а что, по вашему мнению, больше всего раздражает наших новоявленных фрондеров?

– Ваше высокопревосходительство, Александр Христофорович, – майору Соколову вдруг стало жаль этого достойного человека, всю жизнь честно служившего России, – похоже, что недовольство некоторых высокопоставленных особ – просто эгоизм и зависть от того, что у государя появились новые советчики и фавориты. К тому же моим людям удалось установить, что некоторые дипломаты из иностранных миссий старательно подливают масло в огонь, рассказывая о наших друзьях из будущего совершенно невероятные вещи.

– Это британцы? – граф пристально посмотрел на майора. – Неужели у них хватает наглости заниматься тем же, чем занимался в Петербурге в начале века лорд Уитворт?^[4] Если вы, майор, добудете достоверные сведения об участии британцев в возбуждении недовольства против государя, то я сделаю все, чтобы их миссия в полном составе покинула Россию!

– Мы будем внимательно следить за подданными королевы Виктории, живущими в Петербурге, – ответил майор Соколов, – благо наши друзья не только снабдили нас своими хитрыми приборами, но и научили ими пользоваться. Теперь мы знаем, о чем толкуют эти господа, считая, что их никто не слышит.

Бенкендорф поморщился при последних словах своего помощника. Он, конечно, прекрасно понимал, что с заговорщиками нельзя сражаться с открытым забралом, но все же некоторые способы добычи весьма полезной информации вызывали у него некоторую брезгливость. Но граф знал русскую пословицу: «С волками жить – по-волчьи выть». Да и заговорщики действовали далеко не по-джентльменски. Ему вдруг вспомнился англичанин, захвативший в заложники крестьянскую семью и грозивший убить детей.

– Ну, а что слышно о наших друзьях? – Бенкендорф решил сменить тему разговора. – Как поживают подполковник Щукин, Александр Павлович Шумилин и Виктор Иванович Сергеев?

– Подполковник готовит новый вояж – на этот раз во Францию. Правда, туда поедет не он, а его новый помощник синьор Джакопо Бьянко. У него в Париже остались друзья, и он хочет, чтобы они продолжили работать на него, а следовательно, на Россию. – Майор не хотел раскрывать перед своим шефом истинные цели поездки корсиканца во Францию. – Синьор Бьянко – это человек, который был преданным слугой вашей покойной сестры.

Граф Бенкендорф помрачнел, услышав о княгине Дарье Ливен. Он еще не свыкся с тем, что ее больше нет в живых.

– А что касается Александра Павловича Шумилина, – сказал Соколов, – то он сейчас почти каждый день беседует с генералом Перовским. Речь, как я понял, идет о наших южных рубежах. Василий Алексеевич желает довести до победного конца свой поход на Хиву. Да и насчет Афганистана у них появились кое-какие планы. Не все ж британцам против нас интриговать, надо и нам напомнить о себе.

– А господин Сергеев, – с усмешкой спросил Бенкендорф, – он что, уже полностью заделался старосветским помещиком? Слышал я, что

любезный Виктор Иванович занялся хозяйством и редко выбирается из своего имения.

– Он сейчас готовится к встрече с адмиралом Лазаревым. Все же он, как-никак, военный, в отличие от его друга, господина Шумилина. У них там подобралась неплохая компания – капитан-лейтенант Бобров и лейтенант Попов. Да и сын Виктора Ивановича имеет опыт войны в горах Кавказа.

– Да, нам с той, изрядно затянувшейся, войной надо заканчивать, – вздохнул Бенкендорф. – Уж сколько мы там воюем – еще при императрице Екатерине Великой начали, а воз и ныне там. Да что мне вам, майор, рассказывать – ведь и вам там довелось скрестить саблю с кинжалами немирных горцев. России эта война очень дорого обходится.

– Да, ваше высокопревосходительство, – кивнул Соколов. – Подполковник Щукин познакомил меня с документами, в которых рассказывалось о том, как в их истории завершилась Кавказская война. А также о том, как в начале XXI века уже их России пришлось вести войну на Северном Кавказе, и чем там все закончилось. Мы готовим доклад для государя, в котором собираемся предложить ему варианты замирения горцев. Но, независимо от всех вариантов, война может продолжаться еще очень долго, если масла в нее будут подливать иностранные державы, желая тем самым досадить России. Надо будет установить полную блокаду тех территорий, где орудуют шайки немирных горцев. И прежде всего, морскую блокаду. Боюсь, что после того, как нам удалось похитить сэра Уркварта и разгромить британскую эскадру у берегов Норвегии, англичане, дабы насолить нам, усилят помощь горцам деньгами, оружием и людьми. Вот для того, чтобы эта помощь не доходила до них, в Петербург приглашен командующий Черноморским флотом адмирал Лазарев.

– Да, государь еще месяц назад послал с фельдъегерем ему письмо с приказом прибыть в Санкт-Петербург, – кивнул Бенкендорф. – Но, к сожалению, адмирал был болен и не смог сразу отправиться в путь. А на днях с почтой от него пришла депеша, в которой он сообщал, что поправился и на курьерской тройке тотчас же выезжает из Севастополя. Так что он должен быть здесь со дня на день.

– Ну, вот и отлично, – майор Соколов улыбнулся, представив, как будет удивлен Лазарев, когда узнает – куда ему предстоит отправиться в путешествие – это не вокруг света пройти и новый континент открыть. – Я думаю, что наши друзья не будут тянуть и вместе с ним отправятся в будущее, где адмирал лично увидит – каким флотом располагает Россия XXI века. Пусть порадуетсся и оценит...

– Значит, будем ждать адмирала, – граф Бенкендорф поднялся из-за стола, показывая своему помощнику, что аудиенция окончена. – А вы можете идти.

Глава III отделения СЕИВ Канцелярии еще раз пробежал глазами докладную записку и пробормотал:

– Надо доложить обо всем государю. Хватит им шептаться по углам, как старым девам. Если кому что-то здесь не нравится – пусть отправляются в свои имения и там брызгают желчью. Без семи праведников город не стоит – не нравится этим служить России и государю – найдем других...

* * *

Главный командир Черноморского флота и портов, военный губернатор Севастополя и Николаева, вице-адмирал Михаил Петрович Лазарев трясся на курьерской тройке в Петербург и думал, думал, думал...

Еще месяц назад адмирал получил письмо, подписанное графом Бенкендорфом. В ней Александр Христофорович сообщал, что государь желает видеть командующего Черноморским флотом и потому ему, Лазареву, следует как можно скорее прибыть в столицу. Граф Бенкендорф был фигурой весьма влиятельной при дворе и не склонной к праздным шуткам. Лазарев подумал-подумал и... махнув рукой, решил под благовидным предлогом отказаться от поездки. Уж очень ему не хотелось покидать флот в самый разгар боевых действий. Его корабли высаживали десанты на Кавказском побережье, которые под командованием генерала Раевского очистили от немирных горцев побережье и устья рек Туапсе, Субаши и Пазуапе. На берегу последней был построен форт, который называли именем Лазарева.

К тому же Михаил Петрович всегда сторонился дворцовых интриг. Он был моряком, и самым главным для него в жизни было море. А то, что происходило в высшем свете, к флотской службе не имело никакого отношения. К тому же он хорошо помнил печальную судьбу флигель-адъютанта государя капитана 1-го ранга Александра Ивановича Казарского, который слишком глубоко копнул, проводя ревизию дел на Черноморском флоте, которым командовал тогдашний предшественник Лазарева адмирал Александр Самуилович Грейг. Казенные средства при попустительстве Грейга регулярно расхищались, и попытавшийся положить этому конец бедняга Казарский был отравлен. Нет уж, недаром народ говорит: «Близко к

царю – близко к смерти».

Сказавшись больным, Лазарев продолжал руководить повседневной деятельностью Черноморского флота, занимался обучением офицеров и матросов, стараясь сделать из них настоящих морских волков. До него доходили слухи о странных делах, которые творились в Петербурге. Государь отправил в отставку министра иностранных дел графа Нессельроде, приблизил к себе каких-то странных людей, о которых ранее никто и не слышал.

Но все эти столичные интриги не очень-то интересовали адмирала. А вот другие вести, полученные от его европейских знакомых, вызвали у Лазарева неподдельное любопытство.

Некто – все сообщившие Михаилу Петровичу о необычном морском сражении у берегов Норвегии так и не смогли точно ему сказать – кто именно, непонятным оружием в течение получаса уничтожил небольшую британскую эскадру. Выглядело все это так, словно британские фрегаты поражал небесным огнем сам архистратиг Михаил – глава небесного воинства.

Лазарев поначалу не поверил во все эти рассказы, похожие на матросские байки – не хватало ему еще сказок про Кракена и Дэви Джонса. Но когда известие обо всем произошедшем сообщил ему в частном письме старый знакомый – отставной адмирал королевского флота, Михаил Петрович призадумался. А не связано ли все это со странными делами в Петербурге? Теперь уже ему самому захотелось отправиться в столицу и встретиться с императором. Но, после того как он не воспользовался приглашением графа Бенкендорфа, самому напрашиваться на прием к царю для адмирала было как-то не очень прилично...

Одним словом, он стал ждать новое приглашение, которое пришло в Севастополь дней десять назад. Причем на этот раз оно было подписано самим государем и больше походило на приказ – немедленно прибыть в Петербург для того, чтобы предстать пред самодержцем.

На этот раз Лазарев не стал колебаться, а в тот же день отправился в путь. От Севастополя до Петербурга на курьерских можно было добраться за пять дней, но адмирал решил не спешить. Лишние день-два для него погоды не сделают, а дополнительное время может пригодиться для того, чтобы обдумать предстоящий доклад императору.

Скорее всего, речь пойдет о боевых действиях, которые Черноморский флот вел совместно с русской армией против немирных горцев. Закрепление России на Кавказе вызывало дикую злобу у британских и турецких политиков. Особенно непримирима была Англия, которая

стремилась превратить Кавказ с его природными богатствами и важным стратегическим положением в свою колонию. На протяжении многих лет она поддерживала Турцию и Персию в их борьбе против России. Британские и турецкие агенты разжигали на Кавказе джихад против «неверных». Горцы под предводительством имама Шамиля совершали набеги на казачьи станицы, военные укрепления и аулы горцев, которые отказывались воевать против русских.

Чтобы разрушить коварные планы англичан и турок и пресечь их попытки помочь Шамилю с моря, Черноморский флот по приказу Лазарева блокировал Кавказское побережье. Для боевых действий адмирал выделил отряд, а позднее – целую эскадру кораблей Черноморского флота, в числе которых было шесть вооруженных пароходов. В 1838 году Лазарев лично выбрал место для базирования этой эскадры в Цемесской бухте, у устья реки Цемес.^[5]

Корабли Черноморского флота содействовали сухопутным войскам в занятии многих пунктов Черноморского побережья. В 1838 году русский десант был высажен в районе Туапсе.

В этом году на побережье между Анапой и Сухум-Кале русские имели уже двенадцать укреплений, построенных на территориях, занятых при содействии кораблей Черноморского флота. Укрепления эти подвергались частым набегам отрядов немирных горцев. Им помогали оружием и боеприпасами англичане и турки. Для того чтобы блокировать Кавказское побережье, Лазарев планировал на будущий 1841 год сосредоточить на мысе Адлер у укрепления Святого Духа сильный армейский отряд, переброшенный туда на кораблях Черноморского флота. К нему должна присоединиться и милиция, сформированная из числа кавказских племен, которые поддерживали в этой борьбе русских. Объединенный отряд поведет от мыса Адлер наступление на немирных горцев вдоль побережья до Навагинского форта.^[6]

«Кстати, – подумал Лазарев, – надо поручить контр-адмиралу Станюковичу провести рекогносцировку Кавказского побережья. Он со своим отрядом в прошлом году неплохо показал себя во время занятия Субаши. Так что места тамошние он уже знает. Без хороших карт с обозначением всех мелей и подводных камней было крайне рискованно высаживать десант на побережье. И все-таки, что же произошло с британскими фрегатами?» – Лазарев который уже день ломал голову, пытаясь решить мучившую его загадку. Но ничего вразумительного он так и не мог придумать. Если сие действительно как-то связано с появлением в

окружении государя таинственных людей, то это значит, что у российского флота скоро появится новое оружие, и он сможет теперь на равных сражаться с самым сильным флотом мира – с британским. А то, что России рано или поздно придется скрестить шпаги с Англией, Лазарев не сомневался.

Он вспомнил, как в 1808 году, в нескольких милях от Рогервика, будучи еще совсем юным лейтенантом, пытался спасти севший на мель русский 74-пушечный корабль «Всеволод». Лазарев тогда командовал шлюпкой со 130-пушечного корабля «Благодать» и был отправлен адмиралом Ханыковым, чтобы помочь снять с мели и отбуксировать поврежденный «Всеволод».

Но на беззащитный корабль напали два британских 74-пушечных корабля. Они обстреляли русские шлюпки картечью, Лазарев был ранен и попал в плен.

Адмирал уже был знаком с британскими моряками – в течение пяти лет он стажировался в качестве гардемарина на военных кораблях британского флота. Но в плену он увидел настоящее лицо английских «джентльменов». Сколько у них было спеси и презрения к русским, дерзнувшим бросить перчатку Ройал Нэви! В плену Лазарев пробыл чуть меньше года, но именно там он понял, что Англия – враг России, и от нее следует ждать в будущем больших неприятностей.

Правда, во время Наваринского сражения его корабль «Азов» сражался борт о борт с британскими и французскими кораблями, и даже пришел на помощь флагманскому кораблю англичан «Азия», жестоко обстреливаемому 84-пушечным египетским кораблем, на котором держал флаг сам Мухарем-бей. За это сражение Лазарев был награжден одной из высших британских наград – орденом Бани.

А потом... А потом англичане стали помогать туркам – своим бывшим противникам – в их войне против своих бывших союзников – русских. И этим они продолжают заниматься и по сей день. Адмирал знал, что без британской поддержки горцы, воюющие на Кавказе, давно бы сложили оружие. Поэтому единственный способ прекратить затянувшуюся Кавказскую войну – это наглухо блокировать побережье и прервать снабжение Шамиля. Только как это сделать?

Лазарев задумался, а потом, незаметно для себя задремал. Проснулся он от громкого голоса кучера: «Ваше превосходительство, мы подъезжаем к Петербургу!»

В столице адмирала Лазарева уже ждали. Не успел он перевести дух с дороги, как его сразу же вызвали к императору. Причем не в Зимний дворец, а в Аничков. Михаил Петрович, немного удивленный, достал из дорожного сундука парадный мундир со всеми регалиями, привел себя в порядок и на присланной за ним карете Придворного ведомства отправился на встречу с самодержцем. Надо сказать, что он немного волновался, хотя и старался не показать свое волнение.

Но царь встретил адмирала тепло, можно сказать, по-домашнему. Для начала он поинтересовался – благополучно ли Лазарев добрался до Петербурга, а потом представил командующему Черноморским флотом двух незнакомых адмиралу морских офицеров. Они были в невысоких чинах – лейтенант и капитан-лейтенант. Фамилия капитан-лейтенанта Лазареву была неизвестна, а вот Попова он решил чуть позднее спросить – не приходится ли ему родственником мичман Андрей Попов, служивший в 32-м флотском экипаже в Севастополе. Весьма толковый молодой офицер.

– Михаил Петрович, – сказал государь, предложив адмиралу присесть на мягкий диван, – я вызвал вас для того, чтобы поговорить с вами по одному очень серьезному делу. Скажите мне, только честно – можно ли закончить войну на Кавказе без полной блокады побережья? Ведь именно по Черному морю идет снабжение немирных горцев боеприпасами и оружием.

– Ваше величество, – не задумываясь ответил адмирал, – вам хорошо известно мое мнение – без пресечения подвоза снабжения для войск Шамиля по морю война еще может продлиться не один десяток лет. И мы на Черном море делаем все, чтобы перехватывать транспорты с оружием, не дав им тайно разгрузиться и передать это оружие мятежникам.

– И я того же мнения, Михаил Петрович, – кивнул император. – Именно об этом я и хотел сегодня с вами поговорить. Вы слышали о морском сражении, произошедшем недавно у берегов Норвегии? В нем были уничтожены три больших британских фрегата. Причем длилось это ночное сражение не более получаса.

– До меня доходили слухи об этом сражении, – осторожно сказал Лазарев. – Только они были весьма противоречивыми, и я, честно говоря, полагаю, что многое из того, что мне стало известно – вымысел.

– А вы не хотели бы, Михаил Петрович, увидеть своими глазами – что произошло в ту ночь у берегов Норвегии, – император лукаво посмотрел на

удивленного этим вопросом адмирала. – У нас есть возможность показать вам это сражение со всеми подробностями.

Лазарев растерянно кивнул головой, и государь сказал, повернувшись к капитан-лейтенанту Боброву:

– Андрей Иванович, начинайте...

Тот подошел к небольшому столику, на котором лежал прямоугольный плоский ящик, сделанный из неизвестного Лазареву материала. Капитан-лейтенант поднял крышку этого ящика, нажал на несколько кнопок, и вскоре на внутренней стороне крышки появилось изображение огромного корабля – настоящего Левиафана – без парусов и мачт. Потом изображение пропало, а вместо него появились движущиеся картинки.

Изумленный Лазарев увидел другой корабль – гораздо меньший по размерам предыдущего, но тоже без мачт и парусов. С огромной скоростью он мчался по морским волнам. Похоже, что у него внутри была паровая машина. Но ни труб, ни клубов дыма видно не было. К тому же этот корабль был полностью сделан из железа.

– Наш катер вышел на охоту, – из ящика раздался человеческий голос, и от неожиданности адмирал вздрогнул. – Где эта чертова британская эскадра? А ну, подать ее сюда!

Михаилу Петровичу показалось, что он узнал голос говорившего – это был голос находящегося здесь капитан-лейтенанта Боброва.

«Может быть, он владеет даром чревовещания?» – подумал адмирал.

А потом наступила ночь. Точнее, серое предрассветное утро. На горизонте Лазарев увидел неясные силуэты трех больших фрегатов, идущих под всеми парусами.

Их было три: один, другой и третий,
И шли они в кильватер без огней,
Лишь волком выл в снастях разбойный ветер,
А ночь была темнее всех ночей.^[7]

Чей-то, чуть хриловатый голос пропел куплет песни, несомненно, матросской.

То, что потом увидел адмирал, иначе как кошмаром назвать было трудно. Откуда-то сбоку стали вылетать огненные стрелы, которые вонзались в парусные фрегаты. Огненная вспышка, грохот взрыва, и вот уже красавец фрегат ярко пылает от ватерлинии до клотика. Лазарев вспомнил, что нечто похожее он видел во время Наваринского сражения,

когда осыпaeмый вражескими ядрами «Азов» проходил мимо объятых пламенем египетских фрегатов и корветов.

Вскоре огненные стрелы перестали летать, а британские фрегаты один за другим погрузились в морскую пучину.

– Это вам, сволочи, за «Гавриил», «Свободу» и «Константин», – Лазарев снова услышал голос певца.

– И за «Всеволод», – добавил еще чей-то голос. Адмиралу показалось, что это сказал лейтенант Попов. Михаил Петрович вспомнил, как британцы осыпали ядрами беспомощный, севший на мель «Всеволод». А вот про «Гавриил», «Свободу» и «Константина» он ничего не слышал. Во всяком случае, про то, что корабли, носившие эти имена в русском флоте – кроме «Свободы», такого названия адмирал не помнил – каким-либо образом пострадали от британцев.

– Может быть, окажем помощь тонущим? – поинтересовался лейтенант Попов.

– Ну, и куда мы их денем? – ответил капитан-лейтенант Бобров. – Катер не резиновый, да и нам, что, с собой в будущее их тащить?

«В будущее! – эта мысль, словно молния, поразила Лазарева. – И как это я сразу не догадался-то?! Все эти удивительные приборы – ящик с живыми картинками, корабли без парусов, которые с удивительной скоростью мчались по морю – все это из будущего!»

– Скажите, ваше величество, – спросил он, когда с внутренней стороны крышки ящичка исчезла последняя живая картинка, – так все, что я сейчас увидел – это сделали люди из далекого будущего?

– Именно так, Михаил Петрович, именно так, – государь с улыбкой посмотрел на Лазарева. – Британскую эскадру, собиравшуюся подло напасть на русский пароходо-фрегат «Богатырь», уничтожил катер – так называется этот класс боевых кораблей у наших потомков. И командовал им присутствующий здесь капитан-лейтенант Бобров. Он, вместе со своим кораблем, пришел в наш век из будущего, для того, чтобы защитить своих предков. Капитан-лейтенант устроил британцам подлинное «избиение младенцев».

– Скажите, господин капитан-лейтенант, – взволнованный адмирал допустил бестактность, перебив императора, – а нельзя ли узнать у вас о том, как выглядит в вашем будущем флот России, и чем русские моряки успели в будущем прославить Андреевский флаг?

Бобров вопросительно посмотрел на императора. Николай едва заметно кивнул, и капитан-лейтенант сказал:

– Ваше превосходительство, Михаил Петрович, – мы будем рады

приветствовать вас в XXI веке и показать вам наши боевые корабли. Государь не против вашего путешествия в будущее. Кроме того, мы хотели бы обсудить с вами наши совместные действия по пресечению деятельности иностранных государств, которые, желая нанести ущерб России, снабжают немирных горцев оружием и боеприпасами. Скажите, ваше превосходительство, когда бы вы смогли отправиться в наше время?

– Да хоть сию минуту! – воскликнул взволнованный Лазарев. – Я готов отдать десять лет жизни, чтобы увидеть своими глазами все, о чем вы только что мне рассказали.

– Кстати, о десяти годах жизни, – произнес император. – Мне, Михаил Петрович, сообщили наши потомки, что вы в самое ближайшее время можете заболеть тяжелым недугом. Наши потомки успели совершить множество открытий в медицине, и они лечат болезни, которые у нас считаются неизлечимыми. Поэтому, мой друг, я попрошу вас в XXI веке пройти обследование у их врачей, которые сделают все, чтобы вы прожили как можно дольше и послужили еще России. Я именно вас прошу, а не приказываю, потому что знаю – мою просьбу вы обязательно выполните.

– А теперь, господа, – император встал с кресла, тем самым показывая, что беседа закончилась, – я оставляю вас здесь, чтобы вы могли побеседовать о ваших морских делах. Я, к сожалению, в них плохо разбираюсь.

* * *

Разговор моряков продолжался почти до полуночи. Лишь когда капитан-лейтенант Бобров заметил, что глаза Лазарева сами собой закрываются, и тот начинает клевать носом, он незаметно для адмирала сделал знак рукой Попову – дескать, пора и честь знать.

– Михаил Петрович (они по старому флотскому обычаю уже называли друг друга по имени и отчеству), давайте сделаем перерыв. Вы ведь с дороги и устали от долгого пути. Завтра мы снова продолжим нашу беседу, и я с большим удовольствием отвечу на все ваши вопросы.

– Вы правы, господа, – усталым голосом ответил Лазарев, – мне действительно надо немного отдохнуть. Да и на то, чтобы спокойно обдумать все, что вы сегодня мне рассказали, тоже, конечно, потребуется некоторое время.

Адмирал, кряхтя, встал со стула, энергично потер покрасневшие глаза и подошел к офицерам, чтобы пожать им руки. Бобров и Попов

переглянулись.

– Михаил Петрович, – сказал Бобров, – по указанию императора вам в этом дворце отвели помещение для отдыха. Там вы сможете переночевать, а утром, с новыми силами, мы продолжим наше общение и с вами отправимся в гости к Виктору Ивановичу Сергееву. Там вы подготовитесь к отправке в будущее. Вам необходимо будет пройти соответствующий инструктаж, потому что жизнь в XXI веке не совсем похожа на жизнь в веке девятнадцатом.

– Значит, завтра? – кивнул головой адмирал. – Ну что ж, тогда мне действительно следует отдохнуть. Спокойной ночи, господа... Да, позвольте мне задать вам еще один вопрос – мы отправимся в Петербург будущего или сразу в Севастополь?

Бобров пожал плечами. Ему было известно, что основная работа будет происходить в Севастополе, но в Петербурге, и даже в Москве, есть высокопоставленные личности, которые хотели бы лично побеседовать с легендарным адмиралом.

– Знаете, Михаил Петрович, говорят, что утро вечера мудренее. Вот приедем завтра к Виктору Ивановичу, возможно, что-то новое и узнаем. Спокойной ночи...

Лазарев ушел, а офицеры, еще немного поболтав, тоже стали готовиться ко сну. Завтрашний день мог и для них быть трудным.

Но, как это ни странно, переход в будущее для Лазарева прошел спокойно, можно даже сказать, обыденно. Адмирал, проинструктированный Сергеевым-старшим, конечно, был очень удивлен, когда в воздухе появилась изумрудная пульсирующая точка, через несколько минут превратившаяся в огромный овал. Адмирал за свою долгую и богатую приключениями жизнь много чего повидал (одно его путешествие к берегам тогда еще никому не известного материка – Антарктиды – чего стоит), и лишь слегка напрягся перед тем, как сделать шаг в будущее.

Встречал их подполковник Щукин, который отправился в Петербург XXI века накануне. Похоже, что он успел переговорить с кем надо о программе визита адмирала Лазарева, а потому сразу же предложил всем прибывшим переодеться в современную офицерскую форму ВМФ и отправиться на аэродром, где их уже ждет спецборт, следующий в Севастополь.

– Михаил Петрович, там, в Севастополе, вы осмотрите все, что пожелаете, а потом мы перебросим вас на нашем патрульном корабле снова в XIX век. Возможно, в ходе вашей командировки с вами встретится кто-то

из руководителей России. Думаю, что вам такая встреча будет необходима, чтобы решить многие вопросы, которые у вас, несомненно, появятся во время вашей поездки. А потом, побывав в вашем Севастополе, вы снова вернетесь в наше время, и оттуда вас самолетом отправят в Петербург. Далее откроется портал, где вас с нетерпением будет ждать Виктор Иванович Сергеев и граф Бенкендорф. А может быть, и сам государь.

Лазарев, внимательно выслушавший Щукина, кивнул. Предложенный план ему понравился. Он на мгновение представил себе свое возвращение в Севастополь на чудо-корабле потомков. Какими глазами на него будет смотреть адмирал Станюкович! Как будет удивлен его сослуживец по «Азову», командир 84-пушечного корабля «Силистрия» капитан 1-го ранга Павел Степанович Нахимов! Думается, что это будет зрелище, достойное богов.

– Я согласен, Олег Михайлович, – адмирал на мгновение замялся, вспоминая имя и отчество подполковника, с которым он познакомился полчаса назад. – Значит, сейчас мы отправимся в путь по воздуху в Крым? Как скоро мы там будем?

– Думаю, что через несколько часов, – ответил Щукин. – В самолете можно отдохнуть, если вам этого захочется. Все равно с высоты десяти верст вы ничего не увидите. Над вами синее небо, под вами белые облака. Самое же главное ждет вас в Севастополе.

Потом Лазарев, Попов и Бобров закончили переодевание; два молчаливых молодых человека, вызванные Щукиным, бережно уложили их одежду в большие пластиковые мешки, после чего все вышли из ангара и уселись в небольшой микроавтобус, который повез их на военный аэродром в Левашово.

Адмирал с большим интересом из огна самодвижущейся кареты потомков разглядывал жизнь Петербурга XXI века. Его удивляло многое – и слишком откровенные (даже, пожалуй, неприличные) наряды женщин, и множество самодвижущихся повозок, как небольших, так и огромных, которые перевозили сразу несколько десятков пассажиров. Мигали лампочки на столбах (Щукин назвал это устройство светофором), ярко светились витрины магазинов.

– У вас, наверное, сегодня большой праздник? – спросил он у Щукина. – В честь чего устроена такая иллюминация?

– Нет, Михаил Петрович, – ответил ему подполковник, – день у нас самый обычный. А подобная иллюминация в Петербурге постоянно...

Лазарев покачал головой, хотел еще о чем-то спросить Щукина, но промолчал.

На аэродроме адмирал долго с любопытством рассматривал стоявших там больших железных птиц. На одной из них ему предстояло сегодня по воздуху отправиться в Крым.

Ну, а потом, расположившись в мягком кресле, он испытал ни с чем не сравнимые ощущения. Самолет взревел своими моторами, постоял какое-то время, а потом помчался по большому и ровному полю. Он оторвался от земли и стал подниматься в небо. Дома внизу быстро превратились в маленькие коробочки, а люди – в едва заметных сверху муравьишек. Скоро земля под крылом самолета задернулась белесой дымкой, и увидеть что-либо стало невозможно.

Когда разрешили отстегнуть ремни, к адмиралу подсел капитан-лейтенант Бобров, и между двумя моряками завязалась беседа. Лазарев расспрашивал своего визави о современном Черноморском флоте, о дальних походах, о службе и обучении будущих морских офицеров. В свою очередь, Бобров расспрашивал Лазарева о его путешествиях, о том, как была открыта Антарктида, и как Черноморский флот помогает русской армии в борьбе с горцами, подстрекаемыми турецкой и британской агентурой.

Разговор их прервался, лишь когда самолет пошел на снижение. Ощущение было такое, какое адмирал испытывал в океане во время шторма. Немного захватило дух, но морской болезни у старого морского волка отродясь не было.

– Мы садимся в Бельбеке, – сказал капитан-лейтенант Бобров, – еще чуть-чуть, и мы будем на месте.

Лазарев хорошо знал Бельбек – небольшую деревушку из пяти дворов, входившую в Дуванкойскую волость Симферопольского уезда Таврической губернии. Располагалась эта деревушка на расстоянии полутора десятков верст от Севастополя. А теперь здесь, выходит, построен порт для воздушных кораблей потомков.

Лазарев посмотрел в иллюминатор. Поле, на которое садился его самолет, было огромно. То тут, то там стояли железные птицы разных размеров. Бобров пояснил, что здесь находятся не только транспортные корабли, но и боевые. То есть те, которые с воздуха могут истреблять вражеские части на суше и военные корабли на море.

– Михаил Петрович, – сказал Бобров, – пристегните, пожалуйста, ремень. Сейчас мы будем садиться.

Воздушный корабль коснулся колесами земли, промчался по ровной поверхности, замедлил свой стремительный бег, а потом остановился. К самолету подали трап.

– Все, приехали, – вздохнул капитан-лейтенант, отстегивая ремень, – точнее, прилетели... Вон, посмотрите, нас уже встречают.

Лазарев взглянул в иллюминатор. К их самолету подъехала самобеглая коляска, примерно такая, на которой они ехали в Левашово.

– Ну, ни хрена себе! – неожиданно воскликнул Бобров. – Вы посмотрите, кто нас встречает! Точнее, не нас, а вас, Михаил Петрович... А я и не знал, что Владимир Владимирович сейчас находится в Крыму! Ну что ж, выходим и докладываем. Похоже, что вас, господин адмирал, ожидает здесь много нового и интересного...

notes

Примечания

1

Вадим.

2

Олег.

Swift – в переводе на русский – *стриж*.

Граф Чарльз Уитворт – британский посланник в Санкт-Петербурге (1788–1800) – финансировал заговор против императора Павла I.

Позднее здесь будет основан Новороссийский порт – будущий город Новороссийск.

Позднее город Сочи.

Слова старой матросской песни, рассказывающей о гибели в 1919 году в Копорском заливе трех советских эсминцев: «Гавриил», «Константин» и «Свобода», подорвавшихся на минах, выставленных английскими кораблями.